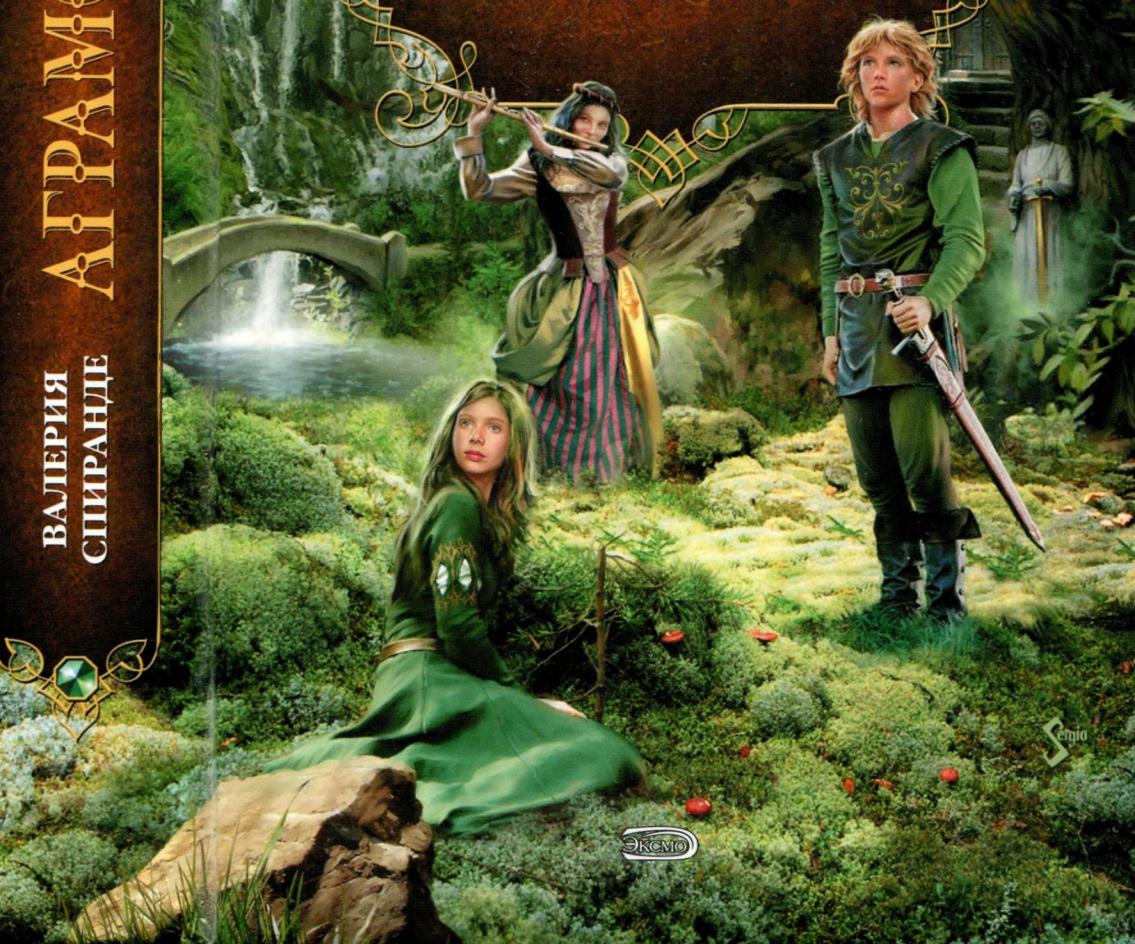

ВАЛЕРИЯ СПИРАНДЕ
АГРАМОНТ

ВАЛЕРИЯ СПИРАНДЕ

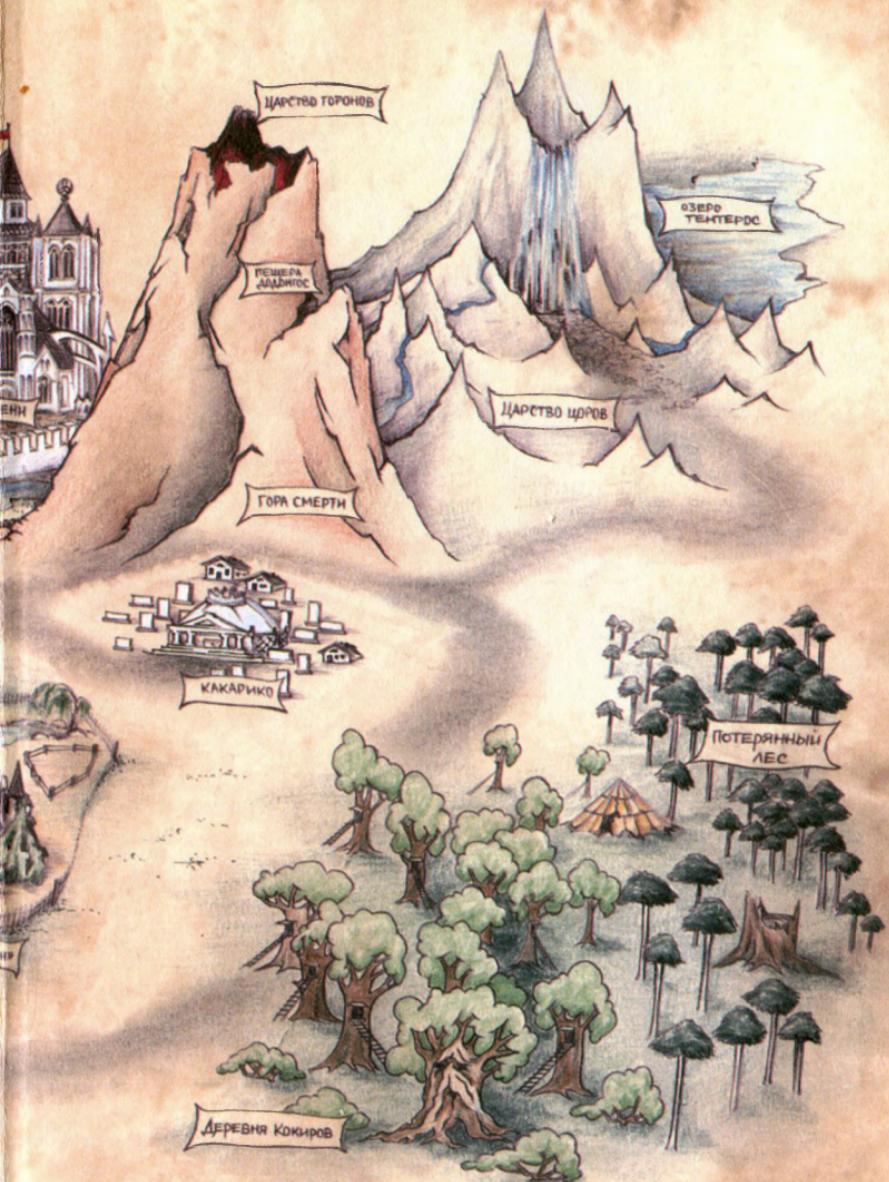
АГРАМОНТ

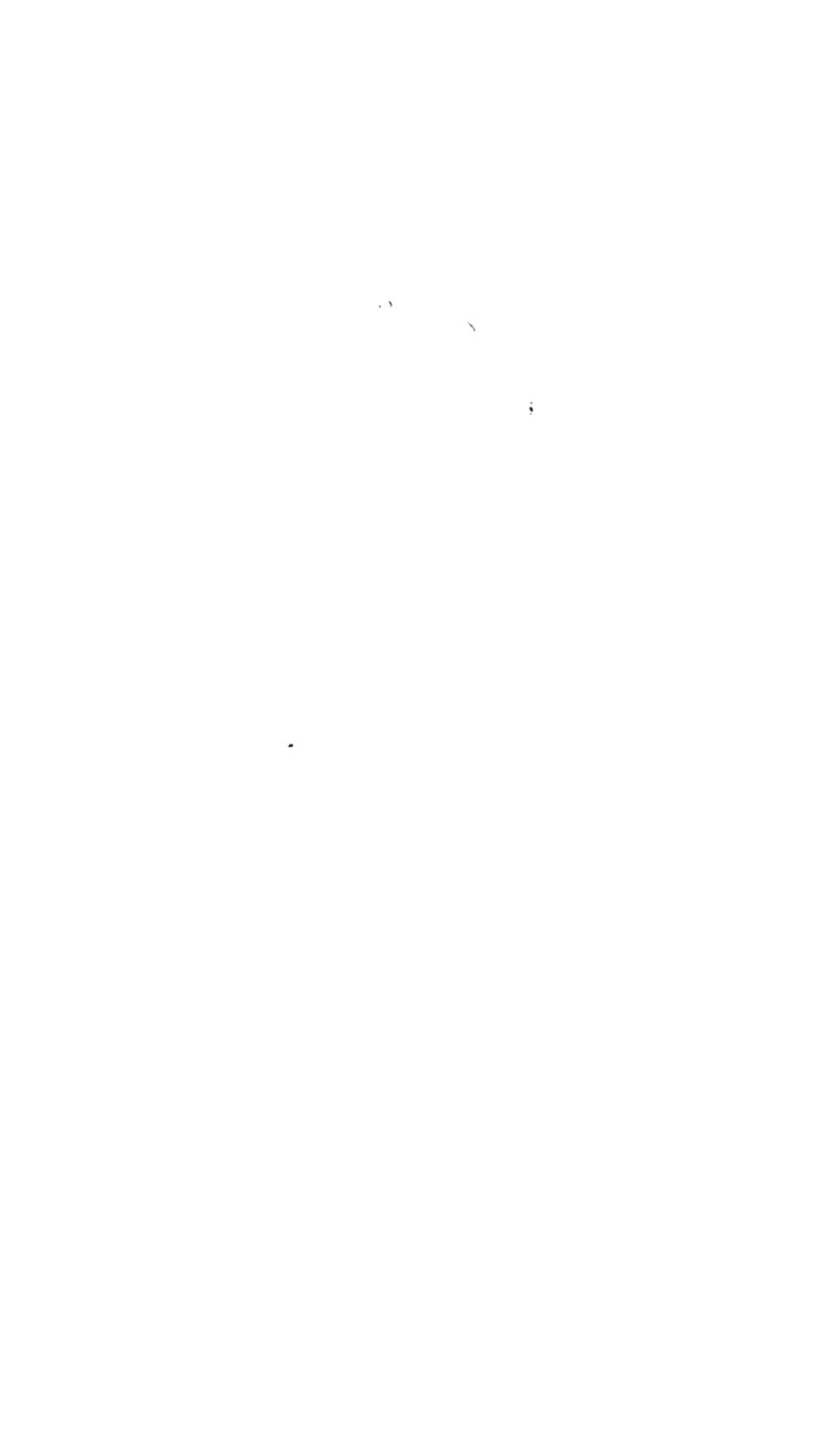

ЭКСМО

ЭКСМО

АГРАМОНТ

$$e^{-\frac{2\pi i}{\lambda} \sum_{j=1}^n \langle \lambda_j, \beta_j \rangle} \prod_{j=1}^n \langle \lambda_j, \beta_j \rangle^{\frac{1}{2}}.$$

$$\mathbb{R}^{\mathbb{N}}$$

ВАЛЕРИЯ СПИРАНДЕ

АГРАМОНТ

Москва

Санкт-Петербург

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
С 72

Руководитель проекта *Александр Жикаренцев*

Художник *Сергей Шикин*

Иллюстрация на форзаце выполнена *Мариной Спиранде*

Спиранде В.

С 72 Аграмонт: Фантастическая повесть / Валерия Спиранде. — М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2007. — 240 с.

ISBN 978-5-699-18913-7

Добро пожаловать в Аграмонт — удивительный мир, где рядом с людьми в мире и согласии живут народы леса, воды и огня: вечно юные кокиры, грациозные цоры, добродушные гороны. Встречается в нем зло, принимающее самые разные обличья. Но всякий раз, когда над Аграмонтом сгущаются тучи, среди лесного народа появляется Избранный, на долю которого выпадает спасти мир и восстановить равновесие добра и зла...

Эта книга — настоящее чудо, ничего подобного еще никогда не выходило в свет ни у нас в стране, ни за рубежом! Ведь Валерия Спиранде написала эту волшебную повесть, когда ей было всего десять лет, однако ее писательскому мастерству могут позавидовать и многие взрослые авторы. Прочтите — и убедитесь сами: чарующий мир, появившийся из-под пера юной писательницы, завораживает как детей, так и взрослых.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-18913-7

© ООО «Издательство «Эксмо», 2007
© ООО «ИД «Домино», оформление, 2007

Эта волшебная повесть посвящается моей маме, которой я бесконечно дорожу и которую безгранично люблю.

Спасибо тебе, мамочка, за то, что в трудные минуты моей жизни ты меня поддерживаешь, за то, что веришь в меня, за то, что помогаешь во всех моих начинаниях, за то, что ты мой самый близкий, самый надежный, самый понимающий друг, за то, что именно ты

МОЯ МАМА

ПРОЛОГ

В этой книге рассказывается о волшебном мире Аграмонт. Он находится так далеко, что не стоит и надеяться в него попасть. Этот мир разделен на провинции. В каждой из них живут народы со своими традициями. Все провинции соединяет Междумирье — дикая, не заселенная разумными существами территория. Этот мир своим устройством напоминает множество комнат, соединенных длинным пустым коридором. Разумеется, каждая комната-провинция имеет свое название. Всего их девять: Деревня кокиров, Мир цоров, Мир горонов, Шелия-замок, крепость Герудо, ферма «Талон и Малон», Шелия-озеро, Кокарико, Потерянный лес.

В Деревне кокиров живут вечно юные дети в зеленых одеждах. С годами кокиры становятся мудрее и опытнее, не меняясь внешне. Они могли бы быть бессмертными, если бы время от времени не гибли от болезней. Жилища эти вечно юные человечки устраивают в дуплах огромных деревьев. У каждого из кокиров есть своя фея. Правда, фея появляется не сразу. Сначала

молодой кокир должен прожить двенадцать-тридцать лет, обучаясь всем премудростям, сдать экзамен на мужество и ловкость, благородство и щедрость. Принимает экзамен хранитель-наставник этого народа — Деку-дерево, огромный старый дуб, чья бурая кора, как морщины древнего старца, складывается в суровое лицо. Под мощными корнями Деку-дерева скрывается вход в подземелье, где живет страшная королева Гому. Гому похожа на паука с единственным блестящим желтым глазом и жалом скорпиона. Пока не родился герой, способный победить это кровожадное чудовище, Деку-дерево не дает голодной Гому выбраться из норы.

Пройдя экзамен, кокир получает свою фею, похожую на светящийся шарик зеленого, красного, синего или желтого цвета с прозрачными крыльшками. Маленькая фея становится первым советчиком и помощником взрослого кокира и сопровождает его во всех путешествиях. Если вы знаете, что такое интуиция, то фея для кокира — интуиция с крыльшками. Феи от природы наделены способностью чувствовать опасность и находить верный путь, им известны многие тайны и законы народов Аграмонта. Кроме того, феи неутомимы и любознательны. Правда, не будем забывать, что феи — крошечные существа женского пола. А следовательно, им не чужды и маленькие женские слабости — они быва-

ют ревнивы, капризны и нуждаются в постоянном восхищении и высокой оценке своей помощи.

Управляет жизнью Деревни самый долгоживущий и мудрый кокир — Мидо. Он же хранит реликвию своего народа, драгоценный камень, зовущийся Смарагд кокиров. Этот зеленый кристалл, обрамленный ажурной золотой оправой, кокирам подарили три небесные феи, некогда сотворившие этот мир. Создавая мир Аграмонта, феи защитили его от зла тремя камнями: зеленым смарагдом — символом земли, красным опалом — символом огня и синим аквамарином — символом воды. Три народа — кокиры, гороны и цоры — взяли на хранение по камню. Собранные воедино в Шелия-замке, камни открывают двери в Священное подземелье, где хранится символ Судьбы — Золотая Трифорс. Трифорс может исполнить три любых желания.

Созданные феями народы были чисты и благородны. Любой из них мог бы пожелать лишь света и добра. Но феи боялись, что рано или поздно в этот мир может прийти зло и, заполучив Трифорс, оно станет всесильно и подчинит себе весь Аграмонт. Каждый камень тщательно охраняется. И злу, чтобы воплотить свои замыслы, нужно сперва сразиться с тремя народами-хранителями. Феи надеялись, что таким образом Аграмонт будет защищен.

Вторая провинция Аграмонта — Потерянный лес. Серые стволы деревьев уходят высоко в небо, плотно закрывая своими кронами землю. Так плотно, что солнечный свет не может пробиться сквозь листву. И оттого в Потерянном лесу всегда царят сумерки. Под этим влажным и темным куполом выживают лишь странные, почти бесцветные ягоды и грибы. Именно их вынуждены собирать, преодолевая страх, кокиры. Каждый из вечно юных жителей Деревни с детства знает, что самое страшное — заблудиться в этом лесу. Еще никто из потерявшимся там не возвращался, и лишь через время кокиры замечали в чаще странных человечков в одежде из листьев. Увидев их, кокиры с криками бросались в Деревню. «Дети леса! Дети леса!» — кричали они. Что-то подсказывало им, что любой кокир, отбившись от своих, может стать таким вот темнолицым диким существом с горящими зелеными глазами.

Вы можете спросить, что же было страшного в этих детях леса, если они, по сути, были кокирами, переселившимися в другое место, сменившими одежду, образ жизни и язык? Но ведь и мы с вами часто нетерпимы к тем, кто отличается от нас лишь внешне, к тем, кто говорит на другом языке, или к тем, у кого иные обычаи... Дети леса, видя ужас в глазах кокиров, старались не выходить на окраины леса. А позже стали отвечать кокирам той же неприязнью.

Единственная, кто смело бродит по всему Потерянному лесу, легко общаясь с местными жителями, — девочка-кокир Салия. Ее доброе сердце настолько велико, что страху и неприязни в ней нет места. Кроме дома в Деревне кокиров Салия построила второй дом в лесу. Там она остается ночевать, если ее лесные прогулки затягиваются допоздна. В огромных голубых глазах Салии всегда отражаются тепло и покой. Любому, кто встретит ее, хочется поведать ей все свои тайны и печали. Волосы цвета молодой зелени красиво ниспадают на плечи Салии, открывая милое лицо и заостренные, как у всех кокиров, уши. Зеленое бархатное платье на талии перетягивает пояс с большой золотой пряжкой. У всех жителей Деревни костюмы пошиты из такого бархата, все носят пояса с золотыми пряжками и мягкие сапоги из коричневой кожи. Волосы кокиров обычно разных оттенков зеленого, как и у Салии. Только один кокир щеголяет шевелюрой пшеничного цвета. Этого мальчика зовут Алин. Необычный цвет волос часто делает его то мишенью добрых насмешек, то предметом искреннего восхищения. Салия скрывает от других кокиров свою дружбу с детьми леса. Также вряд ли кто-то, кроме лесных птиц, знает, чем заслужила она доброе отношение диковатых лесных людей.

Тропами Потерянного леса можно добраться до соседних провинций — Мира цоров и Мира

горонов. Но одолеть этот путь не так-то просто: каждая территория защищает себя от незваных гостей по-своему.

Мир горонов находится в кратере дремлющего вулкана — горы Смерти. Когда к горе приближается чужак, гора оживает и из ее жерла начинает хлестать раскаленная лава. Огромные камни с грохотом рушатся на горные склоны, так что если случайному путнику и удастся спастись от горячих потоков, он рискует погибнуть под камнепадом. Вполне естественно, что Мир горонов не привлекает любознательных туристов. А между тем гороны, наверное, самые удивительные существа Аграмонта.

Представьте себе обычный камень, усыпанный темными пятнами и трещинами. Песочный цвет такого камня едва ли привлечет ваше внимание. Но троньте его — и камень выпрямится во весь рост, открыв взгляду милую, улыбчивую физиономию. Большую часть времени гороны проводят свернувшись, как это делают в нашем мире ежи. Сложение у этих существ мощное, но непропорциональное. На сильных плечах совсем без шеи прилажена маленькая круглая голова. Длинные мускулистые руки доходят почти до земли. А слабые и тонкие ноги едва заметны под большим круглым животом. На головах у горонов красуются золотистые шипы. Все это нелепое и добродушное безобразие смотрит на мир выпученными, василькового цвета

глазами. Питаются гороны камнями из пещеры Додонгос. Они убеждены, что эти камни — величайший деликатес мира. У горонов есть свой правитель — король Даруния. Его отличает гигантский рост (король в два, а то и в три раза выше обычного горона), суровое выражение лица и множество золотых шипов вокруг головы. Вместо короны Даруния носит отличительные знаки горного народа — кованые браслеты на руках и ногах и клеймо в виде огненного цветка на плече.

Однажды в далеком детстве Даруния побывал в Потерянном лесу. С тех пор минули столетия, и все эти годы, живя в каменных стенах, Даруния видел лишь огненные цветы с алыми раскаленными лепестками. В таком пейзаже воспоминания о прохладе зеленых деревьев напоминают сказку. И, размечтавшись, Даруния частенько напевает услышанную в детстве мелодию леса и неуклюже танцует. Даруния искренне горюет о том, что в его мир редко попадают путешественники. Он так любит рассказывать историю своего народа!.. С другой стороны, если бы туристы все же появились, вряд ли кто-то из них смог бы вернуться домой, ведь история горонов бесконечно длинна. Гороны родились еще в те времена, когда разлившаяся лава вулканов только начала остывать, образуя землю, и других живых существ еще не было. Гороны хранят второй священный камень, камень ог-

ня — Опал горонов. Багрово-красный кристалл окаймлен бронзовой оправой и излучает тепло.

Чтобы попасть в Мир цоров, надо пройти через воды Хрустального водопада. Мощные потоки воды срываются с высоких скал, заслоняя путь любому непрошеному гостю. За водной преградой спрятан длинный тоннель, ведущий во внутренние скальные пещеры. Многие из них наполовину заполнены водой. Водопады есть и внутри этих пещер. Стены текущих вод образуют красивейшие залы.

При всей причудливости своей внешности жители этого мира удивительно красивы. Высокие мускулистые фигуры цоров будто выточены из белого мрамора. Расправленные плечи и гордая осанка навели бы вас на мысль, что эти создания регулярно посещают уроки хореографии. Кажется, будто каждый из них — потомок царского рода, так горделивы и прекрасны все их движения. Черные, как сливы, глаза обведены фиолетовым контуром. И почти не моргают. Затылочная часть головы сужается и загибается книзу, напоминая хвост дельфина. Длинные выросты в форме плавников отходят от локтей, как два крыла. Плавники и ноги цоров усеяны лазурно-голубыми пятнами. Цоры могут часами находиться под водой, задерживая дыхание. Наверное, это от постоянного пребывания под водой они так немногословны.

Правит цорами король Сетис. Именно Сетис хранит реликвию водного народа — третий камень фей, Аквамарин цоров. Синий кристалл, оплетенный серебристой ветвью, словно впитал прохладу и глубину пещерных вод.

Цоры безгранично преданы своему королю. Но вся любовь подданных принадлежит не ему, а его красавице дочери Руто. Дело в том, что новые поколения цоров появляются раз в сто лет из прозрачных икринок. И вот уже многие века каждый новорожденный цор оказывался мальчиком. Появление девочки, да еще и принадлежащей королевскому роду, стало для их народа подлинным чудом.

Руто родилась ангельски прекрасной. А как она танцует нителю — удивительный танец цоров! Она будто от рождения знает все движения — плавные взмахи плавников и повороты головы, поклоны и отходы. К тому же со времен первого поколения цоров на свет не появлялось более чуткого, нежного и умного ребенка. Разумеется, Руто стала не только всеобщей любимицей, но и величайшим сокровищем народа цоров.

Кроме короля Сетиса и его дочери Руто, ни у кого из цоров нет имен. Да и внешне они все показались бы вам на одно лицо. Лишь королевский род имеет заметные отличия — пятна у них на коже не голубого, а синего цвета. Эта

особенность делает провинцию цоров очень стабильной — ведь никто не может усомниться в личности короля, захочет занять его место или ослушаться его приказов.

Народ цоров, как и кокиры, имеет своего хранителя — это огромная рыба с небесного цвета глазами. Цоры увенчали ее голову коралловой короной и назвали Лорд Вабу-Вабу. Когда-то эта рыба была королем всех рыб, но цоры убедили ее оставить этот почетный пост, чтобы, став бессмертной, хранить все знания, истории и родословные прекрасного народа. Выбор Вабу-Вабу имел и отрицательные последствия: преданные своим монархом, рыбы объявили цорам вечную вражду.

Но цорам был действительно необходим кто-то, кто хранил бы их знания, ведь сами они отнюдь не бессмертны. Каждый цор проживает долгую жизнь в девяносто — сто лет, а потом начинает стареть. Это происходит совсем иначе, чем мы себе можем представить: с каждым днем он становится все прозрачнее и прозрачнее, пока однажды его уже совсем призрачное тело не растворяется в синих водах пещерного озера. Если вы думаете, что смерть кого-то близкого вызывает у цоров слезы и отчаяние, то сильно ошибаетесь.

Дело в том, что этот красивый народ имеет и очень красивую, возвышенную философию.

Цоры считают, что все они вечны. Просто когда приходит время, кто-то из них становится видим глазу, обретая тело, а когда это время истечет, он вновь станет водой. И с каждым это произойдет множество раз. Вот почему они не видят нужды в именах. Ведь если давать друг другу имена, то, придя в эту жизнь, ты уже имел бы множество имен из прошлых жизней, а значит, любое новое имя было бы не твое. Цоры убеждены, что как ни назови суть, она останется сутью — и как ни назови личность, она останется именно этой личностью. И потому в названии нет смысла.

Королям же дают имена, чтобы обозначить период времени, связанный с правлением того или иного монарха. Так, в летописях цоров нельзя найти точных дат происходящих событий. Для уточнения времени в их истории упоминается лишь король, правивший в этот период. То есть те события, о которых вам предстоит прочесть в этой книге, останутся в истории как события, произошедшие во времена правления короля Сетиса.

У подножия горы Смерти, где живут гороны, расположена еще одна провинция — Шелия-замок. На территории, окруженной высокой каменной стеной, располагаются королевский дворец Каруле и древний храм — Цитадель Времени. Три узкие улицы, огибающие эти строения,

сходятся на Ярмарочной площади. Населяют замок самые обычные люди. Ремесленники и торговцы, крестьяне и бродячие музыканты целыми днями шумят на центральной площади.

Дворец Каруле является резиденцией королевской семьи. Его границы и входы строго охраняются стражниками. Зоркие, часто сменяющиеся караулы чрезвычайно бдительны. И лишь в самые темныеочные часы, когда сонливость берет свое, подтачивая чувство долга, стражники могут проглядеть того, кто пытается тайно проникнуть во дворец.

Из всей королевской семьи на сегодняшний день осталась только принцесса Эльда. Отец принцессы, король Мэрон Лиз, умер от удара кинжалом в сердце. Это произошло, когда он осматривал свои владения с немногими верными слугами. Всех их нашли убитыми близ стен замка. Чуть позже мать Эльды, Алида Рэн, была отравлена неизвестной чужестранной торговкой — та проникла во дворец, предлагая королеве прекрасные украшения и ароматические масла. Убийцу так и не смогли найти. Дядя Эльды, Нураг Тэро, пропал без вести в одном из своих путешествий.

Горю народа Шелия-замка не было предела. Еще бы, ведь в короткий срок из всех их достойных правителей в живых осталась лишь юная принцесса! А поскольку она была несовершен-

нолетней, ей следовало назначить опекуна. Эту роль взял на себя неизвестно откуда взявшийся « дальний родственник» королевской семьи, Гонандорф Аратеро. От ужаса безвластия народ так растерялся, что никто не стал проверять истинность этого родства.

Придя к власти, временный правитель быстро заменил всю стражу на верных себе людей, а горожанам сказал, что все это для охраны принцессы. Принцесса оказалась заперта в своих покоях одна-одинешенька. Единственными, с кем она могла словом перемолвиться, были мрачный опекун и няня, женщина по имени Импа. Импа не простая смертная, она — хранительница времени, а потому Гонандорф не решился отстранить ее от воспитанницы. Более того, он стремился заслужить благосклонность Импы. Но суровая женщина-воин с самого начала прониклась недоверием к новоявленному опекуну и резко пресекла его попытки. Ее подозрительность многократно возросла, когда она заметила, как Гонандорф рылся в летописях Цитадели Времени.

Желтые змеиные глаза Гонандорфа горели злобой, выдавая его черную душу. Единственное, что могло навести на мысль о его королевском происхождении, — это высокий рост и благородная осанка. Внешне Гонандорф неуловимо напоминал людям брата короля, беспутного и

непоседливого Нураля Тэро. Еще в молодости молодой принц отказался от наследования престола в пользу брата Мэрона, чтобы жить без ограничений и обязательств, спать под открытым небом, баловаться молодым вином и водить дружбу с самыми неблагонадежными типами. Несмотря на такое легкомыслие, народ его искренне любил и всегда радостно приветствовал возвращение блудного царевича в отчий дом.

Но кроме сходства с Нуралом Тэро Гонандорф имел и другие черты. Редкие рыжие космы и горящие глаза делали его похожим на далекий народ цыган, живущих в провинции крепости Герудо. За последние пять веков никто и близко не подходил к этому месту. Но если почитать летописи, то можно узнать, что в незапамятные времена в крепости жил благородный род Герудо. Потом в этой семье родились две дочери-близняшки. Уродливее этих детей не видел свет. Родители девочек растили их в тайне от всего мира, лишь немногие оставшиеся слуги помогали им. Все зеркала замка были уничтожены, на разговоры о внешности наложен запрет. Но через шестнадцать лет случилось страшное — девочки узнали о своем уродстве. И тогда они убили родителей, давших им жизнь, полную страданий, и слуг.

Сестры занялись магией и колдовством, чтобы изменить свой страшный облик. Они созвали известных колдунов из всех земель. Замок

наполнили огневолосые цыгане, владевшие древними колдовскими знаниями, рыжие и желто-глазые люди со смуглой кожей стали жителями крепости. Уродливые сестры Герудо быстро превзошли в магическом мастерстве своих учителей. Но и это не сделало их красивее. Ненависть к миру и бурлящая злоба переполнили их, и сестры навсегда заперлись в подвалах замка.

Крепость Герудо почернела от пропитавшего ее зла. Над зубчатыми стенами вечно нависают мрачные тучи. Напряженную тишину этого места нарушает лишь карканье ворон. Голые крючковатые деревья, редкие колючие травы, змеи и пауки — вот и все, что окружает крепость. Чем и как живут люди в крепости, никому не известно. Ходят слухи, что все они красивы, но злы, повелевают ужасными силами и способны любое животное превратить в злобного бесстрашного монстра. Если бы кто-нибудь из жителей Шелия-замка заглянул в летописи, он бы понял, что Гонандорф Аратеро очень похож на жителя крепости.

Теперь Шелия-замок полон охраны, а дворец Каруле холоден и пуст. В его подвалах зреет зло. Люди, населяющие Шелия, чувствуют нарастающее напряжение и власть опекуна юной принцессы. Но помешать этому они не в силах. Найдется ли тот, кто вернет в прежде радостный и беззаботный город светлые дни?

На небольшом расстоянии от Шелия располагается еще один город-провинция — Кокарико. В самом начале здесь было королевское кладбище с прекрасной усыпальницей правящей семьи Аграмонта. Его основали хранительницы времени. Прежде их было много, и они походили на жриц могущественной религии — ведь веру в силу времени и бережное к нему отношение можно назвать религией. Охраняя время от изменений, хранительницы разошлись по разным его периодам. И в том настоящем, о котором пойдет речь в этой книге, живет лишь Импа. С годами кладбище выросло, и Кокарико превратилось в провинцию мертвых. Говорят, здесь можно встретить призраков.

Однажды — никто не помнит, когда именно, — в Кокарико появился экскурсовод Борис. Поначалу про него в Шелия ходили всякие недобрые слухи, например говорили, что он вампир. Но Борис никого не обижал и совершенно бесплатно заботился о могилах. Через какое-то время люди перестали болтать о нем и даже завели обычай приносить ему еду в благодарность за труды. Борис обладал редким даром — он умел бесконечно долго слушать и все помнил. Скоро этот странный человек с большим горбом на спине мог рассказать подробности жизни всех усопших и их живущих потомков. И теперь любой, кто придет в Кокарико, может узнать

из экскурсии Бориса даже больше, чем из летописей Цитадели Времени.

Борис не очень общителен вне своих экскурсий. Видимо, некогда сильно пострадав от живых, он предпочитает общество умерших. Когда его спрашивают, не боится ли он жить среди могил, горбун улыбается: «Мертвые не могут причинять зло так, как могут это делать живые. Только живых надо бояться. А о мертвых следует хранить память». Горбун следит за чистотой кладбища и каждую ночь зажигает на каждой могиле по красной свече. В темноте Кокарико напоминает кусочек неба с мерцающими на ветру звездами. Борис говорит, что небо — только отражение Кокарико. И если он не зажжет свечей, то и на ночном куполе не вспыхнет ни одна звезда.

Королевская усыпальница обладает одной удивительной особенностью: стоит к ней приблизиться, как над головой собираются тучи и начинается дождь с грозой. Борис и этот феномен объяснил по-своему. Он считает, что небеса оплакивают добрых правителей и сердятся на людей, не предотвративших их гибели.

Предпоследняя провинция Аграмонта — ферма «Талон и Малон». Не удивляйтесь, что ферма стала провинцией. Она так велика, что больше напоминает внушительных размеров деревню. Небо над фермой всегда ясное, какая бы пого-

да ни бушевала за ее пределами. Легкий дождик проходит быстро и лишь для того, чтобы напитать зеленые пастбища Талона. На ферме живут только три человека: фермер с дочерью и их работник Базил.

Мать Малон умерла, когда девочке было три года. И с тех пор Талон стал рассеян, часто плачет или засыпает, будто хочет сбежать на время из мира, где нет его любимой жены. Взрослеющая Малон ведет хозяйство на ферме и по-матерински заботится об отце. Работник Базил сварлив, но в душе любит хозяев. И с усердием выполняет свою работу. Кроме самых обычных для фермы животных здесь можно встретить и волшебные породы. Например, коровы фермы Талона дают молоко, способное лечить любые болезни и заживлять раны. А белые куры прекрасно летают и умеют разговаривать стихами. Есть и говорящие лошади. Талон регулярно возит продукты на рынок Шелия-замка, а молоко его коров покупает сам королевский лекарь.

И наконец, самая таинственная и загадочная провинция Аграмонта — Шелия-озеро. Правильнее было бы его назвать морем, так оно велико. Воды Шелия наполнены странными животными и растениями и таят в себе много неизведанного. На берегу озера можно увидеть дом Исследователя Глубин. Говорят, что раньше это был

обычный молодой человек, но однажды он забрел в окрестности крепости Герудо. Что там с ним происходило, неизвестно. Но вернулся он оттуда явно не в себе: стал питаться какими-то жуками, переселился на озеро и начал ставить разные немыслимые эксперименты.

Исследователь охотится на озерную дичь, вынимает из нее разные органы и хранит их в стеклянных колбах. В его доме можно найти колбы с разноцветными зловонными жидкостями, пропущенную рыбку и оскализые пучки водорослей. Сам Исследователь так пропитался этими ароматами, что никто не может выносить общения с ним. Единственный, кто посвящен во все гениальные изыскания Исследователя, — осьминог, живший в аквариуме в его доме. И если хорошо присмотреться, покажется, что «лицо» этого домашнего питомца напоминает лицо Исследователя. Вероятно, сказались долгие годы тесного общения.

Общей валютой во всех этих землях служат рубины. Ими можно оплатить любые предметы, услуги и пищу. Размером с горошину, они легко помещаются в карманах любой одежды. Деньги из металла жители Аграмонта не делают по простой причине — металлы добывают только гномы, да и то так мало, что хватает их лишь на оружие и инструменты. А рубины добывают на горных рудниках, принадлежавших

королевской семье, в любом необходимом количестве. А потому только правитель Аграмонта определяет, сколько их будет в стране и что можно на них покупать.

На всей территории Аграмонта имеют силу магические музыкальные инструменты — флейта фей, хранимая детьми леса, и флейта времени, переходящая по наследству в королевской семье Каруле. Мелодии, сыгранные на этих инструментах, творят чудеса и служат ключами, открывающими проходы в различные провинции.

Когда-то давно народы Аграмонта жили дружно. Никто не ссорился, все общались и помогали друг другу. Но однажды огневолосая цыганка Гандира поселяла вражду между народами. Своим колдовством она создала преграды между некоторыми провинциями. Каждый из враждующих народов стал жить сам по себе, держа в сердце необъяснимую неприязнь к соседям. Аграмонт сделался уязвим и слаб. Не было уже единого войска, порожденного звездными феями. Ведь верно говорят, что пять пальцев по одному намного слабее, чем кулак.

Единственные, кто по своей детской непосредственности не стал хранить в сердце вражду к другим народам, это кокиры, вечно юные человечки. Благодаря этому кокиры вновь получили возможность беспрепятственно пересекать все границы Аграмонта. Поэтому именно среди

кокиров родился Избранный, тот, кто может спасти этот мир от растущего зла, объединив народы в общую силу.

Наша история — история мальчика и феи. Наша история — история борьбы добра и зла. И когда раздробленное станет целым, когда маленькие огоньки сольются в огромный сияющий факел, свет добра разгонит тьму, сгустившуюся над прекрасным миром Аграмонт.

ГЛАВА 1

Вещий сон

Алин спал. Ночь была необыкновенно темной, без луны и звезд. Вот уже несколько ночей сон мальчика полнился тревогами и кошмарами.

Алину снова и снова снилось, что он стоит под проливным дождем у стен старинного замка. Черными пиками пронзают тяжелое небо сторожевые башни. Сполохи молний выхватывают из темноты высокие каменные стены... Ворота открываются, и мимо мальчика проносятся две лошади с седоками. На первой, белой, сидят двое: женщина-воин с решительным лицом под тяжелым шлемом и юная девушка. На голове девушки — корона, значит, она принцесса. Она испуганно съежилась между мокрой шеей коня и доспехами своей защитницы. Второй конь черен как ночь. Глаза как горящие угли. Он несет страшного человека в красном плаще, развевающемся за плечами. Человека зовут Гонандорф Аратеро...

Черный конь несется прямо на Алина! Чернильная вязкая грязь ледяными брызгами разлетается в стороны. Конь встает на дыбы — он сейчас раздавит Алина! Мальчик хочет убежать, но не может пошевелиться... Тело онемело, ноги словно приросли к земле. Еще секунда — и серебряные подковы ударят Алину в лицо!

А в это время с другой стороны Деревни кокиров...

— Нави, Нави! Где ты? — Тихий голос Деку-дерева ветер разносил по всему лесу. — Нави! Где ты, моя любимая фея? Над Аграмонтом нависла опасность. Сохнет земля, и сохнут мои корни. Я чувствую, что умираю. Нави, найди Избранного и приведи ко мне. У нас мало времени. Только Избранный может спасти Аграмонт. Спеши, Нави! Лети и найди его!

Маленькая фея, как светлячок, прорезала предрассветную тьму яркой полосой. Она знала, кто Избранный. Она давно ждала того времени, когда ей будет разрешено сопровождать его. Избранный рождается уже со многими знаниями и умениями, обладает даром предвидения, он сильнее и благороднее своих сверстников. Но до поры эти свойства не замечает ни он сам, ни окружающие. Теперь время пришло.

Нави летела к дому Алина — ведь он и был Избранным, хотя пока об этом не догадывался.

Вот и показалась роща, где стоял дом Алина. Как и все кокиры, он устроил себе жилище в

дупле дерева. Деревья карнаты издалека напоминают небрежно скрученные из шнурков канаты. Ближе к вершине «канаты» будто раскручиваются, рассыпаясь отдельными ветвями, мохрятся кудрявой зеленью. В разных местах отдельные «шнуры» свиваются в петли, формируя глубокие дупла. В стволах именно этих деревьев кокиры издревле обустраивают свои уютные дома.

Нави скользнула в открытое окно, приземлилась на подушку к Алину и принялась его будить.

— Вставай, Алин, вставай! Ну, давай же!

Она дергала изо всех сил мальчика за пальцы, но тот лишь метался во сне и не открывал глаз. Фея закружила над Алином, гневно крича:

— Боже! Он не только ничего не чувствует, но и ничего не слышит! Я удивляюсь, как судьба всего Аграмонта может лежать в руках такого беспробудного засони!

Она со всей силы дернула мальчика за прядь волос. Алин проснулся и резко сел в постели. Зевнув, он уставился на фею.

— Привет, муха! Это ты меня разбудила? Зачем? Впрочем, я не в обиде. Сам я никак не мог вырваться из этого жуткого сна.

Алин встряхнул головой, отгоняя страшное наваждение.

— Я не муха, — обиженно надула губки Нави, — я фея. И между прочим, ТВОЯ фея. И бу-

дила я тебя не просто так. На то есть веская причина. Ты должен быстрее прийти к Деку-дереву, он зовет тебя. Кстати, я — Нави.

— Приятно познакомиться. А я — Алин. — Алин привстал, сделал неуклюжий поклон и снова плюхнулся на постель. — У меня есть своя фея? Без экзамена? Это за что же я заслужил более легкую судьбу, чем все остальные? Наверное, я просто еще сплю... Да и зачем бы я понадобился Деку-дереву в такую рань?

— Ну, насчет более легкой судьбы я бы не спешила говорить, — нахмурилась Нави. — А теперь вставай и пошли. Нельзя медлить. Все ответы ты получишь у хранителя. Если будешь копаться и дальше, когда мы приедем, может оказаться уже поздно!

Отчаянная решительность феи заставила мальчика подняться с кровати и спешно начать собираться. Первым делом Алин попытался найти свои сапоги, но их не было на привычном месте. В недоумении Алин заглянул под кровать. Обувь валялась там, небрежно смятая и грязная настолько, будто вместо сна Алин всю ночь бродил по болоту. Измазанная чем-то черным так, что и смотреть было страшно, пара сапог вызвала у мальчика какие-то смутные неприятные воспоминания. Уж очень черная земля, измазавшая сапоги, напоминала о недавнем сне. Подумать об этом странном переносе сно-

видения в реальность у Алина времени не было. А потому он незаметно стряхнул грязь и натянул свою чумазую обувку на ноги.

Алин вышел на крыльцо и потянулся. Его дом представлял собой большую комнату в дупле дерева. С крыльца, державшегося на деревянных подпорках, к земле спускалась добротная лестница.

Легкий туман затянул небо персиковой пеленой. Стояла тишина, только изредка попискивала мышь в незримой норе или шуршал листьями трудяга-еж. Вдруг над горизонтом появилась ослепительно белая полоса, расширяясь на глазах. Еще секунда — и начался рассвет. Светило радостно будило своим сиянием природу: зачирикали птицы — еще неуверенно, но дружно, как по команде; зашептались раскрывающиеся цветы. Сначала один прозрачный луч скользнул по дому Алина, потом другой. Прогоняя ночную зловещую тьму, свет быстро растворял завесу, укутавшую землю. Наступило утро.

Мальчику пришлось зажмуриться, так ярко сияло солнце, однако прежде он успел заметить, что к его дому кто-то бежит. Это была Салия.

Салия и Алин дружили с самого раннего детства. Алин даже не задумывался, старше ли его Салия. Вероятно, да. Порой ему казалось, что Салия взяла некое шефство над своим братом-

другом. Ее суждения были разумны, советы — уместны и ненавязчивы. Девочка умела разогнать тоску заливиштым смехом, и все неудачи тут же забывались. А какой волшебный чай она заваривала! А какой душистый пирог могла испечь! В общем, Салия представляла для Алина настоящую семью — и мама, и друг, и сестра. «Чудная девчонка!» — с нежностью подумал Алин, завидев ее.

Кокир спустился с лестницы на встречу девочке. Его так и распирало сообщить подруге новость.

— Привет, Салия! Знакомься, это Нави — моя фея!

Салия засмеялась:

— Ну, наконец-то! Теперь ты настоящий кокир, и у тебя есть своя собственная фея! Теперь есть еще кто-то, кто присмотрит за тобой. И раз она досталась тебе без экзамена, то, как я понимаю, тебя ждут великие дела.

Нави сердилась из-за возникшей задержки.

— Хватит ворковать! Мы опаздываем, Алин. Мы спешим к Деку-дереву, ты не забыл?! Не задерживай нас, Салия, пока!

Салию удивила резкость феи.

— Но, Алин! К Деку-дереву поставили стражника, и он пустит только Избранного с оружием. А у тебя нет ни меча, ни щита. Твоя фея, помоему, спешит.

— Я все-все знаю, — перебила Нави. — Между прочим, я любимая фея хранителя. И моего присутствия достаточно для прохода через любую охрану!

Салия только покачала головой им вслед. Некоторая женская заносчивость была известной чертой фей. Да и ревность слышалась в голосе новоявленной феи Алина. Салия вздохнула — теперь придется делить Алина с Нави, как это ни смешно звучит. «Муха с характером, а самомнение какое!» Салия снова покачала головой.

* * *

— Ой! — вскрикнула Нави, увидев стражника, преградившего им дорогу. — Мне кажется, этот громила не знает, что я любимая фея хранителя!

Страж не обратил на нее никакого внимания. Он упер тяжелый взгляд в лицо кокира:

— Алин? Ты? Я не пущу тебя. Мне велено пускать лишь Избранного. А Избранный тот, кто придет с мечом Коиром и щитом. Это я знаю твердо и нарушать инструкции не собираюсь.

Кокир-стражник не мог похвастаться гибкостью ума. Среди других он слыл ограниченным и упрямым. Но когда общее собрание выбирало стражника для хранителя, кокир Тупус вызвался сам. И, заняв этот скучный для других пост, Тупус выполнял свою роль очень рьяно. Зазуб-

рив все инструкции, он даже добавил немного от себя — ну, в качестве творческой инициативы. Ввел часы приема населения, разработал бланк предварительной записи на прием... Страшно подумать, до чего дошел бы он в своем рвении, если бы хранитель жестко не пресек его нововведения.

Тупус немного обиделся и теперь был твердо намерен хотя бы точно выполнять инструкции. На рассвете Деку-дерево сказал, что ждет Избранного. А Избранный должен быть с мечом и щитом. И точка. И ничто на свете не заставило бы Тупуса пропустить кого-то без должного снаряжения. Спешка и какие-то феи (которые, кстати, всегда смеялись над стражником) не могли изменить его решение. И сколько Нави ни пыталась объяснить Тупусу, что оружие Алин может взять и потом, а сейчас главное — увидеться с Деку-деревом, тот был непреклонен.

Бедняжка от отчаяния и безысходности театрально зарыдала, всхлипывая и вытирая нос тыльной стороной ладони. Она летала из стороны в сторону, аж в глазах рябило, издали напоминая маятник под циферблатом лица Тупуса. Алин поймал плачущую и мечущуюся фею за крыльшко.

— Успокойся, Нави. Щит мы купим у гномов. А меч я смогу найти в лагере начинающих бойцов-кокиров. Раз я Избранный, то пройду ла-

биринт и отыщу меч Коир. Вот этим нам и надо заняться, и притом срочно.

Нави шмыгала носом. Увидев большой лист клевера (для нас очень маленький, а для нее — в самый раз), она за неимением платка оторвала его и шумно высморкалась. Алин лишь закатил глаза — откуда в таком маленьком теле берутся эти трубные звуки?! Упрекать фею в неуместном поведении было бесполезно, ее слишком расстроило отношение Тупуса.

По дороге Алин почти никого не встретил — видимо, все еще спали. В конце концов, было еще только пять утра. Лишь один кокир спозаранку покинул дом ради крайне важного дела. Это был староста Деревни, Мидо. Он, как обычно, вышел встречать рассвет. Вы думаете, что он романтик? Нет-нет! Такое предположение насмешит любого, кто знает Мидо. Он боится пропустить рассвет, чтобы дела начать ровно в 5 часов 10 минут, а закат, чтобы закончить дела ровно в 23.00.

Вообще Мидо недолюбливали. Не то чтобы он делал или говорил что-то плохое, нет! Даже наоборот: он всегда делал и говорил все правильно, как надо. И все бы ничего, но и от других он ожидал подобного поведения. Большего прилежания в делах, большей ответственности, собранных в одном человеке, просто невозможно было представить. Вечно недовольный, до-

тошный и критичный, староста прекрасно вел хозяйствственные дела Деревни, но был невыносим.

Мидо и Алин с детства соперничали. Точнее, не совсем так. Мидо был намного старше, поэтому поначалу не мог всерьез воспринимать Алина. Алин тоже никогда не делал и не говорил ничего плохого и, казалось бы, должен был вызывать симпатию старшего товарища. Но Алин своим удивительным обаянием мгновенно покорял любого. Все радостно и с готовностью слушались его, играли в предложенные им игры. Не являясь старостой, Алин имел больше влияния на всех жителей Деревни, чем Мидо. Без единого замечания юный кокир добивался от других гораздо большего. Староста этого не понимал и сердился. Он столько работал, был так требователен к себе, а этот новоявленный выскочка в секунду разрушал его авторитет!

Когда Алин стал взрослым кокиром, Мидо принял вызывать его на соревнования. Стрельба из лука, бой на мечах, метание камней, преодоление препятствий — в каких только видах борьбы Мидо не пытался доказать Алину и всем остальным собственное превосходство! Но свои редкие поражения Алин воспринимал спокойно и искренне поздравлял противника. А вот если выигрывал Алин, староста мрачнел и надувался на весь мир. Алина искренне огорчало подоб-

ное отношение к нему Мидо. И, стараясь лишний раз не нервировать несчастного, Алин теперь обходил его стороной.

Завидев старосту, Алин приветливо улыбнулся:

- Доброе утро, как дела?
- Спасибо, все обстоит хорошо, согласно намеченному плану, — был ему ответ.

Мальчик с феей довольно легко добрались до маленького лесного магазина. Его держали подземные гномы. Они добывали металлы и ковали из них разные изделия. В том же магазинчике можно было купить и разнообразные дары леса.

Алин вошел, потянув за ручку низкой дубовой двери. Внутри магазин представлял собой теплую, уютную и немного тесную нору. Низкий потолок был удобен лишь для гномов и кокиров. За прилавком скучал очень маленький гном — он едва достал бы Алину до колена, если бы не стоял на куче хлама, которая позволяла крохе возвышаться над прилавком. Куча хлама постепенно разъезжалась, и гном медленно исчезал из поля зрения посетителя. Тогда из-под прилавка слышались пыхтение и возня, и через некоторое время продавец снова показывался над столом.

На полках висели венички лечебных трав, стояли мешки с орехами, сушеные и соленые грибы, шишковое варенье, цветные камешки, сна-

сти, ножи, иглы для шитья, мечи и щиты, подковы и украшения. Мальчик вежливо спросил съезжавшего в очередной раз вниз гнома о стоимости щита.

Ответ раздался уже из подприлавочной темноты:

— Восемнадцать рубинов. — Его голос неприятно скрипел, как плохо смазанные петли старой двери.

Вновь объявившись, гном поджал губы и хмуро посмотрел на покупателя, буравя кокира злыми глазами-бусинками.

Алин порылся в карманах и положил на прилавок все свои деньги — двадцать четыре рубина. Гном отсчитал восемнадцать и подвинул покупателю лишние камни и купленный щит. Мальчик уже подходил к двери, а недобрый гном все сверлил его взглядом. Гномы всегда славились своей неприветливостью и подозрительностью. Говорили, это потому, что гномы рождаются из подземных кристаллов. А разве у камней может быть душа?

Покинув лесной магазин, Алин поспешил в сторону лагеря начинающих бойцов. Здесь юные кокиры обучались наукам, умению преодолевать препятствия и обращаться с оружием. Рядом с лагерем находилось странное здание, напоминавшее вросший в землю конус, — древний лабиринт, где, будто в мавзолее, покоялся меч Копир. Все знали, что найти его сможет только Из-

бранный. А потому не многие рисковали оспорить это и поблуждать в сырых темных коридорах.

По мнению Алина, конус выглядел скорее таинственно, чем зловеще. Стены лабиринта представляли собой огромные желтые камни. Нави с видом эксперта постучала маленьким пальчиком по стене:

— Да-а, так я и думала. Это цорский мрамор.

Приблизившись к разлому в стене конуса, Алин испытал удивительную решимость. Его словно подталкивала вперед неведомая сила. Он знал... Да! Он точно знал, как дойти до сундука, в котором покоится меч защитника Агра-монта. Но Алина мучили сомнения иного рода. Он чувствовал, что, войдя под своды лабиринта, вступит в лабиринт собственной судьбы. Возврата назад не будет.

«Не сон ли все это, — думал мальчик, — я, Алин, простой кокир, оказался Избранным!»

Он еще раз взглянул на Нави. Вот оно — самое надежное подтверждение этого факта, своя фея, полученная без экзамена. И раз уж она утверждает, что все это не сон и не розыгрыш, значит, судьба ждет его! Кокир набрал побольше воздуха, будто готовился нырнуть в воду, — и скрылся в темном проеме. Нави не имела права облегчить эти поиски Избранному, ведь это был его экзамен.

Коридоры лабиринта были такие узкие, что Алин едва протискивался. Порой потолок резко шел вниз, и приходилось ползти на четвереньках по сырому, пропахшему плесенью лазу. Несколько раз пальцы Алина попадали в какую-то холодную липкую жижу. «Фу, какая гадость, — содрогался он. — Кто бы знал, что путь к легендарному мечу окажется таким неромантическим!» Алин двигался не задумываясь, будто не замечая развилок и боковых ответвлений. Его вела неведомая сила, и вела единственным верным путем.

Нави даже не успела испугаться за Алина, как он уже выбирался из стенного разлома со старинным мечом Коиром в руках. Меч окутывала серая паутина и пыль. Алин протер его большим листом лопуха, и оружие засверкало, будто обсыпанное алмазной крошкой. Гнутую рукоять покрывали древние руны. Нави залюбовалась своим отражением на гладкой стали лезвия.

— Сразу видно качество! — заявила она.
— В чем же ты его увидела? — спросил Алин.
— В нем отражаются все мельчайшие черточки моего очаровательного лица, — не задумываясь ответила фея.

Теперь, имея все необходимое, путешественники должны были очень спешить обратно, к стражнику, и наконец к Деку-дереву...

* * *

Тупус, увидев, что путники возвращаются, разозлился.

— Опять ты?! Я что, неясно объяснил? К Деку-дереву пройдет лишь Избранный. А Избранный должен иметь меч и щит. Убирайся с глаз моих долой!

Стражник хотел добавить что-то еще, но, заметив наконец у Алина и щит, и меч, сбился, задрожал и согнулся перед мальчиком в глубоком поклоне. Алин самодовольно хмыкнул и направился в рощу к хранителю. А Нави, не забывшая бесцеремонного к себе отношения, показала напоследок охраннику язык.

За всем этим незаметно наблюдала Салия, притаившаяся высоко на ветке дерева. Она сидела, болтая ногами, над самой головой стражи. Девочка ждала Алина. Теперь он быстро удалялся, спеша к умирающему хранителю. Салия обняла ствол дерева и тихо прошептала:

— Удачи!

ГЛАВА 2

Под Деку-деревом

Мальчик вошел в небольшую рощу. Маленькие деревца склонили свои кроны к земле. «Что-то происходит здесь с землей, — думал Алин, — этим деревцам явно не хватает воды. Как давно это началось? И почему именно на поляне хранителя?»

Деревья росли правильным кругом, словно зеленая ограда отгораживала эту поляну от внешнего мира. В самом центре ее среди пожелтевшей травы возвышался мощный дуб. Окружающие деревья будто склонили головы перед его величием. Это и был хранитель лесного народа — Деку-дерево.

Алин подошел ближе и встал перед наставником. Эти несколько часов ожидания заметно сказались на старом дубе. Он шумно и неровно дышал, его ветви опустились, а прежде тяжелая шапка кроны сильно поредела. Засохшие листья теперь устилали землю.

Наставник заговорил первым.

— Алин, не так ли? Я ждал тебя. Аграмонту предстоят тяжелые времена. И только ты можешь вернуть его на путь согласия. Я должен успеть рассказать тебе как. Тебе придется набраться мужества и победить то зло, что множится в наших землях. Ты, Алин, — Избранный. И только ты способен исполнить миссию воссоединения всех народов и уничтожения зла.

Если ты готов, начнем с малого. Мне осталось жить совсем недолго. Когда я засохну, на поверхность из-под моих корней вырвется злобная паучиха. Она будет пожирать всех, кого встретит на пути. А если она еще и породит подобных себе, тогда и вовсе никому не сдобровать. Я открою тебе проход. Нави будет с тобой и осветит тебе путь. Иди и убей паучью королеву Гому!

Алин взмахнул мечом и рассек им воздух.

— Я готов к любым опасностям! — воскликнул он и кинулся в открывшийся под Деку-деревом тоннель.

Несмотря на решительное заявление, мальчик в душе был смущен и испуган. Он сомневался, хватит ли у него сил и умений для выполнения такой важной миссии. Ведь до сегодняшнего утра он был самым обычным кокиром, не достигшим к тому же совершеннолетия.

Нави, уловив его тревогу, изо всех сил пыталась поддержать Алина. Она принялась расска-

зывать о том, как редко рождаются настоящие Избранные, о том, какими удивительными свойствами они обладают. И уверяла его, что он самый настоящий герой, уж она-то в этом понимает. Слова феи звучали бы убедительнее, если бы, увлекшись быстрым полетом и своим рассказом, она время от времени не стукалась головой о каменные выступы потолка. В эти моменты ее свет гас, звучало звонкое «ой!», и свечение вновь восстанавливалось.

Алин слушал ее вполуха. Пробираясь вперед, он увлеченно рассматривал все, что окружало его, — пол, стены, паутины. Коридор, ведший в подземелье, был узким, с гладкими, будто отполированными, серыми стенами. Свет Нави многократно отражался в них мутными огньками. Какой-то скверный запах, сочившийся из темноты, становился все непереносимее. Это обстоятельство в конце концов заставило фею замолчать. Не то что разговаривать — дышать хотелось поменьше.

Наконец мальчик с феей оказались в круглом помещении. Посредине в полу темнела огромная дыра, затянутая прочной паутиной. Мелкий песок приглушал тихие шаги кокира. Свод зала был земляной, укрепленный серыми камнями и извивающимися, переплетающимися корнями. Здесь в былые времена кокиры складывали свои желуди жизни. Складывали на том самом

месте, где теперь зияла оплетенная паутиной дыра.

Алин подошел к ее краю и опасливо заглянул в темноту. Но между серебряными, словно волосы старца, нитями проходила лишь мерзкая вонь и ни единого лучика света.

Нави зажала пальцами нос:

— Фу, как негигиенично!

Алин покосился на фею.

— Ты еще скажи, что негостеприимно. Мы не в дом пришли, а в тюрьму. И нас здесь сладким чаем поить не будут.

Алин вытащил меч, схватился за нити и попытался их порвать. Переплетение оказалось липким, и скоро мальчик почувствовал себя мухой в ловушке. Паутина опутала и лезвие меча, и ладони большим клейким комком.

Нави вовремя вмешалась:

— Не паникуй и не дергайся, сделаешь еще хуже. Я помогу тебе.

Фея сгребла с пола горсть мелкого песка и бросила на паутину. Алин легко отодрал от себя прилипшие нити. Но как же попасть внутрь?

Кокир присел на землю и задумался. Нужен тяжелый предмет, веса которого не выдержит эта сеть. Алин окинул взглядом зал. Самым тяжелым здесь был сам мальчик. Тяжелым, но недостаточно. Но, возможно, если он спрыгнет с высоты, паутина порвется под его весом? Да, это наверняка сработает.

Задрав голову, он стал высматривать какой-нибудь выступ повыше для осуществления своего плана. Выбрать было трудно. Видные глазу выступы осыпались сами по себе, и о прыжке с них не могло быть и речи. Одни высоко, другие низко, к третьим не подобраться. Определив наконец место для прыжка, Алин с трудом взобрался на ближайший уступ.

Кокир стал подниматься все выше, хватаясь за камни и корни, держащие стены. Стены были скользкими и зловонными. Испуганная Нави, блекло мерцавшая во время всего восхождения, вдруг ярко вспыхнула:

— Алин!

Юный кокир, найдя устойчивое положение на покоренной высоте, обернулся. Явно обеспокоенная фея светилась, как флуоресцентная лампочка. В ее ярком свете отчетливо проступала из темноты конечная цель рискованного подъема — большой пологий выступ. Но, к ужасу юного альпиниста, дорогу к нему преграждала еще одна паутина. И на ее нитях копошились пауки. Серо-черные брюшки на спине становилось угольно-черными, с узором в виде черепа. Мерзко шевелились длинные черно-желтые ноги. Пауки заметили гостя и явно оживились.

— Не двигайся, — прошептала Нави, — это пауки смерти. Их яд губителен для любого живого существа. Мечом их не достать. А не убив их, не пройти.

Алин нахмурился. Ну вот!.. Захотелось прямо сейчас все бросить, уйти отсюда и вернуться домой. Ну кто сказал, что здесь должен быть именно он, Алин?! Все указывало на то, что он не годится для этого дела. Воспоминания о тихой, приятной жизни сделали колени ватными. Руки опустились...

Фея будто прочитала мысли мальчика. Она зависла перед его взглядом, полная укора и решимости. «Прямо крошечная богиня войны, — усмехнулся Алин. — Она верит в меня. Она рискует не меньше меня. Такая маленькая и слабая, она здесь и не сомневается в себе. И Салия... Она тоже не засомневалась бы».

Алин тряхнул головой, прогоняя нахлынувшее малодушие. Из-за пояса он вытащил любимое оружие своих детских игр — корявую рогатку. Да, это было то, что нужно. Только чем стрелять? Под ногами были лишь песок и мох. Фея, быстро оценив ситуацию, слетела к земле в поисках камней. Но найти камень было гораздо проще, чем поднять. Такое эфирное существо не могло оторвать от земли большой вес. Фея чуть не плакала от отчаяния. Еще один взгляд вокруг — должно же быть что-то подходящее! И действительно — совсем рядом лежало несколько мелких зеленых желудей. Крупнее камней, они были намного легче их. Нави стремительно стала летать вверх-вниз, доставляя Алину найденные боеприпасы.

Взяв рогатку и желуди, мальчик осторожно придинулся ближе к паутине. Промахиваться было нельзя. Край выступа с тихим шорохом осыпался. Еще шаг — и камешки из-под ног посыпались сильнее. Опора стала меньше — и Алин потерял равновесие. Один из желудей выпал у него из рук, и скорлупа его раскрошилась на мелкие острые кусочки. Алин, стараясь удержаться и встать поудобнее, поранился о них. Кокир вскрикнул. Возможно, не стоило так шуметь в опасной близости к паукам. Но ведь было больно!

Нави возмущенно зашептала:

— Ты долго будешь тут топтаться? Если ты думаешь, что пауки станут просто любоваться на твои гимнастические трюки, — очень ошибаешься. Посмотри, они уже спускаются на длинных нитях, чтобы ужалить. Еще немного — и желуди не понадобятся!

Алин тряхнул головой, прицелился и... Раздался глухой удар, и ближайший паук полетел вниз. Упав на землю, он забился в судорогах и замер. Та же участь постигла одного за другим и остальных пауков. Теперь путь был открыт.

Паутина, сплетенная страшными мастерами, оказалась на редкость прочной и, по счастью, не клейкой. Нави заливисто рассмеялась. Алин сам напоминал сейчас паука. Ног маловато, правда. Болезненный такой паук, ущербный, четырехлапый.

По паутине Алин быстро поднимался на уступ, который присмотрел заранее. Более не медля, он спрыгнул вниз, на паутину, затягивавшую дыру в полу. Рискованный прыжок удался. Паутина спружнила, словно батут, отбросив мальчика вверх. У Алина захвтило дыхание — неужели не разорвется?.. Подлетев вверх, он снова падал вниз...

Наконец плетение затрецало под весом мальчика, и Алин провалился в темную яму. Фея вцепилась в рукав кокира — она испугалась, что они неминуемо разобьются, падая с такой высоты. Но еще через секунду Алин плюхнулся в воду, взметнув фонтан брызг, — и на этот раз удача не изменила Избранному!

Нави едва успела отлететь в сторону, чтобы не нырнуть вместе с Алином в подземное озеро. Но едва он всплыл, фея уже осветила ближайший берег.

— Не двигайся, Алин!

Ничего хорошего эти слова не могли предвещать...

У самой кромки воды сидел еще один восьминогий враг. Черные крапинки украшали золотую спинку. Белые клыки кровожадно пощелкивали: «Щелк-щелк». Это был явно не паук смерти. А кто же?

— Это золотая скулутула, — пояснила Нави, — она тоже ядовитая. Но, думаю, от метко-

го выстрела великого кокира ей не спасти. — Фея хихикнула.

Алин сердито глянул и плеснул в нее водой. Но советом воспользовался. И мокрый желудь полетел в красавца паука. Алин вылез из воды и отышался. Выпрямившись, он подошел к мертвей скулутуле и пнул ее ногой. Паук не двигался. Алин, на ходу отжимая одежду, зашагал в глубь пещеры.

— Эй, герой! — Нави закружилась перед лицом мальчика. — Я последний раз прощаю тебя за подобные выходки! А если бы я намокла и не смогла летать? И не делай вид, что не слышишь меня, а то не узнаешь, что в ближайшее время тебе понадобится палка, которую ты сейчас перешагнул.

Алин миролюбиво улыбнулся фее.

— Ладно тебе, Нави! Было бы из-за чего дуться. Ссоры по пустякам не облегчат наш путь. В этом паучьем зоосаде надо держаться вместе.

Он подобрал палку, на которую указывала Нави, и пошел к стене.

При ближайшем рассмотрении в стене обнаружилась затянутая очередной паутиной дверь. Алин попытался разорвать липкие нити, но не тут-то было. «Одежку бы из такого материала — век бы не сносила», — подумал мальчик.

Фея откашлялась, явно стараясь привлечь к себе внимание.

— И ради кого я это делаю?!

Нави чуть отлетела назад, потом стремительно понеслась в сторону стены и стукнулась о корягу в руках Алина. Искры посыпались в разные стороны. Фея едва успела увернуться, как старая палка заполыхала.

Алин подхватил ослабевшую фею и поджег прочную сеть паутины. Треск, дым и скверный запах на минуту скрыли низкую дверь. Когда дым рассеялся, на двери стал заметен рисунок в форме открытого глаза. Кокир пнул дверь, ткнул в нее кулаком... Пальцы больно хрустнули, но преграда не поддалась.

Более внимательный осмотр двери ничего не дал — ни замка, ни замочной скважины не было. Возможно, хитрый рисунок скрывает секрет этой двери? Алин прицелился и выстрелил из рогатки в глаз небольшим камнем. Глаз закрылся, а дверь со скрипом отошла в сторону.

Первое, что появилось в темном проеме, — большой корявый куст без листьев. «Куст в подземелье?» — удивился Алин и протянул руку к ветке. Вдруг куст отпрянул, стал подниматься из земли, и на поверхности показалось нечто сморщенное и недоброе. Это нечто напоминало разросшийся корень, но его уродливое морщинистое лицо с красными глазками явно не принадлежало растению. Существо ловко передвигалось, несмотря на ветвящийся вырост на голове.

Это был мулир. И притом очень злой. Его огромный рост (мулир был выше Алина) плохо вязался с дрожащим писклявым голоском. Рот мулира сложился в длинный хоботок, и из него в мальчика полетели мелкие камни. Алин едва успел пригнуться и закрыться щитом. Под таким обстрелом кокир двигался на мулира, заставляя его отступать. Тот пятился, пока не споткнулся и не упал. Алин быстро подскочил к нему, подняв меч. Мулир задрожал еще больше и захныкал:

— Господи-и-ин, не убивай меня! Я скажу тебе, как победить страшную Го-о-ому... О, да прости-и-ит меня королева! Вон там, за следующей дверью она поджида-а-ает тебя. Чтобы уничтожить ее, пользуйся дарами Деку-дерева: желудями-и-и, ветками-и-и. Потом пользуйся мечо-ом. Да простит королева слугу-у своего-о...

Продолжая жалобно ныть, мулир отползл в темноту. Бить признавшего поражение соперника было не в правилах Алина, и он не стал останавливать и добивать мулира. С такой отталкивающей внешностью сложно быть добрым, посчитал мальчик. Кроме того, мулир и правда заслужил прощение, выдав тайны паучьей королевы.

Юный воин с феей двинулись в глубь очередной пещеры, к указанной мулиром двери.

Дверь, поросшая мхом, была приоткрыта. Алин осторожно заглянул в щель — никого не видно. Вдруг ветерок донес до него тихий, нежный голос:

— Береги себя, Алин! Если что, я помогу тебе... Помогу.

Алин решительно толкнул дверь и скрылся во тьме.

ГЛАВА 3

Королева Гому

Алин оказался в пещере. Каменный свод поддерживали почерневшие от времени колонны, увитые непонятным растением мышиного цвета. По земле стелился белый туман. Темнота не позволяла рассмотреть противоположную стену. Пещера казалась невероятно огромной. Массивные, как ядра, золотые желуди в несколько слоев покрывали пол у одной из колонн.

Он сразу узнал желуди жизни, из которых появляются кокиры. Это не совсем обычные желуди. И отличает их не только значительный размер. Эти плоды появляются на дереве-хранителе раз в десятилетие. Вся Деревня кокиров сходится к Деку-дереву для того, чтобы бережно собрать их и сложить подальше от света в пещеру под корни дуба. Там они ждут времени, когда болезни или иные обстоятельства уменьшат население лесного народа. Тогда, чтобы восстановить численность, староста в торжествен-

ной обстановке выносит нужное количество же-
лудей и дает им жизнь.

Вот как это происходит: староста Деревни на самом рассвете бросает плоды дуба себе за спи-
ну. Упав в землю, те стремительно прорастают в ярких лучах поднимающегося солнца. Это чем-
то напоминает появление цыпленка из яйца. Солнечный свет наполняет желудь могучей энерги-
ей. Тот начинает светиться изнутри и тихо по-
трескивать. Сначала толстую кожуру прорывают ножки. Они растут очень быстро. Наконец на-
пряжене желудиной шкурки уступает напору, и она лопается длинными полосками. Только шляпка какое-то время остается на макушке но-
ворожденного, напоминая о произошедшем.

Появившиеся кокиры получают одежды и име-
на. Все их сердечно приветствуют. После корот-
кой экскурсии по Деревне кокирам предлагают выбрать освободившиеся дома или построить новые. В случае, если новый дом предпочтитель-
ней, все собравшиеся дружно помогают обустро-
ить выбранное юным кокиром дерево.

Маленькие кокиры похожи на детей пяти-ше-
сти лет, они очень милы и любознательны. Еще год они носят на своих зеленых макушках же-
лудинные шляпки. Так и рождаются эти неста-
реющие лесные жители.

Но вернемся к Гому. Вот уже много лет па-
учиха не дает кокирам использовать свои запа-

сы. Кокиров становится все меньше. Да и дубхранитель перестал приносить животворящие плоды. Последнее время корни его сохнут, и никто не знает отчего. Хранитель болеет, и на его ветвях едва появляются самые обычные плоды. Еще зелеными они падают на землю, радуя разве что мышь да ежей.

Когда-то Гому была частью большого паучьего племени. Оно множилось и двигалось все дальше и дальше, пожирая все живое на своем пути. Созданные в подземельях замка Герудо, пауки были злобны и прожорливы. Они оставляли цветущие сады умирать под липкой паутиной. Наконец они достигли еще не тронутого бедами места. Зеленеющие леса, чистые ручьи... Настоящий рай для выведения потомства. Пауки принялись за работу: деревья покрылись нервущимися сетями, под которыми стали ожидать своего часа прозрачные холодные яйца восьминогого народа.

Но прекрасные места не собирались сдаваться. Это был лес кокиров, и они встали на его защиту. Пауки попытались отразить неожиданную атаку лесных жителей, но фортуна была на стороне вечно юных человечков. Паутины были разрублены топорами кокиров, яйца сожжены, пауки убиты. Осталась лишь Гому. Хитрая тварь скрылась в пещере под огромным дубом, и защитники леса побоялись следовать за ней. Правда, дуб оказался хранителем лесного

народа и запер Гому в ее убежище мощными корнями. Паучиха затаилась. Она поклялась отомстить.

Теперь у злобной паучихи есть повод для торжества — грядут тяжелые времена для всего Аграмонта. Неведомые ранее болезни косят кокиров, корни Деку-дерева сохнут, и скоро оно умрет. Тогда Гому сможет вырваться из темницы и уничтожить будущее кокиров, как они уничтожили будущее ее народа. Она бы и раньше прекратила существование этих зеленых «букашек», но корни Деку-дерева крепко держали пленницу. Однако нет худа без добра: вместе с Гому в подземелье оказались запертыми и драгоценные желуди жизни. Теперь ей оставалось только одно — ждать. Гому еще увидит последний день последнего кокира. Время на ее стороне. Эти мысли наполняли мерзкое тело прежней силой. Пауки умеют ждать.

Как только мальчик отошел от входа, дверь со скрежетом затворилась. Щелкнул замок. Наступила тишина. Таинственная и пугающая, сгущающаяся и враждебная, молчаливая и угрюмая, надвигающаяся со всех сторон и подавляющая своей неизбежностью, она, словно вода, заполняла все щели и сочилась сквозь них... Внезапный шорох разорвал тишину на куски.

Алин поднял глаза наверх. Сначала он ничего не заметил — потолок как потолок. Однако когда его глаза немного привыкли к густой тем-

ноте, он увидел нечто огромное. Это и была паучья королева. Гому имела восемь ног, один блестящий желтый глаз и сворачивающееся кольцом жало, как у скорпиона. Кокир замер в надежде, что она его не заметит, но рассеянная Нави забыла притушить свой яркий свет. Впрочем, внимание паучихи привлекло не столько свечение неразумной подруги Алина, сколько ее невнятное испуганное бормотание и довольно звонкая икота.

Заметив, что взгляд королевы устремлен на нее, фея громко сглотнула, снова нарушив тишину, воцарившуюся в пещере. Гому спрыгнула с потолка, перевернулась в воздухе и приземлилась на все восемь лап. Она медленно направилась в сторону мальчика. Ее единственный глаз неотрывно смотрел ему в лицо, пылая голodom и злобой. Как давно она не ела! Ах, как давно!

— Алин! Если ее ослепить, она станет уязвима, — прошептала Нави. — Кинь ей что-нибудь в глаз. Когда она ослепнет, ты сможешь зарубить ее мечом. Почти все ее тело покрыто непробиваемой чешуей. О нее только меч сломаешь.

Тяжелая Гому ступала так неслышно, что Алин даже не заметил, когда она успела подойти почти вплотную. Королева размахнулась и ударила Алина по голове. Острая боль затопила разум мальчика. Ноги Гому покрывали острые

шипы. Один из таких шипов, как скальпель, рассек кожу на голове мальчика. Алин потерял сознание и выронил меч. Перед его глазами закружились образы — Салия, Деку-дерево, страж, Нави, пауки смерти и золотая скулутула. Голоса шумели на разные лады, повторяя одно и то же: «*«Очнись, Избранный! Ты должен победить! Мы верим в тебя!»* Салия улыбнулась ему и помахала рукой. Потом все исчезло.

Алин очнулся. Маленькая отважная фея атаковала глаз Гому, отвлекая паучиху от Алина. Заметив, что мальчик пришел в себя, она подлетела к нему и засмеялась:

— А я уже испугалась, что ты... что она убила тебя! А-а! А-а-алин! Уходи-и-и-и!

Гому, о которой они на миг забыли, вдруг прыгнула вперед и тяжелой ногой придавила бедную фею к земле.

Алин пружинисто вскочил, подобрал камень и быстро выстрелил в глаз паучихи из рогатки. В этом выстреле слились все мастерство Алина, вся ярость и ненависть к уродливой убийце. Камень попал в цель. Гому затряслась, у нее подогнулись ноги, и глаз засветился всеми цветами радуги. В его пронзительно-ярком свете огромная пещера стала похожа на праздничный зал. Алин размахнулся и вонзил меч в священный глаз Гому. Все тело монстра вспыхнуло голубым сиянием, однако это странное свечение продолжалось не больше нескольких секунд.

Раненая Гому вскочила на ноги и, пошатываясь, побежала к стене подземелья. Она залезла на каменный свод и вытаращила на Алина свой единственный глаз. Нельзя сказать, что в ее взгляде были какие-то чувства. Ни страха, ни радости, ни злобы — ничего... Гому вращала глазом, пытаясь восстановить пострадавшее зрение, и не знала, что дальше делать — нападать или убегать?

Несмотря на рану, Гому выбрала первый вариант. Она снова спрыгнула с потолка недалеко от Алина. Молодой кокир принял боевую стойку. Глазами он искал Нави, не успевшую отлететь с поля боя. Она лежала на земле, в тумане и слабо стонала. Ее крылья помялись, и она светилась не так ярко, как прежде. Ее нескончаемой болтовни, ее комментариев и ценных советов не было слышно.

Глаза Алина наполнились слезами при мысли, что фея умирает. Взглянув на Гому так, словно хотел заморозить ее хотя бы на несколько минут, мальчик кинулся к Нави и положил фею себе на ладонь. Нави была не больше указательного пальца Алина. Милая, хрупкая и такая женственная фея не двигалась. Алин бережно пристроил ее на камне и прошептал:

— Держись, Нави! Нам нельзя сдаваться!

Все это время Гому наблюдала за Алином и не двигалась, оставаясь безучастной к происход-

дящему. Опасаясь, что зрение подведет ее, она ждала, чтобы противник подошел поближе.

Алин встал и вытащил меч. Его глаза покраснели от слез. Полный ненависти, он пошел на Гому. Паучиха, наконец различившая контуры врага, тоже кинулась на него — но промахнулась и пробежала мимо. Теперь кокир оказался у нее за спиной. Гому поняла свою ошибку, однако не успела обернуться. Алин ударили ее мечом. Паучиха завалилась на бок. Враг рубил ее мечом снова и снова, его удары рассекали плоть чудовища. Гому не успевала ни дать отпор, ни убежать...

Наконец Алин нанес ей последний, смертельный удар. Гому засветилась, будто жизнь покидала ее в виде света. Переливаясь, одна за другой исчезли разрубленные части ее тела. В конце концов от нее не осталось и следа.

Зеленое теплое свечение наполнило пещеру. Алин подбежал к Нави, все так же лежащей на камне, поднял ее и прижал к груди. Зеленый свет превратился в ветер, закружил мальчика, оторвал от земли и уже через секунду перенес на поляну, к Деку-дереву.

Морщинистое лицо Деку-дерева улыбалось. Наставник нарушил тишину:

— Ну что ж, Алин, ты показал, что не трус, а храбрец. Раз и в минуту опасности ты думаешь о других, значит, и в самом деле сможешь защитить наш мир. А теперь присядь. Я должен

рассказать тебе одну легенду, пока силы не остали меня.

Алин сел на траву, и Деку-дерево повел свой рассказ. Вот он.

Много-много времени назад этот мир (весь мир, а не одна Деревня кокиров) был серым и скучным. Он был пуст. Но однажды с высоко-го неба упали три звезды — розового, голубо-го и зеленого цвета. Эти звезды были небесны-ми феями. Лесные феи, сопровождающие ко-киров, — их дальние родственницы и появились много позже. Розовую фею звали Даниада, голубую — Нитеро, зеленую — Анидес.

Нитеро взвилась ввысь и взмахнула крыль-ями. Небо окрасилось в синий цвет, разлились реки, появились ветра и стихии. Анидес про-бежала по земле, и от ее легких следов зазеле-нели травы, деревья и кусты. Даниада хлопну-ла в ладоши и прошептала: «Артиноэ!» И зем-лю населили народы — гороны и кокиры, цоры и люди. Леса наполнились животными и пти-цами.

Увлеченные своей работой, феи пели и тан-цевали. Они летали над созданным миром, бла-гоустраивая его и украшая. Закончив свою ра-боту, феи собрались вместе и взялись за руки. Мир осветили разноцветные искры. Три феи со-единились в Золотую Трифорс — символ Судь-бы Аграмонта.

Трифорсे содержит в себе силу трех небесных фей и хранит Аграмонт. И когда в тяжелые для этого мира времена рождается Избранный, ему помогают Анидес, Нитеро и Да ниада. Избранные всегда рождаются среди кокиров, ибо кокиры – вечные дети. И лишь у детей чистая душа, лишь дети умеют бескорыстно любить и дружить, лишь дети умеют искренне верить и прощать.

Какое бы зло ни пробралось в Аграмонт, всегда остается возможность спасения. Надо только добраться до Золотой Трифорсे, и она выполнит три желания. Три желания, произнесенные чистым душой Избранным, могут спасти мир. Но три желания черной злой души могут мир разрушить. Поэтому Избранный должен помешать злу завладеть Трифорсे...

— Ох, — хранитель обеспокоенно посмотрел на Алина, — я и забыл, что Нави ранена и нуждается в помощи!

Тут фея, все это время пытавшаяся прийти в себя, взлетела в воздух и наигранно вздохнула:

— Спасибо, наставник! Я уже думала, что обо мне все забыли. Я в порядке. А вот что происходит с тобой, наставник?!

И в самом деле, дыхание Деку-дерева стало частым и тяжелым, а голос охрип. Каждое слово давалось ему с трудом:

— Уходите, друзья. Жизнь покидает меня, и я вот-вот умру. Алин, найди принцессу Эльду. Она тебе все объяснит, ибо я уже не в состоянии это сделать. Удачи, Алин, храбрейший из Избранных, удачи!

Кора Деку-дерева побелела, будто мгновенно покрылась инеем. Глаза остекленели и закрылись. На землю медленно осыпались желтые листья.

Алин, стараясь не оглядываться, пошел в Деревню. В горле застрял комок сдерживаемых слез. В мире должно быть что-то вечное. Что-то, что существует всегда. И в мире кокиров этим «всегда» был Деку-дерево. И теперь его нет. Что же будет с миром, если умирает бессмертное?

Ладонь мальчика, в которой сидела фея, стала совсем мокрой. Нави не могла сдерживать свое горе внутри. Она была слишком мала, а горе — слишком велико.

Вслед уходящему Алину тихо шептали деревья, вторя старому дубу: «Удачи... удачи...»

ГЛАВА 4

Междумирье

Алину хотелось убежать от стража подальше. Он боялся, что кто-то обвинит его в смерти хранителя. Ведь даже самому мальчику казалось, что, успей он пораньше, все можно было бы изменить.

Алин был полон тяжелых мыслей, когда с дерева на дорогу спрыгнула Салия.

— Я знаю, ты не виноват в смерти Деку-дерева. Ты должен был победить королеву Гому. И ты ее победил, не так ли? Птицы принесли весть обо всем случившемся в Деревню. Никто не винит тебя. Все верят в тебя, как верил хранитель. Даже Мидо очень ждет твоего возвращения. У него кое-что есть для тебя. Так что поспеши. И мне надо спешить. Счастливо, Алин, еще увидимся!

Салия махнула на прощание рукой и убежала.

Нави подлетела к уху Алина. Она была полна жгучего женского любопытства:

— Скажи мне, Алин, куда это так спешила Салия? Разве Деревня кокиров в той стороне? Или, может, там находится вход в Потерянный лес? По-моему, там, куда направилась Салия, начинается Междумирье. А что, позволь спросить, этой девочке понадобилось в Междумирье?

Фея с загадочным видом явно строила предположения и хотела ими поделиться. Но мальчику было гораздо интересней узнать, что хочет подарить ему вредный Мидо. А потому он пожал плечами в ответ на слова Нави и быстро зашагал к дому деревенского старосты.

Мидо сидел на сундуке и, видимо, давно ждал Алина. Как только молодой кокир переступил порог, староста спрыгнул с сундука и почти по пояс залез под его крышку. Он явно что-то искал. Потешно чихая, Мидо показался из-под крышки. В руке он сжимал нечто зеленое и блестящее. Это нечто еще больше разожгло любопытство юного воина.

Староста отряхнулся от пыли, откашлялся и торжественно произнес:

— Итак... Избранный, ты получаешь священный камень леса — Смарагд кокиров. Наш народ хранил его много лет. Но Деку-дерево сказал, что теперь все священные камни должны быть у тебя. Я не знаю, что ждет тебя впереди. Не знаю, почему именно тебе выпало спасать

мир. Но так мне сказал Деку-дерево. И я должен пожелать тебе удачи и победы.

Мидо на секунду остановился. Было заметно, что в нем борются противоречивые чувства. Алин и Мидо, несмотря на незаметную глазу разницу в возрасте, всегда были соперниками. В любых играх и соревнованиях они отнимали победу друг у друга в честном противоборстве. Алин с удовольствием соревновался со старостью. Ведь только с сильным противником можно отточить собственное мастерство. Алин не сердился, когда проигрывал, не таил в душе досаду, когда оказывался слабее. Мидо же — напротив. За каждый свой проигрыш он дулся на Алина все больше и больше, начинал вредничать по пустякам.

Мидо жил на свете так долго, что постепенно утрачивал детскую незлобивость, воспринимая соперничество очень по-взрослому. Их отношения с Алином давно стали у кокиров предметом для шуток. И теперь Мидо, выполняя волю наставника, должен был фактически признать превосходство Алина и доверить ему величайшую ценность своего народа.

Мидо долго готовился к своей роли, дожидаясь юного соперника. Но теперь застарелые чувства взяли верх. Мидо быстро подошел к Избранному, стараясь не смотреть ему в глаза, сунул в руки Смарагд и буркнул:

— А теперь исчезни! Вот если у тебя все получится, тогда я признаю, что хранитель не ошибся в тебе.

Алин не стал больше мучить Мидо своим присутствием, спрятал камень и отправился домой. На Деревню уже опустились сумерки. Пока Алин поднимался по лестнице в свой дом, окончательно стемнело. Зацверкали сверчки. Наступила ночь.

Мальчик положил камень леса на стол и лег в постель. Этот день казался ему самым длинным в жизни. «Столько приключений за один день, — подумал Алин, — неужели теперь каждый мой день будет таким же насыщенным, как этот?» Столько горя, радости, страха, сомнений и самоотверженности, пережитых за одни сутки, измучили мальчика, и он заснул, едва коснувшись щекой подушки.

Нави полетала по комнате в поисках подходящего места для сна, зевнула и упала в чашку. Она устала не меньше Алина, сил искать ложе получше у нее не осталось. Сон сморил маленькую помощницу.

Юный герой и фея еще не знали, что ждало их впереди...

* * *

Алин проснулся довольно рано. Правда, Нави пробудилась еще раньше и уже по-хозяйски шурowała по полкам в поисках какой-нибудь

еды. Сама фея могла насытиться и цветочным нектаром, но, чувствуя ответственность за мальчика, она собиралась организовать его питание самым полноценным образом. Она здраво рассудила, что нынешний день может выдаться еще более трудным, чем вчерашний. А значит, на поиски пищи может попросту не найтись времени. Размеры Алина не оставляли сомнений в том, что питание нектаром его от голодной смерти не спасет.

Хозяин дома оказался запасливым. На полках был дикий мед в глиняном горшочке, лесные орехи, холодный травяной чай в кувшине, полное лукошко душистой малины и хлеб. Остальную найденную снедь, вроде сушеных грибов и вяленой рыбы, фея сочла неуместной для завтрака.

Алин помог Нави накрыть на стол и с удовольствием позавтракал. Вчера он был так занят, что ему было некогда испытывать голод, зато сегодня это самое чувство разбудило его ни свет ни заря.

Алин всерьез испугал Нави своим аппетитом. Он уничтожил почти все запасы, и только неодолимая икота удержала его от поедания рыбы. Заметив ужас на лице феи, Алин смутился:

— Ну На-ави! Я не всегда такой прожорливый. Не таращи так на меня глаза. Это я за вчерашний и сегодняшний день ел. Вот смотри,

остальное я сложу в дорогу. Может, они там, в других мирах, едят что-то невозможное или во-все ничего не едят.

Мальчик упаковал еду в дорожный мешок и умоляюще взглянул на фею.

— Ну, ладно, ладно... — согласилась Нави. — Будем надеяться, что все обстоит именно так, как ты говоришь. А запас еды нам действительно может пригодиться.

По местному времени было без четырех половина восьмого, когда Алин с феей, прихватив священный камень, покинули дом. Они двинулись к выходу из Деревни кокиров. Выход представлял собой поваленное дерево, полое изнутри. Пройдя через него, оказываясь на подвесном мосту через пропасть. На другой стороне мост так же упирается в поваленное дерево. И лишь пройдя через него, можно попасть в Междуумирье.

Алин уже был на мосту, когда услышал тихий голос:

— Ты уже уходишь? Ну да, я всегда знала, что ты покинешь нас, даже не попрощавшись.

Это была Салия. Она стояла у начала моста и держалась за канат. Ее глаза были полны грустью. Она знала, что Алину надо спешить, но ей так не хотелось с ним расставаться. Салия и Алин были неразлучными друзьями, сколько себя помнили. Они поверяли друг другу все

свои тайны. Они помогали друг другу во всем. Многие годы они были вместе, как брат и сестра. Их дружба превратилась в нечто особенное. И еще они часто могли общаться друг с другом без слов. Их мысли, будто настроенные на одну волну, преодолевали расстояние. А теперь Алин уходил.

— Знаешь... мне будет очень грустно без тебя. Может быть, и ты будешь скучать... по мне? Я решила... подарить тебе на память вот это. — Девочка протянула Алину тростниковую дудочку. — Это флейта фей. Ее создали небесные феи в те времена, когда украшали наш мир. Я не знаю точно, что может эта флейта. Но знаю, что в разных мирах она открывает множество дверей.

Салия сыграла на дудочке красивую мелодию. Алин хорошо ее запомнил.

— Это мелодия леса, ее поют птицы в Потерянном лесу. Когда ты будешь далеко от родных мест и затоскуешь — сыграй эту мелодию. Я услышу ее, и мы сможем обо всем поговорить. Где бы ты ни был, я буду знать все, что с тобой происходит. Иди, Алин! Тебя ждут испытания и приключения! Я знаю, ты со всем спрашивешься!

Алин взял дудочку, улыбнулся Салии на прощание и исчез в проходе, ведущем в Междуумирье. Ему хотелось остаться дома. Но ему уже не терпелось и посмотреть на новые миры.

На доски старого моста упали две большие слезы из огромных глаз Салии. Она вздохнула и повернула назад, в Деревню.

* * *

Тем временем Алин уже попал в Междуми-
рье. Он стоял перед деревом, на ветке которо-
го сидел огромный филин.

Филин, заметив путника, склонил голову на-
бок, расправил крылья и проухал:

— Ты, случайно, не Избранный? Ну да, ну
да, можешь не отвечать. Сюда попадают толь-
ко Избранные или безумцы. Как я вижу, воло-
сы у тебя не всклокочены, глаза не выпучены.
Значит, ты не безумец. М-м-м... Идешь к прин-
цессе Эльде? Ничего не говори, я и без тебя все
знаю. Но уж если ты спасаешь мир, послушай
старика, спаси еще пару хороших людей по до-
роге. Зайди сначала на ферму «Талон и Ма-
лон». Найди Базила и поговори с ним. Ты все
сам поймешь. Сильно тебя это не задержит, не
беспокойся. А после я помогу тебе в твоих де-
лах. До встречи, мальчик! У-ху, у-ху!

Филин тяжело поднялся в воздух и улетел.
Алин проводил птицу взглядом, пока та не скры-
лась из виду. Постояв еще немного, он решил
идти к ферме. Ведь, как понял Алин, на этой
ферме кто-то серьезно нуждался в помощи.

* * *

Довольно быстро кокир дошел до больших деревянных ворот. Над воротами висела табличка с яркой надписью: «Ферма “Талон и Малон”».

«Вот сюда-то мне и надо», — подумал Алин, толкнул ворота и вошел. Первое, что увидел мальчик, были невысокие строения. Открыв одну из дверей, он оказался в хлеву. Но там никого не было, кроме двух коров.

Выйдя из хлева, Алин натолкнулся на несимпатичного мужчину в белом комбинезоне. У него были черные волосы и усы, налитые кровью глаза. В руках он держал метлу и ведро.

Незнакомец заговорил. Изо рта у него пахло прескверно.

— Что ты здесь делаешь, парень? Впрочем, какая мне разница? А знаешь, кто я? Я великий и всемогущий Базил! Если бы фермером был я, а не старый, ленивый и толстый Талон, то моя ферма стала бы лучшей в Аграмонте. А ты наверняка ищешь как раз Талона? Должен тебя огорчить: еще на рассвете он отправился в замок продавать молоко, притом захватил с собой свою противную дочурку Малон. И они до сих пор не вернулись. Честно говоря, мне все равно, где они. Если они не вернутся до наступления следующего дня, то ферма по нашим зако-

нам перейдет в мои руки. Жду не дождусь этого часа!

Базил с мечтательным выражением лица ушел в хлев и больше оттуда не выходил.

Мальчик задумался. Нави, явно уставшая от долгого молчания, хмыкнула:

— Прошу прощения, что прерываю твои, видимо, очень серьезные раздумья, но у меня такое чувство, что ты не знаешь, про какой замок говорил Базил. Это Шелия-замок. И находится он прямо напротив фермы. Если надумаешь туда попасть, придется прилично пробежаться. Ворота замка открыты лишь в светлое время суток. На закате их закроют.

Алин понимал, что хозяева фермы почему-то сильно задерживаются в замке и рискуют к утру остаться бездомными. Значит, именно им и нужна его помощь. Мальчик помчался к замку. Фея летела за ним, хотя ветер, создаваемый бегущим кокиром, переворачивал ее и отбрасывал назад. Нави сердито ругалась, но не отставала. Ворота были еще открыты.

Преодолев подъемный мост, друзья оказались на Ярмарочной площади замка. Там играла веселая музыка, бегали среди множества шумных прилавков ребятишки. Здесь можно было найти все: и магическую утварь, и оружие, и свежие овощи, и лечебные настои да порошки, и бусы из горных самоцветов, и одежду для любого занятия, будь ты охотник или фермер.

Один торговец изрядно напугал мальчика. Схватив Алина за плечо, он пронзительно закричал ему в ухо:

— Покупа-а-айте! Шелия-щит! Покупа-а-айте! Всего тридцать один рубин прошу!

Кто-то в этой оживленной сутолоке сильно толкнул Алина, и мальчик упал прямо в кусты у городской стены. При падении он сильно ударился, но утешением послужила нежданная находка: в траве, под кустом, он обнаружил множество жуков, пустую банку, разноцветные стеклышки и десяток рубинов.

«Наверное, какой-то простофия потерял. Да и немудрено в такой толчее», — подумал Алин. Подобрав рубины, он не сразу оценил ценность всего остального.

К отряхивающемуся от придорожной пыли Алину подошел мальчик-бродяга. Его изрядно потертая и выцветшая одежда и чумазая физиономия со смышлеными глазами вызывали симпатию и жалость одновременно. Шмыгнув носом и подтянув штаны, бродяжка деловито спросил:

— Че покупаешь-продашь?
— Я — не, — мотнул головой Алин. — А че предлагаешь?

Чумазая физиономия презрительно скривилась:

— Да все! Рыб могу достать вяленых за живых, жуков покупаю черных и золотых. Там один

мужик их у меня заберет очень выгодно. Он из них настойки от хворей готовит. Стеклышки цветные покупаю. Я их потом продам церковному стекольщику для витражей. Ну так че продаешь? А то стоит тут, деловых людей задерживает!..

Алин был немало поражен такими серьезными торговыми операциями. В их деревне кокиры добывали все необходимое вместе, делились или менялись без всякой прибыли. Но все эти местные продажи были так похожи на игру, и прибыль от них явно пригодилась бы Алину в дальнем путешествии... Он знаком показал бродяжке, чтобы тот никуда не уходил, и снова залез в кусты. Стеклышек оказалось три. Жуки почти все расползлись. Алин поймал только одного и посадил в банку. Довольный, он вернулся к забавному покупателю. Тот снова бойко заговорил, опередив Алина:

— Рыбы... ну, если мелкие, то за пять рубинов, а если большая, то за десять. Жуки... если детеныша золотой скулутулы, то за десять рубинов. Если бабочку — за пять. Стеклышки: бесцветные по рубину, зеленые — по три, синие по два, а вот ежели красные будут, то аж пять рубинов дам. Так че продаешь?

Увидев товар, бродяжка просиял:

— Так-так-так... В банке у тебя золотой скулутульчик. Значит, десять рубинов. В руке три стеклышка: красное и синие — пять и два раза

по два. Итак, все вместе девятнадцать рубинов. — Бродяжка сощурился. — Жука с банкой отдаешь иль как?

Неизвестно почему Алину захотелось произвести впечатление серьезного торговца. И не только соглашаться со всем, но и в чем-то гордо отказать.

— Обойдешься, — строго сказал он, — она мне для дела нужна.

Он забрал свои деньги и потопал вдоль стены. Банка мешала, и Алин незаметно выбросил ее в траву.

— Для каких дел она мне нужна? — спросил он себя.

— Чтобы положить туда свои проснувшиеся способности торговца, — язвительно ответила за него Нави.

Среди множества шумных людей Алин внезапно заметил девочку невероятной красоты. Повинуясь непонятному непреодолимому зову души, Алин, расталкивая людей, двинулся ей на встречу.

Огромные, небесного цвета глаза незнакомки смотрели на мир со спокойствием и нежностью, будто вокруг была не рыночная площадь, а храм. Ее нежное лицо освещала милая приветливая улыбка. Даже когда кто-то случайно толкал девочку и поворачивался, чтобы нелюбезно сказать ей о ее неловкости или медлительности, она улыбалась грубияну — и тот терялся и извинял-

ся. По плечам девочки струились огненно-рыжие волосы, спускавшиеся ниже талии. Алин никогда не видел таких. В его Деревне у всех были волосы разных оттенков зеленого, а этот медно-золотой шелк переливался на солнце так, что слепил глаза. Девочка была одета в простой белый сарафан до земли, красиво вышитый по подолу и рукавам синим орнаментом. А на плечи был наброшен легкий желтый плащочек.

Очарованный Алин подошел к красавице.

— Привет! Ты кто? То есть... я хотел сказать... то есть спросить, как тебя зовут и... и ты тут с кем-то или одна... в смысле, кого-то ждешь?

Алин чувствовал, как начинает заикаться и краснеть до самых кончиков острых ушей. Да еще Нави за спиной девочки беспощадно гри-масничала, передразнивая смущение Алина. Он на секунду отвел в сторону глаза, собрался с мыслями и более складно произнес:

— Извини, я не представился. Я — Алин из Деревни кокиров. А это — моя фея Нави.

Девочка улыбнулась.

— Приветствую, Алин. Я — Малон, дочь фермера Талона. И жду я именно его. Он сильно задерживается в замке, и это меня тревожит. А ты, Алин, как я поняла, живешь в лесу? Я слышала, что только у лесного народа есть свои феи и только вы носите зеленые одежды. И еще я слы-

шала, что вы добры и мужественны. И... очень красивы...

Последние слова Малон смутили Алину еще больше, и краска, только что сошедшая с его лица, разлилась снова. Но, как ни странно, Малон тоже стыдливо зарумянилась, опустив глаза.

«Кажется, эти двое иллюстрируют выражение “любовь с первого взгляда и на всю жизнь”», — подумала Нави. На сей раз она сжалилась над своим другом и не стала его дразнить. Больше того, даже немного помогла молодым, нарушив неловкое молчание:

— Малон, а где же может быть твой отец? Скоро завечереет, и мы не сможем выбраться за городские стены.

Малон, очнувшись, с беспокойством нахмурила брови.

— Он пошел продавать молоко повару замка. Папа такой сонливый. Я боюсь, что он пристроился где-то и уснул. Это с ним часто случается. Может быть, вы поможете мне найти его?

Девочка заглянула в глаза Алины, и тому захотелось сейчас же сразиться с тысячей драконов, чтобы защитить ее.

— Конечно, Малон! — ответил он. — Только давай сначала купим мне новый щит. Мой совсем слабый.

Как по заказу, откуда-то из толпы вынырнул знакомый Алину торговец. Он уже немного сипел от постоянных выкриков:

— Суперцена! Теперь не тридцать один, а двадцать шесть рубинов! Только сегодня! Обратите внимание! Распродажа! Распродажа!

День клонился к вечеру, площадь быстро пустела, и все старались распродать последнее, пусть и с меньшей прибылью. Алин порадовался возможности купить щит дешевле. Как иногда важно не спешить — то, что нужно, придет само и с меньшими расходами. Кокир взял щит и осмотрел его.

— Не сомневайтесь, господин хороший, — суетился рядом торговец, — Шелия-щит — что надо! Прочный! Водостойкий и огнеупорный, под стать вашему мечу.

Алин отдал охрипшему продавцу рубины и старый щит. Счастливый торговец в порыве благодарности сжал Алина в объятиях и исчез среди прилавков.

Теперь надо было спешить ко дворцу. Алин, Малон и Нави были недалеко от дворцовой стены, когда раздался протяжный вой абитикуса. В этих местах абитикусы — волки с бараньими головами — выли, предвещая приход ночи. Утро же наступало с криком петухов.

Итак, завыл абитикус. Значит, теперь было самое подходящее время для того, чтобы тайком пробраться во дворец. Ведь, как вы понимаете, туда могли беспрепятственно входить не многие. Алин решил, что ему в одиночку будет гораздо проще проникнуть внутрь. Малон не спо-

рила. Она кивнула и, положив в ладонь мальчика большое яйцо из своей корзинки, прошептала:

— Держи. При свете утренней зари из этого яйца вылупится курочка. Только наши особенные курочки своим кукареканьем могут разбудить моего папу. Удачи тебе. А теперь иди.

Алин довольно легко прошел мимо всех постов охраны. Не подумайте, что это стражи были растяпами, — просто кокиры с самого рождения учатся ловко двигаться среди трав и деревьев, замирать, сливаясь с камнями. Да и ночная темнота помогала мальчику.

У самой стены дворца Алин обнаружил глубокий ров с водой. Вода бежала в ров из дыры в стене. Это был прекрасный лаз для такого подростка, как Алин, вот только располагался он высоковато, и мальчик плохо представлял, как бы туда добраться.

Расхаживая вдоль рва в размышлениях, кокир чуть не упал, споткнувшись о мирно спавшего Талона. Некоторое время Алин потратил на тщетные попытки его разбудить. Сон фермера был безмятежен. Если бы не тихое посапывание, можно было бы подумать, что он умер. Алин поднимал Талона, тряс его, усаживал и даже пытался поставить. Все без толку. Первая розовая полоса уже окрашивала небо, когда Алин вытащил из кармана яйцо. Скорлупа треснула, и из яйца появилась крупная курица. «Разду-

лась она, что ли, на воздухе?» — удивился Алин: яйцо было в два раза меньше птицы.

Не успел он додумать мысль, как пернатое чудо завопило:

— Ку-ка-ре-ку! Талон, Талон, не спи на боку!
Проснись, проснись! Будешь спать — берегись!
Везде стража — подумают, что кражи!

«От таких криков стража точно заподозрит неладное», — ужаснулся Алин. Он попытался поймать крикливое существо, но курица легко вспорхнула на стену и, неприлично испачкав ножевой щит кокира, улетела в сторону фермы. Да-да, именно улетела! В этом мире куры совершенно особенные. Они лстят не хуже орлов и разговаривают так же громко, как рыночные торговки. Только стихами. Хотя, надо заметить, тонкой душевной поэтичности эти птицы напрочь лишены.

Талон проснулся. Не обращая внимания на мальчика, фермер в ужасе хлопал глазами на зарождающийся рассвет. Он явно вспомнил, что теряет с наступлением этого нового дня. Внезапно он вскочил как ужаленный и со всех ног кинулся к ферме. Охрана прекрасно знала Талона, поэтому о нем можно было не волноваться.

— Алин, Талон и Малон успеют на свою ферму, — заговорила Нави, — а нам надо во дворец, к принцессе Эльде. Ты помнишь, о чем тебе сказал Деку-дерево? Или чары голубых глаз этой мамзели заставили тебя забыть о своей миссии?

Поднимающееся солнце осветило часть дворцовой стены. За рвом, у самой стены, стояли ящики из-под молока, которое Талон продал дворцовым поварам. Алин быстро переплыл через ров, составил ящики друг на друга и забрался в дыру в стене. С трудом протиснувшись через пахнущее тиной отверстие, Алин оказался посреди неглубокого ручья в саду. От дерева к дереву, от куста к кусту мальчик прокрался мимо стражи в глубь сада. Там у изумрудно-зеленой лужайки он нашел то, что искал...

ГЛАВА 5

Принцесса Эльда

Алин увидел девушку, стоявшую возле окна. Ее застывшие глаза смотрели в пустоту, правильные черты лица сковывала печаль. Серебристо-белые волосы были собраны под золотую корону, голубой бархат ее платья украшал вышитый золотом знак Трифорсе, который был не только символом трех фей, но и гербом королевской семьи.

Несомненно, это была принцесса Эльда. Внешне девушка выглядела несколько взрослеей Алина. Да и безысходная грусть в ее лице стерла последние признаки детства.

Алин подошел к окну. Прежде он никогда не встречался с особами королевского происхождения и не знал, как себя вести. Единственное, в чем он был убежден, это в необходимости поздороваться.

— Привет! — сказал он и сделал паузу, чтобы Эльда сама задала тон дальнейшему разговору.

Девушка вздрогнула и обернулась. При виде Алина глаза ее расширились, будто она увидела привидение. «Что, она никогда кокиров и фей не видела?» — подумал Алин. Принцесса наконец опомнилась от удивления и заговорила:

— Чудеса! Как же ты смог здесь оказаться? Ведь дворец полон стражи. Ну надо же! Ты первый за долгое время, кому удалось пробраться сюда! А знаешь... я где-то видела тебя... Да, я видела тебя во сне. Мне снилось большое говорящее дерево и ты. В моем сне огромная черная туча нависла над Каруле. Эта туча постепенно превратилась в моего опекуна Гонандорфа. А потом с неба пробился солнечный луч. И с ним появился ты. Ты разогнал тучу. А потом мне снилось то большое дерево. Оно много говорило об истории нашего мира и его спасении, о разных народах и необходимости их объединить... Ой, извини, я так растерялась, увидев тебя, что совсем забыла представиться. — Девушка сделала глубокий реверанс и, изящно склонив голову, произнесла: — Принцесса Эльда, единственная наследница короля Каруле и престола прекрасного Аграмонта.

Алин тоже поклонился:

— Приветствую тебя, принцесса Эльда! Я — Алин, новый Избранный. Дерево, которое ты видела во сне, — хранитель-наставник моего народа. Его звали Деку-дерево. Перед своей смертью он велел мне разыскать тебя. Твои знания и моя

сила должны помочь нашему миру спастись от беды... Извини меня за невежество, но как мне обращаться к тебе — «ваше высочество»?

Эльда рассмеялась:

— Нет, конечно! Так ко мне обращаются только слуги. Я даже не задумывалась, как положено ко мне обращаться всем прочим. Я уже много лет не видела никого, кроме слуг, стражи, своего опекуна и няни... Зови меня, пожалуйста, просто по имени, Алин. И скажи, почему умерло то удивительное мудрое дерево из моего сна? Случилось что-то ужасное? Иначе ты не пришел бы ко мне, да?

Алин опустил глаза:

— Деку-дерево мертв. И наверное, в этом виноват я...

Эльда сразу посерезнела:

— Ты не прав. Деку-дерево, насколько я понимаю, умер вовсе не из-за тебя. Во всем виноват мой опекун Гонандорф. В прошлом году, после смерти моего отца, все были в замешательстве. Я, понимаешь ли, еще несовершеннолетняя и не могу вступить на престол. Тогда-то и появился этот страшный человек. Говорят, приехал он с востока. Он назывался моим дальним родственником и вызвался быть моим опекуном. Как он без всяких доказательств сумел убедить королевский совет в своем родстве с нашей семьей, я не знаю. Теперь я склонна предполагать, что здесь не обошлось без колдовства. Гонан-

дорф владеет какой-то черной магией. Но применяет ее очень осторожно, чтобы никто ничего не заподозрил. Даже черный конь моего опекуна будто одержим какой-то силой — глаза горят огнем, а ест он только змей. Вступив в полномочия опекуна, Гонандорф изменил сначала всю мою жизнь, а потом и жизнь других людей. Весь дворец теперь полон его стражей. И я отрезана от окружающего мира. Лишь этот садик перед окном моей спальни я вытребовала для своей свободы и уединения, лишь в нем не маршируют каждые полчаса охранники.

Все это он объясняет мерами безопасности. Мне кажется, что если даже я умру, это обнаружат лишь через несколько лет, а все это время править от моего имени будет он. Несколько недель назад ко мне приходил мальчик в таких же одеждах, как у тебя. Он тоже назывался Избранным. И тоже был кокиром. Его схватила стража и убила. А его фею опекун на моих глазах раздавил сапогом. — (При этих словах Нави сжалась и спряталась под шапку Алина.) — Последний месяц Гонандорф заперся в подвале и готовит там нечто ужасное. Я видела, как он льет на землю какую-то ядовитую жидкость и шепчет заклинания. Думаю, он отравил землю, чтобы уничтожить дерево-хранителя, которое могло послать к нему нового Избранного. Чем меньше доброй мудрости сможет ему против

востоять, тем легче будет ему осуществить свои планы.

А теперь, Алин, о том, что мне сказал во сне Деку-дерево. Мы с тобой должны вместе сражаться в этой борьбе. Я, конечно, не буду биться на мечах наравне с тобой. У меня будет совсем другая задача. Ты же должен собрать священные камни — камень леса, камень огня и камень воды. Чтобы ты понял, зачем все это, я расскажу тебе немного из истории своей семьи.

Несколько веков назад, после появления Силы трех, мой прапрапрадед, Конталиан Денок, нашел Золотую Трифорс. Там, где это случилось, появился мир из хрусталя. Дома, трава, деревья, фрукты — все-все было из прозрачного хрусталя. Понимая силу Трифорс, Конталиан хотел спрятать этот хрупкий мир от зла. Он устроил землетрясение, и хрустальный мир засыпал песком и камнями. Теперь попасть туда можно лишь через узкий проход. В этом месте Конталиан построил Цитадель Времени.

Проход закрывает каменная плита с тремя углублениями. Чтобы попасть в хрустальное царство, в эти углубления надо вставить священные камни — Смарагд кокиров, Опал горонов и Аквамарин цоров. Но чтобы камни стали ключом, мой прадед придумал дополнительную защиту. Он создал флейту времени. На ней надо сыграть мелодию вечности. Камни начнут вибрировать, каждый по-своему, и эта вибрация

разобьет каменную плиту. Флейту времени и мелодию передают в королевской семье из поколения в поколение, от одного правителя к другому. И теперь этот инструмент у меня. Вокруг Цитадели Конталиан построил город и долго в нем правил.

А теперь вернемся к нашим временам. Знаешь, чего хочет Гонандорф? Он хочет собрать все священные камни, жениться на мне, чтобы, став полноправным членом королевской семьи, завладеть флейтой времени и добраться до Золотой Трифорсе. Трифорсе, как ты, наверное, знаешь, может исполнить три любых желания своего обладателя. Три желания Гонандорфа сделают его бессмертным, богатейшим и единственным властителем Аграмонта.

Все это я поняла, когда стала следить за своим опекуном. Кроме занятий колдовством он каждый вечер с наступлением темноты отправляется в Цитадель Времени. Ему, как временно му правителю, теперь открыты все двери. Сначала он изучал летописи, хранящиеся там. Потом пытался разбить каменную плиту своими чарами. Но мой прадед именно от таких вот злодеев ее и поставил, поэтому ничего у Гонандорфа не вышло.

Тогда он пытался убедить народы-хранители отдать священные камни ему, якобы на хранение. Выкрасть-то он их не может: ведь границы миров могут проходить только кокиры, а Гонан-

дорф — человек. И даже магия не смогла помочь ему в этом. Получив письменные отказы, он направил свое волшебство на то, чтобы вынудить эти народы согласиться.

У горонов он вызвал горные обвалы. Гигантские валуны завалили вход в пещеру Додонгос, где образуются съедобные камни, которыми пытаются гороны. Теперь их народ голодает. У короля цоров он похитил дочь. С помощью своих сил Гонандорф заточил маленькую Руто в подводную темницу. И страданиям короля и его подданных теперь нет предела. Убив мудрого наставника кокиров, мой опекун надеется сломить волю лесного народа. Но пока, несмотря на все страдания, три народа-хранителя продолжают отказывать Гонандорфу. Хотя, если им не помочь, сложно предположить, как долго это может продлиться.

Ты, Алин, должен спасти от этих напастей горонов и цоров. Кокирам, к сожалению, наставника уже не вернуть. Правители всех трех народов знают об Избранном. Они отдадут тебе священные камни. Тогда возвращайся ко мне. По поводу флейты времени не беспокойся. — Принцесса усмехнулась. — Даже если бы мой опекун не был так уродлив, я все равно не стала бы его женой. Его мысли, его сны, его мечты, само его дыхание так пропитаны злобой и жаждой власти, что он вызывает во мне лишь отвращение и страх.

Эльда на минуту замолчала. Потом вдруг вскинула на Алина лукавый взгляд и улыбнулась:

— Только по дороге к горонам зайди на ферму. Там, по-моему, кто-то тебя очень ждет. Это тебе по дороге. А теперь ступай.

Принцесса, не попрощавшись, отошла от окна. Алин подумал, что все же она не лишена некоторой надменности. Что-что, а здороваться и прощаться надо в любом случае, кем бы ты ни был.

Только Алин собрался уходить, как прямо рядом с ним появилась женщина в доспехах — та самая, что снилась ему. В его сне она спасала... да, конечно!.. она спасала Эльду. Теперь он в точности вспомнил свой страшный сон.

Женщина была сложена, как истинный полководец. Ее сильные ноги уверенно упирались в землю. Руки были сложены на груди. Гордо вскинутую голову украшал серебристый шлем, короткие белоснежные волосы были едва видны из-под него. Взгляд женщины неотрывно изучал Алина. Ему даже показалось, что она смотрит куда-то вглубь его, в его мысли, в его душу. «Возможно, это личная телохранительница Эльды», — предположил Алин.

— Здравствуй, Алин. — У женщины оказался удивительно бархатный низкий голос. — Я — могущественная Импа, хранительница времени, няня принцессы Эльды.

Сложно сказать, что больше поразило мальчика — то, что эта воительница хранит время, или то, что она является няней. Раньше он представил бы себе в роли хранителя времени какого-нибудь милого седовласого старца, а в роли няни — полную, улыбчивую немолодую женщину. Что это за мир, в котором хранить время и воспитывать детей надо в доспехах?

Словно прочитав его мысли, Импа улыбнулась:

— Время, Алин, — самая большая ценность. Владея им, ты можешь состарить и омолодить. Ты можешь вернуться в прошлое, чтобы не дать умереть кому-то добром или злому — или не дать ему родиться. Ты можешь управлять историей народов и жизнью отдельного человека. Ты можешь добавить недостающую минуту в событие, которое способно перевернуть мир.

Но все в этом мире взаимосвязано. Изменив что-то, ты не властен предугадать далекие последствия. Изменив что-то, ты меняешь все. Смерть одного хорошего человека может стать причиной появления мира и процветания народов, хотя близкие все равно будут оплакивать его и никогда не согласятся с тем, что его гибель была нужна. Поэтому я охраняю течение времени от всех — и от добрых, и от злых.

А няней в королевской семье я стала по указу ее основателя, короля Конталиана. Он считал,

что мудро управлять народом может лишь тот, кто понимает многогранность всего происходящего и чувствует ответственность за каждое свое решение. За воспитание этих качеств у юных наследников престола я и отвечаю. Ну и, кроме того... — Импа усмехнулась, — я не дам принести какой-то вред юному наследнику. А когда вырастет, он и сам будет способен позаботиться о своей судьбе. А теперь, Алин, я помогу тебе вернуть немного времени, потеряного в течение этой длинной беседы.

Импа легко подхватила мальчика, и через мгновение они оказались перед фермой. Алин хотел было поблагодарить хранительницу времени, но ее уже и след простыл.

* * *

Зайдя на ферму, Алин вновь встал перед выбором — в какую из многочисленных построек пойти искать хозяев. Где находится хлев, он помнил с прошлого раза. Теперь он отворил другую дверь. В этом строении явно располагался птичник. Алина окружили десятки кур. Помня о первом знакомстве с этими птицами, Алин с ужасом представил себе, что будет с ним, если все они заголосят. Но куры почему-то только кудахтали.

«Возможно, они словоохотливы лишь сразу после появления на свет?» — подумал мальчик.

Птичьи перья, которые потревоженные куры заставили порхать по воздуху, медленно опускались на пол. И теперь Алин заметил просыпавшегося Талона. Судя по лукошку, стоявшему рядом, фермер пришел в птичник за яйцами. Присел на пол и... как всегда, заснул. Но теперь, по счастью, уже выспался и тер глаза. Талон сладко зевнул, заметил Алина и вдруг оживленно заговорил:

— О-о-о! Дорогой друг! Это ты помог моей дочери найти меня и разбудить до рассвета! Малон отругала бы меня, но она так увлеклась рассказом о тебе, что об этом забыла. Я уже знаю, что ты Алин, что ты самый смелый, самый красивый и... самый умный.

Талон смотрел на мальчика. Его глазаискрились смехом.

— Смелость твою я видел. Красота — дело вкуса, я бы на тебе не женился, как ты понимаешь. А вот насчет ума... Давай посмотрим. Хочешь сыграть в одну игру? У меня есть три волшебные говорящие курицы. — (При этом Алин с облегчением вздохнул — значит, остальные будут только кудахтать, что бы ни случилось.) — Я сейчас выпущу их, а ты за минуту найдешь их среди других, внешне похожих, но обычных. Сыграем, умник?

Алин устал от бессонной ночи, хотел есть и считал игру глупой, но согласился, чтобы подтвердить хвалебные слова Малон.

Талон поднялся на чердак и через минуту вернулся оттуда, держа трех белоснежных кур. Он выпустил их и громко хлопнул в ладоши. Перепуганные птицы вновь всполошились, подняв в воздух целое облако пуха и перьев. Когда они снова расселились по местам, отличить простых от волшебных стало невозможно.

Мальчик схватил первую попавшуюся. Талон ничего не сказал. Вдруг послышалось тихое:

— Мы — молчок, а ты — дурачок!

Алин быстро обернулся, подбежал в самый угол птичника и схватил зазевавшуюся болтушку.

— Первая, — процедил Талон.

Алин вертел головой, пытаясь уловить хоть какие-нибудь отличия в окружавших наседках. Краем глаза он заметил, как фермер приложил палец к губам, призывая молчать кого-то у себя под ногами. Мальчик резко развернулся и сгреб очень правдоподобно раскудахтавшуюся курицу.

— Два, — сосчитал Талон.

А пойманная курица пронзительно сообщила свое мнение:

— Не молодец, а внимательный хитрец!

Видимо, время подходило к концу, и фермер принялся отсчитывать последние секунды, сильно нервируя Алина:

— Десять, девять, восемь, семь...

Мечущийся кокир поскользнулся и расплылся на полу, придавив собой одну из кур. При-

давленная курица закатила глаза и сдавленно проскрипела:

— А вот и три. Из нее бульон свари. — Она издала еще какой-то непонятный звук, открыла клюв и так его и не закрыла.

Талон взял бедняжку за ноги и покачал тушкой перед своим носом.

— А с другой стороны, — внезапно оживился он, — я их никогда не ел. Может, и бульон с них вкуснее. Ну, в общем, Алин, ты выиграл. Можешь жениться на Малон.

Алин забыл про голод и усталость, запрыгал на месте и восторженно завопил:

— Да! Да! Спасибо!

Он кинулся обнимать Талона. Фермер вырывался и что-то бормотал. Алин на секунду остановился, постепенно понимая: что-то не так.

Фермер похлопал его по плечу:

— Э-э-э... Дружок, это была шутка. Невинная шутка. Сынок, я что, по-твоему, все мозги проспал — дочь за курицу подарю? Хотел вот, старый дурак, пошутить, да и чувства твои к Малон проверить. Ну, не расстраивайся, приз все равно очень хороший.

Алин расстроенно кивнул:

— Шутка? А-а... Понятно. Кто ж такими вещами шутит? Ну а приз-то какой?

Талон протянул мальчику бутылку с молоком.

— У меня не только куры, но и коровы не простые. За это молоко мне хорошо платят и королевский повар, и королевский лекарь. Если будешь ранен или ослабнешь от голода и жажды, выпей пару глотков этого молока. Запомни, оно целебное. Оно не скисает, сколько бы времени ни прошло. Если оно у тебя кончится, приходи ко мне, я дам тебе еще. А хочешь сам по пробовать подоить, иди к моей дочурке, она тебя научит. А по поводу женитьбы... — Талон подмигнул Алину. — Поживем — увидим. Да и мал ты еще.

Фермер повернулся уходить, но кокир остановил его:

— Не рассказывайте, пожалуйста, Малон о своей шутке и как я на нее попался, хорошо?

Фермер кивнул, похлопал Алина по плечу и вышел во двор.

* * *

Алин нашел Малон на пастбище и снова залюбовался ею. Сегодня она показалась ему еще красивее. Желтый платочек, что прежде лежал на плечах, теперь был повязан на голову. На лицо выбивались лишь немногие упрямые прядки волос. Малон, увидев приближавшегося Алина, радостно побежала ему навстречу:

— Здравствуй, Алин! Как хорошо, что ты зашел к нам. Я смотрю, папа уже дал тебе моло-

ко. Но его надо еще набрать для ужина. Пойдем, я научу тебя доить коров.

— Ну, предположим, кое-что я умею, — с гордостью заявил Алин. — У нас в деревне есть коры. Мы их доим и делаем сметану и творог.

Малон рассмеялась:

— Нет, Алин, наши коровы доятся иначе. Я пою им одну красивую мелодию. Она называется мелодия жизни, ее когда-то придумала моя мама. Коровы слушают эту песню, и молоко само льется в бутылки.

— А у меня есть флейта фей, — обрадовался мальчик. — Мое пение навряд ли будет так же красиво, как твое, но я смогу эту мелодию сыграть. Как считаешь, вашим коровам понравится?

— Обязательно, — подтвердила Малон, взяла Алина за руку, и они вместе побежали к коровнику.

В хлеву стояли все те же коровы, которых уже видел Алин. Одна из них при виде Малон заговорила:

— Здравствуй, Малон! Кто этот милый мальчуган? Новый работник? Друг? Ладно, можешь не говорить. Ему, наверное, надо дать молока, а то он какой-то бледный и худой.

Малон обняла буренку и смущенно улыбнулась:

— Это мой друг, Ани. Его зовут Алин. А молока ему уже дал папа. Мы сейчас подоим тебя и пойдем ужинать. Алину завтра надо будет

нас покинуть, у него очень важные дела. Но он еще к нам вернется. И даже, может быть, погостит подольше. Правда ведь, Алин?

Кокир кивнул. Немного поесть и отдохнуть перед дальней дорогой да еще и в обществе прелестной Малон — это больше, чем он мог мечтать.

— Да, — ответил он, — целая ночь, блуждания мимо дворцовой стражи и разговор с принцессой Эльдой лишили меня сил. Жутко хочется есть и спать. А потом — в дорогу. Но я обязательно вернусь сюда. У вас красиво. Хотя говорящие куры меня немного пугают. От их голоса начинает звенеть в ушах. А от постоянного рифмования слов — болеть голова. Жуткие существа.

Малон и Ани переглянулись и прыснули со смеху. Вдоволь насмевавшись, девочка пояснила озадаченному такой реакцией Алину:

— Понимаешь, когда-то давно к нам на ферму заезжал один волшебник. Я тогда была очень маленькая, и встречал его папа. Наш гость сильно устал, он хотел есть и спать. Каждый раз, когда папа шел на кухню за едой, или в комнату для гостей стелить постель, или к колодцу набрать воды — он засыпал. Каждый раз, когда он засыпал, волшебник шел его разыскивать и будить. К концу второго дня пребывания у нас, — Малон еле сдерживала очередной приступ смеха, — он был совсем истощен от недосыпания

и голода. Кроме этого, наш гость потерял последнюю надежду получить хоть немного пищи и отдохнуть.

Волшебник был сердит на папу и не испепелил его только из жалости ко мне. Кроме того, он беспокоился, что с таким отцом я погибну от недосмотра и отсутствия заботы. И тогда этот добрый человек превратил нескольких наших кур в говорящих... то есть в голосящих. Когда они голосят одновременно, не только папа, но все, кто есть на ферме, непременно просыпаются.

Волшебника после этого мой отец прекрасно накормил и уложил спать. Тот уснул, обессиленный, забыв о куриных криках. С тех пор в курятник ходит только папа, поскольку никто из нас не в состоянии выдерживать оглушительных стихов этих птиц. Они плохо несутся. А из яиц вылупляются, только если на скорлупу упадет луч утренней зари. Поэтому наша ферма еще не превратилась в сумасшедший дом. Говорящие куры живут на чердаке птичника и разговаривают в основном друг с другом. Я прихожу к ним за яйцами, только если нам с папой предстоит долгий путь, — кто знает, когда и где понадобится его будить.

К концу рассказа девочки смеялись обе коровы и Алин. История появления голосящих кур понравилась всем.

В таком приподнятом настроении они занялись дойкой. Подставив ведра, Малон запела мелодию жизни. Голос у нее был нежный и чистый, как колокольчик. Пение девочки запало в сердце Алина. Он легко стал подыгрывать ее пению на флейте фей.

Набрав молока и поблагодарив коров, ребята отправились в дом. Там уже хозяйничали Талон и работник. Все дружно накрыли на стол и сытно поужинали. Алин давно так хорошо не проводил время. Малон успевала за всеми ухаживать. Даже вредный Базил в конце концов повеселел и разговорился. Нави тоже перестала дергать Алина, напоминая ему о его обязанностях. Малон выжала в блюдце маленькой гостье фруктовый сок. И фея, отведав угощения, активно включилась в споры Талона и Базила о выращивании на продажу цветов.

Малон заметила, что Алин зевает, тронула его за плечо и показала, что проводит его в комнату.

Уставший, наевшийся Алин еле добрался до расстеленной кровати. Только Нави, горячо отстаивающая свое мнение в споре, продолжала бодрствовать. И лишь когда Талон и Базил пришли наконец в споре к согласию, успокоилась и заснула на краю подушки мальчика.

Малон, давно ставшая единственной хозяйствкой большой фермы, помыла посуду и убрала со стола. Закончив дела, она поднялась в ком-

нату Алина. Малон поправила ему одеяло и аккуратно сложила разбросанную одежду.

— Спокойной ночи, мой воин, — прошептала она, закрывая за собой дверь.

Нави эта «дружеская забота» не понравилась, но фея притворилась спящей. Как бы ни было обидно, лучшее, что она могла сейчас сделать, это заснуть.

* * *

Алин открыл глаза с восходом солнца. Нави еще спала. Во сне она съехала с подушки вниз, на сапог Алина. Мальчик заботливо переложил фею на кровать и решил не будить ее еще часок. На стуле уже стояли кувшин с водой, ведро и висело полотенце. Алин быстро умылся, оделся и спустился на кухню.

На столе, несмотря на ранний час, ждали едоков три тарелки с хлебом, маслом и сыром и три стакана с молоком. Талон уже завтракал. Вид у него был невыспавшийся. Малон хозяйничала на кухне. Все трое позавтракали, вместе убрали со стола. Проснувшаяся фея раскапризничалась, отказалась от угощения и сообщила Алину, что подождет его на улице.

Алин взял свои щит и меч. Талон пожелал ему удачи в делах, крепко пожал руку и ушел чинить крышу. А Малон молчала, поправляя на юном воине одежду. Что-то прежде неведомое

удерживало и Алина и Малон рядом друг с другом. И это же что-то мешало говорить. Первой молчание нарушила девочка:

— Куда ты идешь? Там будет опасно? Ты вернешься к нам?

— Я иду к горонам. Это те, кто хранит священный Опал. Они голодают, и им нужна помощь. Не волнуйся, Малон, я обязательно вернусь, и очень скоро. Ты просто жди меня.

Алин вышел за ворота фермы и направился к горе Смерти. Туда, где жили гороны...

ГЛАВА 6

Голод

День трудного восхождения остался позади. Алин стоял на вершине горы Смерти. Перед ним был вход в Мир горонов. Обычно гора встречала гостей недружелюбно, но, видимо, и она чувствовала Избранных. Вулкан не проснулся, не вскипела лава, не посыпались камни. Гора пропускала гостя.

Теперь Алину надо было спускаться по алеющим горячим камням в жерло вулкана. Только так он мог встретиться с горонами. Фея всю дорогу летела молча, явно за что-то дуяясь на мальчика. Но теперь, когда предстоял спуск в дышащую огнем гору, она смягчилась и искала повод заговорить.

Солнце садилось. Провыл абитикус, и замерцали звезды. Уставший Алин отошел от входа в мир огня. Хотелось ощутить прохладу ночи, прежде чем спускаться в этот кипящий котлован. Мальчик увидел рядом странное растение и камень, лежащий около него. Кто бы мог по-

думать, что в таких условиях растет что-то живое! Хотя жизнь вблизи кипящей лавы наложила свой отпечаток на вид растения: листья цветка были серыми, будто их припорошило пеплом, а лепестки венчика светились изнутри красным светом и формой напоминали шесть алых языков. Поверхность языков будто вскипела белыми пузырями и наводила на неприятную мысль об ожогах. Только Алин собрался присесть на камень, чтобы рассмотреть поближе эту невидаль, как камень отодвинулся и поднялся.

— Здравствуйте, господин горон! — услышал мальчик голос феи. — Можете ли вы объяснить этому молодому человеку, что за диковинное растение он рассматривает?

Горон неуклюже поклонился:

— Конечно, маленькая мисс. Вы правы, я действительно горон. У нас в Горонии сейчас голод. Мы питаемся камнями из пещеры Додонгос. Кто-то завалил вход в пещеру, и мы теперь умрем с голоду. Ах, это будет долгая и страшная смерть! Скудные запасы еды на исходе.

Наш король Даруния выставил посты у входа в вулкан, чтобы задержать наших обидчиков. Но никого пока мы не увидели. Сейчас вот моя смена. Ты, мальчик, я вижу, не потревожил нашу гору. Это может означать одно — ты Избранный, и мы должны оказывать тебе всякую поддержку. Мой долг — ответить на все твои вопросы. Ты хочешь знать, что это за растение?

Алин кивнул.

— Это огненный цветок. Обычно он растет у нас в Горонии, — каменный страж показал в жерло вулкана, — а этот, видишь, тут прижился, в прохладе. Вырванный из земли цветок начинает пламенеть и через несколько секунд взрывается. Поэтому мы их не рвем, даже если они вырастают в неудачных местах. Рвать эти цветы может только наш король, Даруния. У него есть волшебный браслет — Обруч горонов. Присутствие этого браслета делает сорванные цветы безопасным экзотическим букетом. Но эта красота взлетит на воздух, как только обладатель браслета отойдет.

Теперь о пещере Додонгос. Она располагается на восточном склоне, вон там, совсем недалеко отсюда. В ней образуются очень вкусные камни. — Горон громко сглотнул. — Только их мы и едим. Это даже не совсем камни — они намного легче обычных камней. И куда питательней. Вот и все, что я могу тебе рассказать. Думаю, больше о нашей жизни тебе сможет поведать наш король. Если ты хочешь встретиться с Дарунией, тебе надо спуститься по склону кра-тера почти к самому его дну. Желаю удачи, Избранный! А теперь прощай, мне пора смениться. — Горон поклонился и поковылял вниз, в жаркое чрево вулкана.

Алин было направился за ним, но передумал и побежал к пещере Додонгос. Спускаться под

горку было нетрудно, и Алин быстро добрался до пещеры. Осмотрев завал, он обнаружил несколько щелей между камнями, в которые легко могла прятаться фея.

— Нави, пожалуйста, попробуй пробраться сквозь камни. Ты такая маленькая, а валуны лежат неплотно. Думаю, ты туда пролезешь. Горон сказал, что съедобные камни легкие. Принеси, пожалуйста, пару маленьких, ладно? — Алин умоляющее посмотрел на Нави.

Та с деловым видом, заложив руки за спину и задрав нос, прошагала по камню к указанному ходу. Правда, потом ей все же пришлось встать на четвереньки, чтобы попасть вовнутрь. Скоро она вернулась, выкатив из отверстия три небольших камешка. Алин взял их и поспешил обратно наверх.

Вдруг, сложив огромные крылья, перед ним опустился знакомый филин. Филин изобразил какой-то приветственный жест и заговорил:

— О! Как я рад вас здесь видеть. В Горонию собрались? Можете не отвечать. Это очевидно. Алин, я вынужден был прилететь, поскольку твоя фея ведет себя как капризная девочка, а не помощница. — (Нави собралась протестовать, но филин не дал ей и слова вставить.) — Она, например, совсем забыла рассказать тебе, что может флейта фей. — Филин сердито заухал. — Теперь, побывав на ферме, ты уже знаешь две

мелодии — мелодию леса и мелодию жизни. Обе они пригодятся тебе.

Флейта фей поможет тебе открыть проход в Мир цоров или вызвать фей. Кроме того, она способна рассеять печаль и вселить уверенность, она заставит радостно танцевать самого печального. Помни это и используй.

А теперь я облегчу вам подъем. Дорога вверх тяжела, а пребывание в пекле Мира горонов потребует много сил. Нави, прячься Алину в шапку и не сильно высовывайся в мире огня, а то крыльшки обожжешь. Алин, хватай меня за лапы и держись крепче, иначе свалишься. Поехали!

Филин в несколько взмахов поднял мальчика на гору и, попрощавшись, улетел.

* * *

Спуск к жилищу горонов был тяжелым. По внутренней поверхности кратера шла узкая дорога. Она, как спираль, огибала кратер, с каждым витком приближаясь к жидкому огню. И когда, казалось, до обжигающего дна оставалось совсем чуть-чуть, дорога резко ныряла в проход в стене, спасая от жестокого пекла. Конечно, этот горный тоннель тоже дышал жаром, но все-таки не настолько, чтобы убивать все живое.

Тоннель быстро закончился. Очень скоро Алин оказался в большой светлой пещере. Пря-

мо у ее входа стоял очередной караульный горон. Вид его был еще печальнее, чем у первого. Кроме того, горон заметно дрожал.

Алин поклонился:

— Здравствуйте, уважаемый горон. Я — Избранный, Алин. Я пришел увидеть вашего короля Дарунию. Я вижу, вы не только голодаете, но и болеете?

Горон, поеживаясь, поднял на гостя грустные глаза.

— Нет, Алин, мы не болеем никогда. Просто я страшно мерзну, как и многие мои собратья. Мы ведь народ огня. Чтобы нормально жить, нам нужен огонь. Раньше на каждой стене у нас горело множество факелов. Они давали не только свет, но и достаточно тепла. Сейчас они не горят. Единственное место, где мы стараемся поддерживать их, — это в покоях нашего короля, Дарунии. Но когда они потухнут, мы все застынем навеки в холода.

Тебе, наверное, непонятно, что мешает нам зажечь факелы, как прежде. Я объясню. Чтобы добыть огонь, двое из нас с разгону катятся друг другу навстречу и с силой сталкиваются. Во все стороны летят искры, от которых и поджигают факелы. Но теперь от голода мы стали такими же мягкими, как камни из пещеры Додонгос, и не можем высекать искры...

Да, — спохватился горон, — ты ведь ищешь нашего короля! К нему ведет вон тот коридор, —

он указал нужное направление. — Постеши, Избранный. Возможно, ты сумеешь нам помочь.

Алин направился в указанный тоннель. По дороге он размышлял о том, как разнообразен этот мир, как много в нем таких не похожих друг на друга существ. Вот он, Алин, идет по этому коридору, обливаясь потом и задыхаясь. А рядом гороны трясутся от холода и только что в ледышки не превращаются. Это какая же, наверное, жара у них здесь, когда горят все факелы! Алин даже остановился от этой мысли. Наверное, в таких условиях могут жить только эти неуклюжие великаны.

Из-под намокшей шапки на плечо кокиру выползла Нави. Выглядела она еще более плачевно, чем мальчик: прозрачные крыльышки съежились и прилипли к телу, а свечение было едва заметным. Фея еле говорила:

— Первый поворот налево — местный магазин. Сильно это нас не разорит и не задержит. Купи там огнеупорный костюм. У Дарунии нам без него не выжить.

На немой вопрос Алина, откуда она это знает, фея только махнула рукой и залезла обратно под шапку.

Уговаривать мальчика было не нужно. Он свернул на первой же развилке и действительно очутился в магазине. Маленькую пещерку перегораживал прилавок, за ним стояли стеллажи с самыми разнообразными предметами. Среди

них кокир легко отыскал то, что ему требовалось. Размер огнеупорного костюма подошел мальчику почти идеально.

Собираясь расплачиваться, Алин заметил маленькую копию Опала горонов. Ее мастерски выточили из серого камня. Симпатичный сувенир стоил недорого и мало весил. Отдав за свои приобретения двадцать рубинов, Алин тут же переоделся. Еле живая Нави безропотно заняла место во внутреннем кармане огнеупорного костюма.

В этом простом балахоне Алин напоминал себе привидение. Капюшон закрывал пол-лица и усиливал впечатление. Но как бы то ни было, тонкая ткань не пропускала жара. В таком наряде можно было сколько душе угодно разгуливать в мире огня.

Вернувшись в коридор, Алин быстро добрался до покоев Дарунии. Войдя в них, мальчик немного растерялся: в ярко освещенном зале, среди зарослей огненных цветов восседал сам Даруния. Он сидел спиной к двери и не видел вошедшего.

Обычные гороны имеют весьма внушительное телосложение: крупные и мускулистые, они похожи на раскормленных атлетов. Но Даруния по размерам намного превосходил любого из своих подданных. Сидящий король выглядел как небольшая скала. Черные кованые брасле-

ты стягивали запястья и щиколотки гиганта. Желтые выросты на голове топорчились в разные стороны, делая огромную голову правителя еще больше. На сильном плече короля был хорошо заметен рисунок Опала горонов.

Вид короля совершенно сбил с толку Алина. И вот этому исполину требуется помочь кокира? Это он-то не может справиться без Алина? Это Дарунию и его народ Алин должен спасать?

Размышления мальчика прервал сам король.

— Уйдите, попрошайки! — проговорил он с тяжелым вздохом. — Нет у меня ничего. Я уже отдал вам свой трон из камней Додонгос. Больше мне нечего вам отдать. И сделать я тоже ничего НЕ МОГУ! — Даруния неуклюже повернулся...

На Алина уставились два огромных густо-васильковых глаза. Эти глаза делали уродливое, немного лягушачье лицо Дарунии удивительно милым, почти детским.

Мальчик спешно поклонился:

— Приветствую тебя, великий правитель народа огня! Я — Алин, Избранный. И я пришел... чтобы оказать посильную помощь твоему народу.

Даруния встал и поклонился в ответ. В этом сго поклоне не чувствовалось превосходства — похоже, он воспринимал мальчика как равного и не сомневался в его силах.

— Здравствуй, Алин, — ответил он, — прости, что не сразу заметил тебя. Я так удручен, что потерял всякое желание даже двигаться. Я столько раз пытался спасти свой народ от голода, столько раз пытался разобрать завал, и все оказалось напрасно. А раз в моей силе нет толку, что я за король?

Совершенно неожиданно по лицу Дарунии покатились крупные слезы. Из-за жары они мгновенно испарялись, с шипением падая ему на грудь.

Алин, вспомнив о возможностях флейты фей прогонять печаль и вселять уверенность, достал дудочку.

— Ваше величество, прежде чем мы подумаем, что делать, разрешите мне сыграть вам. Надеюсь, эта музыка рассеет ваши темные думы.

И мальчик заиграл. Уже через минуту Даруния начал танцевать. Он подпрыгивал и забавно размахивал ручищами. От его танца с потолка сыпались песок и мелкие камешки. Король весь светился неудержимым восторгом и радостью. Пламя факелов разгорелось сильнее. Стены зала украшала красивая роспись в виде танцующих горонов — желтые, красные и черные, казалось, они теперь танцевали со своим правителем.

Алин престал играть. Даруния отдохнул и сообщил:

— Ох! Не помню, когда так последний раз веселился. Ну, Алин, теперь верю, что ты спасешь нас. В благодарность за доставленную мне радость прими вот это. — Даруния нагнулся и надел Алину на запястье Обруч горонов.

Едва щелкнул замок украшения, как Алину в голову пришла замечательная мысль. Да, это было единственное, что имело силу, большую, чем сила самих горонов.

Кокир спросил разрешения у короля и принялся рвать огненные цветы. Когда набранный букет стал размером с самого мальчика, он поспешил наверх, к пещере Додонгос.

Пробегая основной зал, Алин увидел плачевное зрелище: десятки горонов, сбившись в кучу, сидели на полу и тряслись от холода. Нави, которая уже пришла в себя под защитой огнеупорной ткани, высунулась из кармана:

— Можно, я зажгу им свет? Я, конечно, не великий маг, но на что-то способна.

Алин кивнул. Фея подлетела к ближайшему факелу и подула на него. Тот замерцал голубым светом... и вдруг холодное свечение сменилось веселым пламенем! Так, один за другим, загорелись все факелы пещеры. Гороны радостно загудели и затанцевали. Похоже, среди этих созданий любовь к пляскам была всеобщим увлечением, которым каждый заражался с раннего детства. А мальчик и фея, больше не тратя дра-

гоценного времени, уже поднимались к выходу из Горонии.

Когда друзья вышли на свежий воздух, он показался им очень холодным. На краю кратера, у цветка, сидел уже знакомый горон и жалобно всхлипывал:

— Бедный я, несчастный! Моя семья умирает с голоду. Я не знаю, чем их кормить. Мой младший сын стал таким мягкотелым, что скоро перестанет быть гороном!

Юный кокир вытащил из кармана три мелких съедобных камня, добытых Нави в начале их путешествия, и протянул бедолаге. Тот просился, поклонился и укатился вниз, спеша к своей семье.

Алин и Нави спустились к пещере. Мальчик воткнул собранный букет в щель между валунами, загородившими вход, и отбежал. Из укрытия он видел, что красные языки цветов засветились еще ярче, стали раздуваться, и вдруг... яркая вспышка осветила ночь. Грохот сотряс гору. Взрыв разметал валуны и разбил их на мелкие кусочки.

Алин выглянул из укрытия. Да, его план удался. Обруч горонов позволил доставить страшные цветы до нужного места и использовать их взрывную силу во благо. Вход в пещеру Додонгос теперь свободен.

Привлеченные таким шумом, из Горонии высыпали гороны. Король, позабыв о высоком ста-

тусе, вприпрыжку бежал впереди своих подданных. Подскочив к Алину, он радостно сгреб его в охапку и сжал в объятиях, рискуя переломать мальчику все ребра. Отпустив его, Даруния сделал знак, и все замолчали.

Он поклонился Алину и сказал:

— Великий Избранный, освободивший мой народ от голода, я отдаю тебе наш священный камень, Опал горонов, и говорю: отныне ты наш брат и друг. Мы будем помнить о том, что ты сделал для нас.

Он положил в руку Алину красный камень, икнул, попятился — и вся толпа голодных горонов как по команде, оглушительно топоча, кинулась в открытую пещеру. Трудно было осуждать их. Они так долго мучились от голода, что теперь никакие ритуалы вежливости и благодарности не могли надолго задержать народ огня. Им надо было перекусить.

Алин наблюдал со стороны, как счастливые гороны вываливались из пещеры с долгожданной едой и, примостившись у самого входа, спешно набивали животы, чтобы, дожевав, снова вернуться в пещеру.

Рядом с мальчиком появилась Импа. Хранительница времени улыбнулась, глядя на суету горонов. Она взяла Алина за руку:

— Нам пора к Эльде, Алин. Здесь ты выполнил свою миссию.

Перед глазами мальчика все завертелось — а уже через секунду он стоял перед принцессой.

Эльда выглядела обеспокоенной. Увидев в руках кокира Опал, она кивнула:

— Хорошо. У нас все меньше времени, но мы успеем. Гонандорф понял, что кто-то мешает ему заполучить камни. Он узнал, что Избранный — это ты, и хочет убить тебя, Алин. Теперь мой опекун направился ко входу в Мир цоров, зная, что ты тоже пойдешь туда. Поэтому, Алин, я прошу тебя сейчас вернуться в свою Деревню и побывать там несколько дней. А когда Гонандорф, не дождавшись тебя, станет искать Избранного в других местах, ты сможешь пройти в мир воды беспрепятственно. Если удача будет с тобой и ты освободишь маленькую Руто, дочь короля Сетиса, то цоры доверят тебе свой священный камень. А теперь — прощай. Импа облегчит твой путь.

ГЛАВА 7

В Деревне

Привычное головокружение в компании Импы длилось недолго. Алин не успел и с Эльдой попрощаться, как стоял уже у входа в свою родную Деревню. Импа быстро исчезла.

Алину хотелось есть и спать, но больше всего ему хотелось увидеть Салию. Его верная подруга, почти сестра... Так надолго они еще ни разу не расставались. Мальчик хотел ей рассказать обо всем, что с ним приключилось, не только о событиях, но и о том, чего не знали другие, — о своих мыслях, переживаниях, чувствах. Он был так переполнен всем этим, что все равно бы не заснул.

Алин подошел к дому Салии. Как и жилище Алина, он располагался в дупле старого дерева. По маленькой лестнице кокир без труда поднялся к двери. Он без стука распахнул ее и вошел.

Салия сидела на стуле и читала книгу. Увидев Алина, девочка отбросила ее, спрыгнула со стула и кинулась обнимать друга. Волна ее ра-

дости, объятий и вопросов захлестнула мальчика:

— Боже мой, Алин, почему ты здесь?! Я как раз думала о тебе. Вчера прилетал филин. Он предположил, что ты пойдешь к царам. Я так рада тебя видеть!!! А почему ты вернулся? А как ты спас горонов? Ты, наверное, голодный? Я сейчас сделаю тебе яблочный пирог и заварю цветочный чай. Нави!!! А ты на кого похожа?! Сейчас я накормлю тебя цветочнымnectаром. Хорошо, что сегодня утром я собрала немного росы, — тебе не помешает принять ванну и отдохнуть. Все, Алин. Садись и рассказывай мне о своих приключениях. А я буду слушать и собирать на стол. А пока я готовлю, попей чаю.

Алин только сейчас понял, как устал. Он снял с себя свое оружие и буквально рухнул на стул. Салия принесла из чулана миндаль, яблоки и жасмин. В большую чашку из ореховой скорлупы она насыпала сушеные травы и залила их кипятком. Чудесный сладкий аромат наполнил комнату. Только кокиры умеют заваривать этот восхитительный жасминовый чай. Девочка поставила перед Алином горячую кружку, а перед феей — чашку с росой для купания и стала резать яблоки.

Алин, попивая чай, начал долгий рассказ о всех своих приключениях: о филине и разговоре с Эльдой, об огненных цветах и помощи горонам. Когда мальчик рассказывал о Талоне,

засыпающем на каждом шагу, и изображал его, Салия искренне смеялась. За рассказом время летело быстро, и скоро перед Алином стоял душистый теплый пирог с яблоками, дикий мед и новая кружка чая. Нави тоже пришла в себя. После живительной ванны она снова ярко светилась. Усевшись на край чашки, фея с удовольствием уплетала цветочную пыльцу.

Уже вечерело, когда рассказ мальчика коснулся Малон. Алин всегда любил Салию как сестру. И ему казалось вполне естественным поделиться такими новыми сильными чувствами с самым близким своим другом. Но Салия уже некоторое время видела в Алине не брата, а своего героя и принца. Он был так красив и смел, он был таким родным, они так чудесно ладили и так хорошо понимали друг друга... Чувства Салии перестали быть только дружескими. И, как это часто бывает, она представляла себе, что это взаимно. Алин же не подозревал о таких переменах. Поэтому поведал ей о девушке, покорившей его сердце, ничего не утаив.

Его рассказ о Малон был проникнут удивительной нежностью. Алин улыбался, вспоминая ее волосы, ее пение, ее смех. Каждое слово отзывалось в сердце Салии острой болью. Но Алин, переполненный своими чувствами, ничего не замечал. Его распирало от желания поделиться с кем-то своей любовью. Он внезапно вспомнил о купленном в мире огня сувенире и показал

его Салии. Девочка надеялась, что подарок предназначался ей. Но ошиблась.

Алин с энтузиазмом принял фантазировать, как будет рассказывать Малон о своей победе и преподнесет ей этот презент. Горькая боль сжалась сердце Салии, и ее глаза наполнились слезами. Алин, с наслаждением поедавший пирог, не сразу заметил это.

— Салия, я чем-то обидел тебя?

Девочка, взявшись за руки, солгала:

— Да нет. Мне просто что-то в глаз попало. Не обращай внимания, все в порядке.

Алин недоверчиво взгляделся в лицо подруги. Он дружил с Салией с самого детства и не думал, что с годами она может его полюбить. Поэтому, не найдя причины для ее расстройства, он быстро забыл о нем.

Нави, тихо подлетев к уху Салии, шепнула:

— Мне это ЧТО-ТО тоже попало в глаз! Но я не считаю, что все в порядке! Возмутительно! С коих пор кокиры влюбляются не в кокиров, а в каких-то неместных девчонок?!

Но Салия строго взглянула на фею и покачала головой.

Она и прежде легко прощала Алину глупые выходки и ошибки. Но тогда это было проявлением женской мудрости в маленькой девочке. Мальчишки такие неугомонные, что часто могут обидеть девочку, даже не заметив этого. Они

живут в мире соперничества, они спешат действовать, а не чувствовать. Что уж тут поделать... Но теперь обида Салии была столь острой, что она едва справилась с ней. И все-таки она простила Алина за то, что он не догадался о ее чувствах, только теперь это было прощение любящего женского сердца. Прощение, дававшееся болезненно и тяжело.

Салии почему-то захотелось подарить Алину нечто особенное, разделить с ним свой секрет.

— Алин, ты пережил множество приключений, увидел много иных народов. И я хочу познакомить тебя с теми, с кем тебя не познакомит никто другой. Много лет я храню эту тайну даже от тебя. Я давно дружу с детьми леса. С давних пор кокиры и дети леса избегают друг друга, хотя, по сути, мы являемся самыми близкими родственниками. Те кокиры, которые убегают в лес, чтобы жить сами по себе, становятся детьми леса.

Знаешь, мне кажется, что среди любого народа есть те, кто желает жить вопреки традициям, основывать собственные обычай, выглядеть как-то по-своему и говорить. Однако кокиры не захотели признать за ушедшими право быть такими, какими им хотелось. Поэтому нам запрещено общаться и дружить. Но дети леса ничем не хуже нас, хотя очень от нас отличаются. Ты повидал много разных существ и понял, что при

внешних отличиях все они могут быть милыми и с ними можно дружить. Я научу тебя языку лесного народа. Он несложный — любое наше слово переверни наоборот. Например: «Привет, я — ребенок леса» будет звучать так: «Тевирп, я конебер асел». Понял? Ну что, ты достаточно отдохнул, чтобы идти знакомиться? А когда стемнеет, мы переночуем в моем лесном доме или я останусь там, а ты вернешься к себе.

Алин давно подозревал, что Салия, ладившая со всеми вокруг, своим добрым сердцем и в Потерянном лесу отыскала друзей. И конечно, он был очень тронут ее доверием и поспешно кивнул, выражая готовность к путешествию в лес.

— Надеюсь, ты не съел весь пирог? — спросила Салия. — Надо принести детям леса гости-нец. Они очень любят мою выпечку.

Алину было страшно любопытно посмотреть поближе на зеленых человечков. А последнее заявление Салии убедило его в том, что эти лесные дети — народ действительно близкий. Как же иначе, ведь им не чуждо понимание истинных ценностей (так Алин оценивал стряпню Салии).

Салия завернула в кленовые листья остатки пирога и обвязала сверток лозой. К этому был еще добавлен большой кувшин ягодного морса. Всю еду ребята сложили в корзину. Выходя из дома, Салия на всякий случай предупредила друга:

— Запомни, Алин, говорить с ними буду я. Тебя они не знают и могут подумать, что я их предала. Когда они поймут, что ты свой, можешь задавать любые вопросы. Главное, когда мы войдем в Потерянный лес, держись рядом. Там кроме добрых существ обитают еще мулиры, волки и королевские таланцы. Надо знать места, где их можно встретить, а где — нет.

Алин хорошо помнил свое первое знакомство с мулиром в пещере королевы Гому. Хоть мальчик и одержал тогда победу, желания встречаться с собратьями этого существа у него не было. Про королевских таланцев он знал, что они похожи на мулиров, только более пестрой окраски и гораздо более подвижные. Поэтому нарушать рекомендации Салии Алин не собирался.

* * *

Потерянный лес сам по себе место не очень дружелюбное. Только на его окраинах селятся итицы, растут ягоды и грибы. Но зайди чуть глубже — и увидишь совсем другую картину. Гладкие стволы деревьев, как гвозди, вырастают из голой земли. Плотные кроны где-то высоко вверху полностью закрывают небо непроницаемым щитом. И оттого в Потерянном лесу всегда царят сумерки. Ни один цветок не может найти света для жизни в подлеске. В некоторых ме-

стах стволы деревьев стоят так плотно, что образовывают коридоры.

Казалось, лес всюду одинаковый, куда ни пойдешь. Как ориентировалась Салия в этих безмолвных сумерках, оставалось загадкой, но шагала она уверенно и быстро. Не то чтобы Алин боялся этого леса, но все же старался не отставать. Свет двух фей немного освещал путь и отгонял страх, однако и они летели молча, почти над самой головой Салии.

Идти пришлось долго. Наконец путь друзьям преградил огромный пень. Пока это дерево не срубили, его ствол легко мог уместить несколько «квартир» кокиров. Теперь же о его мощи напоминали лишь гигантские корни, вцепившиеся в землю, чтобы держать когда-то живую громадину.

Девочка вытащила из сапога бережно сложенный листочек с зашифрованным паролем. Это был пароль для входа в дом детей леса. Все время подглядывая в листочек и шепча себе что-то под нос, Салия ритмично постучала по коре рукой и поочередно встала и подпрыгнула на разных корнях пня. Потом она взяла у Алина флейту фей и сыграла на ней мелодию леса.

Откуда-то из пня послышался тихий голос:
▽ Отк мат?

Салия вернула Алину дудочку и аккуратно сложила листочек обратно в сапог.

— Отэ я, Яилас. Етйоркто! Иовс! — Она повернулась к мальчику: — Этот пень внутри полый. Там находится дом лесного народа.

Голос из пня снова зазвучал:

— Яилас! Отк отэ с йобот? Онжом уме тяревод?

Салия торопливо успокоила обладателя голоса:

— Ад, но йом гурд. Но йишорох, но Йыннарабзи. Итсупв!

Внезапно во пне появился проем, и изнутри потянуло теплом. Из проема показался человечек и помахал Салии рукой. На Алина человечек посмотрел недоверчиво. Внешне ребенок леса сильно отличался от кокиров. Кожа его была темно-серого цвета. Красная широкополая шляпа закрывала пол-лица, поля ее по бокам сзади упирались прямо в высокий желтый воротник. Зеленый балахон и штаны перехватывала на поясе лоза. Обувь представляла собой какие-то желто-красные обмотки с зеленой бечевкой. Самое удивительное, что практически вся одежда ребенка леса была сделана из листьев или травы, только на руках красовались явно вязанные зеленые перчатки.

Встречавший поинтересовался, знает ли друг Салии местный язык, и пригласил гостей в дом. Девочка и Алин вошли внутрь, и проем тут же закрылся.

* * *

Внутри пень наполняли тепло и свет. Посередине комнаты стоял круглый стол, в углублении под ним горел огонь. Вокруг стола были расставлены десять стульев. На полу у стен лежали одеяла из овечьей шерсти. Дети леса, похожие друг на друга своими растительными костюмами, занимались кто чем. Алину показалось забавным, что каждый из них когда-то сбежал из Деревни кокиров, чтобы стать не таким, как все. Но теперь они собирались вместе и образовали другое, но снова единообразие.

Салия отдала хозяевам гостинцы. Все с во-сторгом побросали дела и собрались за столом, чтобы отведать принесенных вкусностей.

Встречавший подошел к Алину и пригласил его сесть. Оказалось, что зовут его Колин, на местном языке — Нилок, и он тут главный. Колин познакомился с Нави. Он рассказал, что дети леса очень любят фей. Что в их лесу раз в год проходят Советы фей в лесном Храме. И дети леса охраняют эти мероприятия от нападений хищников. С некоторых пор лестница, ведущая в Храм, разрушена, и, согласно легендам, только Избранный может восстановить ее.

Нилок рассказал, что когда-то очень давно, когда дети леса очень хотели жить сами по себе, но продолжая дружить с кокирами, те отверг-

ли их. Кокиры сказали, что теперь они разные, что те, кто не уважает древних традиций и не хочет жить в земле предков, не достойны доверия. Так дети леса стали изгоями. И, боясь, что кто-то из кокиров снова последует примеру ушедших, староста Мидо запретил всей Деревне общаться с предателями. Детьми леса кокиры теперь пугают друг друга. Можно ли осуждать лесной народ за ответную неприязнь к кокирам? Если бы не Салия, дети леса совсем забыли бы, что кокиры бывают добрыми.

Алину очень хотелось узнать, за что же дети леса так доверяют его подруге. Но Нилок беспокоился, что останется без угощения, и предложил Алину расспросить об этом саму Салию.

Поискал глазами девочку и не найдя ее, Алин заметил лестницу, ведущую куда-то наверх. Нави подбодрила:

— Давай-давай, поднимайся. Там наверху спальня. Я уже слетала туда. Салия там. Сидит и штопает этим ребятам одежду.

Алин быстро поднялся наверх.

В комнате чуть поменьше нижней прямо на полу лежало десять одеял из овечьей шерсти. На каждом одеяле красовалось коряво вышитое имя хозяина. На местном языке (задом на-перед) это звучало так: девочки — Алит, Акил, Идам, Ирот, Иннам; мальчики — Нилок, Обум, Утит, Нуда, Римак.

Салия сидела на одеяле Нилока и что-то шила. Алин плюхнулся рядом с ней и спросил:

— Ну, давай рассказывай, почему дети леса тебе доверяют. А то никто из них не рискует отойти от стола, пока там еще есть твое угождение. Остается послушать тебя саму.

Салия отложила шитье.

— Когда-то очень давно в Потерянном лесу появилась страшная болезнь. От нее умирали птицы, мулиры, волки и королевские таланцы. Никто не знал лекарства от этой хвори. Заболели и дети леса. Один за другим, они все обессиляли. Они лежали на одеялах и умирали. Так как лесной народ не общался с горонами и цорами и полностью рассорился с кокирами, им не у кого было попросить помощи. В то время я довольно часто гуляла по окраине леса и распевала песни. С каждым днем мое любопытство заводило меня все дальше. Однажды я зашла так далеко, что набрела на этот пень. Проем был открыт, и я вошла. И увидела умиравших детей леса.

Я не убежала и не испугалась. Я стала их лечить. Собирала лечебные травы и варила для них лекарства. Они ослабли не только от болезни, но и от голода, ведь некому было собирать для них еду. Я стала им готовить и кормить их, пока все до последнего не поправились.

Я боялась кому-нибудь рассказать о том, что со мной случилось, — никто не захотел бы мне

помочь. И возможно, кокиры помешали бы мне помогать лесным жителям. Потом я стала учить выздоровевших детей леса тому, что знаю сама. Жаль только, ученики они не очень прилежные. Им нравится жить без скучных занятий. Но мы с тех пор стали друзьями. И многое, ведомое лесному народу, теперь знаю и я.

Вот и вся история. Уже совсем поздно, и нам пора уходить. Теперь и ты являешься другом детей леса. Чему я очень рада.

Салия и Алин спустились в общую комнату. Сытые и довольные хозяева уже покончили с едой и сидели на стульях, рассказывая забавные истории. Провожая Алина, Нилок вышел вперед и сказал, что с этого дня друг Салии — их друг. Лесные человечки пожелали Избранному удачи и выпустили гостей из своего жилища.

ГЛАВА 8

Спасение

Алин проснулся у себя в постели. Нави сидела в чашке, служившей ей кроватью, и терла глаза. Их ночное возвращение было столь поздним, что проснуться удалось с большим трудом. Алин, безудержно зевая, собрал на стол завтрак и с аппетитом поел. Нави так не выспалась, что за завтраком снова задремала и упала в чашку с цветочной пыльцой. Чихая и отряхиваясь, фея улетела купаться в лесной ручей.

Алин вышел на крыльцо. Дул необыкновенно сильный ветер. Небо заволокло низкими тучами. Такая погода в Деревне кокиров была редкостью и настроения не прибавляла. Вернувшаяся Нави спряталась Алину под шапку — ее, бедняжку, почти сдувало.

Очередной порыв ветра кинул в руки Алину желтый платок. Мальчик поймал его и попытался припомнить, где мог его видеть. Запах платка казался тоже знакомым — луговые травы и теплое парное молоко... Ну да, конечно, это

платок Малон! Но как ее вещь могла попасть сюда? Новый порыв ветра толкнул Алина в плечо, и мальчик услышал:

— Малон в беде-е! Ответ ищи-и на берегу Шелия-озера. Спеши-и!

Алин схватил свое оружие и побежал к входу в Междумирье. Как и в первый раз, на дереве на краю Междумирья сидел филин. Точнее, не сидел, а нетерпеливо прохаживался по ветке вперед-назад. Увидев Алина, филин с облегчением вздохнул:

— Ну, наконец-то. Я бы сообщил тебе раньше, но лететь до тебя долго. Хорошо вот, Ветер помог. Ну да некогда болтать. Хватайся за мои лапы и полетели.

Алин крепко схватил птицу за когтистые лапы, и филин поднялся в небо. Очень скоро мальчик уже стоял перед фермой «Талон и Малон». Он попрощался с филином и толкнул скрипучие ворота фермы.

— Что-то мне подсказывает, надо идти к Базилу, — заявила фея. — Талон наверняка сейчас не в себе.

Мысль показалась Алину здравой, и мальчик направился в хлев. Базил сидел на копне сена, уставившись в одну точку. Несмотря на середину дня, все лошади находились в своих стойлах, а не на пастбище. Алин с удивлением заметил, что сварливый работник плачет. Увидев Алина,

Базил всхлипнул, сполз с сена и, заикаясь, затараторил:

— Спа-аси Ма-алон! Талон думает, что это я похитил его дочь! А это не я! Я все видел, а он мне-е не ве-ерит! Малон шла домой с пастбища. Вдруг какой-то урод выбежал из-за угла дома, схватил ее и исче-ез. Возьми самую быструю лошадь Талона и скачи к Шелия-озеру! Мне рассказывали, что на его берегу стоит дом Исследователя Глубин священных вод. Тот, кто украл Малон, походил на этого Исследователя. Будь осторожен. Говорят, что он колдун. Ини, Ини! Иди сюда!

Базил надел на красавицу лошадку узду и седло и отдал поводья Алину.

— Здравствуй, ковбой, — поприветствовала мальчика лошадь. — Пока не узнал Талон, мы пробежимся до озера, спасем Малон и вернемся обратно. Не волнуйся, я самая быстрая. А ты — Избранный. Мы хорошая команда, ты не находишь?

Алин потрепал Ини по шее и вскочил ей на спину. Нави едва успела спрятаться под шапкой мальчика, как лошадь вылетела из хлева и поскакала за ворота фермы.

* * *

Алин и Ини стояли на берегу озера. Воды Шелия были прозрачны и чисты, в них играли серебристые стайки рыб. Резвые чуры, красные

змейки, ловко выпрыгивали из глубины, ловя за зевавшуюся над водной гладью бабочку или стрекозу. По зеркальной поверхности озера быстро скользили арахны. Размером с крупных собак, арахны представляли собой поистине удивительное зрелище. Алин любовался этими большими жуками, чьи желтые ноги под бирюзовым панцирем вычерчивали на воде причудливые линии. Маленький блестящий глаз каждой арахны напоминал рубин и играл на солнечном свете. Глядя на такое красивое существо, сложно представить, что оно — неуязвимый хищник, нападающий на рыб и животных, попавших в воду. Лишь выброшенная на сушу, арахна становится неуклюжей и беззащитной.

Шелия-озеро — самое большое озеро Аграмонта, его дальний берег едва различим, с какой стороны ни подойди. Посреди этого водоема располагается маленький островок, покрытый редкими деревьями и высокой травой.

Перестав любоваться красотами Шелия, Алин внимательно огляделся. По его правую руку, совсем недалеко, стоял огромный дом. Более нелепого строения невозможно было представить: квадратная серая крыша съехала на кособокие стены лилового цвета, зеленые ставни провисли и хлопали на ветру. Казалось, что этому дому не дает развалиться лишь сила заклятий.

Если верить Базилу, то увиденное строение принадлежит Исследователю.

Размышления Алина прервало пронзительное ржание Ини. Алин успокоил лошадь. Но ржание лошади было не единственным звуком. Совсем рядом раздался чей-то крик. Алин обернулся и увидел недалеко арахну, выбиравшуюся из воды. Чего ради она покинула родную стихию?

Крик повторился. Только теперь он напоминал истерический визг испуганной принцессы. Алин вытащил из ножен меч и направился к жуку. Арахна насторожилась и уставилась на мальчика, явно не видя в нем угрозы. Ее жадный взгляд оценивающе изучал жертву — хищница прикидывала, с чего начать трапезу. Подпустить Алина к себе она не собиралась и потому считала свое положение достаточно защищенным.

Кокир тоже оценил расстановку сил. Мечом Арахну он бы не достал. Но кто сказал, что он не достанет ее другим оружием? Алин вытащил из-за пояса рогатку, подобрал камень, прицелился и выстрелил. Арахна даже не успела понять, что произошло, как упала в воду и пошла ко дну.

Мальчик подошел к тому месту, где только что сидел жук. Незаметный до этого за кустом, на мокром песке лежал белоснежный конь. Его бок рассекала тяжелая рана. Правда, лилась из нее не кровь, а вода. Все тело коня била крупная дрожь. Видимо, рана была смертельной.

Нави опустилась к лежащему животному.

— Это озерный мустанг, — пояснила она, — он живет в этом озере и умеет скакать по водной глади. А когда его копыта касаются земли, из-под них вылетают кристаллы, напоминающие прозрачные капли.

Ини, с состраданием рассматривавшая мустанга, ткнула Алина мордой в плечо:

— Базил на всякий случай привязал к седлу сумку с целебным молоком.

Мальчик напоил озерного мустанга фермерским лекарством и полил молоком рану коня.

На глазах у Алина края раны стали срастаться, дыхание мустанга выровнялось и успокоилось. Еще через минуту белоснежный конь встал на ноги, мотнул головой и ликующе заржал. Ини ответила ему. Лошади приветствовали друг друга и выражали свое почтение. Скосив глаза, фермерская лошадка решила пококетничать:

— Я, между прочим, и разговаривать могу. Меня зовут Ини.

Озерный мустанг чуть отступил назад, склонил голову и извинился:

— Простите, леди! Я непозволительно ошибся. Впредь я буду обращаться к вам только в словах. Ваше нежное имя напоминает перезвон полевых колокольчиков. Меня же зовут Маруэл.

Только сейчас Алин заметил, что ноги мустанга закованы в серебряные кандалы.

Скакун повернулся к кокириу:

— Благодарю вас, юный герой! Вы спасли мне жизнь, и теперь я ваш должник. Что-то подсказывает мне, что вы прибыли сюда за рыжеволосой девочкой. Колдун принес ее на остров посреди озера и разрушил ведущий туда мост. Я вижу, у вас есть древний инструмент — флейта фей. Я научу вас мелодии воды — она разрушит мои оковы, и с моей помощью вы попадете к своей подруге.

Конь еще отступил, откашлялся и, к немалому удивлению присутствующих, запел низким бархатистым голосом. Алин вытащил дудочку и стал подбирать на ней красивую мелодию. И когда его игра в точности повторила мелодию воды, кандалы мустанга рассыпались.

Мальчик вскочил на Маруэла, и они понеслись над озером к острову. Мелкие брызги летели в лицо, ветер гудел в ушах — конь едва касался копытами водной глади и летел как стрела. Ини невольно залюбовалась с берега этой картиной. Садящееся солнце играло на боках скакуна, путалось лучами в его гриве, искрилось, отражаясь в воде. Фигурка наездника была так мала, что почти сливалась со спиной прекрасного животного, несущегося к далекому острову.

Ини вздохнула. И отчего на их ферме нет коней с такой статью и благородными манерами? Возможно, деревенская жизнь не располагает?

А между тем нет такой лошадки, которая бы не мечтала о подобном белоснежном принце...

Остров стремительно приближался. Мустанг последним прыжком достиг земли и дал мальчику спешиться. Первое, что увидел Алин, была Малон. Ее руки скручивала грубая веревка, волосы спутались. Она лежала на земле с закрытыми глазами. Глубокий обморок спасал девочку от переживаний.

Алин нагнулся к пленнице, убрал с ее лица прядь волос и разрезал веревку. Малон очнулась и обняла мальчика. Из глаз дочери фермера полились слезы.

— Я так боялась, Алин! Меня утащил сюда какой-то страшный человек. Он говорил, что моя кровь и волосы чудесно подойдут для его экспериментов. Понимаешь, он хотел меня убить! Ты же спасешь меня, Алин?!

Мальчик хотел ей ответить, но совсем рядом с ним как из-под земли появился колдун и уставился на Алина ненавидящим взглядом. Вокруг покрасневших глаз Исследователя темнели фиолетовые круги, всклокоченные космы свисали на лицо из-под огромного тюрбана. Желтые криевые зубы торчали в разные стороны, оттопыривая верхнюю губу. Алин содрогнулся от смердящего дыхания Исследователя. Закутанный в синюю выцветшую тогу, он напоминал злобного умалишенного.

— Какая милая парочка! — проскрипел он. — Жалко вас разлучать, но что поделать!

Колдун резко выбросил вперед руки, и из его ладоней вылетел огненный шар. Алин вскочил, заслонил собой девочку, и шар попал прямо в него. Тело мальчика пронзил электрический разряд, и Алин потерял сознание.

Колдун запрокинул голову и торжествующе захохотал. А тем временем озерный мустанг неслышно подошел к нему сзади и, встав на дыбы, ударил колдуна копытами по голове. Тот пошатнулся, пытаясь зацепиться за что-нибудь и удержаться на ногах, но не успел и рухнул на взничь.

Маруэл опустился на колени перед мальчиком, чтобы Малон было удобнее уложить его коню на спину. Девочка села на коня, придерживая своего ослабевшего защитника, и мустанг понесся стремглав к берегу озера, где ждала их Ини. Обе лошади, как могли, помогли дочери фермера переложить Алина с Маруэла на Ини. Малон поцеловала на прощание белоснежного мустанга, вскочила на Ини и выкрикнула только одно слово:

— Домой!

На ферме

Когда Алин очнулся, он почувствовал во всем теле сильнейшую боль. Мальчик с удивлением обнаружил, что лежит в мягкой постели. Будучи без сознания, он, конечно, не знал о своем путешествии с озера к ферме Талона.

Едва кокир открыл глаза и зашевелился, где-то у самого его уха раздался пронзительный голос Нави:

— Проснулся! Проснулся! Я же говорила, что он сегодня проснется!

Фея от восторга засияла, как маленькое солнышко. Она принялась кружиться перед носом Алина, слепя его своим светом и оглушая радостным притяжением. Подбежавшие Талон и Базил наклонились над мальчиком, с беспокойством рассматривая его.

Этот ажиотаж решительно прекратила Малон, которая появилась в дверях с кувшином воды и полотенцем.

— Уходите сейчас же, дайте больному покой! — строго сказала она. — У вас есть дела, которые простоявают уже несколько дней. Базил, ты полагаешь, что куры, коровы и лошади должны жить в грязи и ждать, когда ты все почистишь? Папа! Иди почини стул, у него ножка сломана. А то когда Алин встанет, ему будет не на чем сидеть за общим столом. Нави, не мельтеши. Иinin жеребенок Эпона постоянно убегает с пастбища. Поиграй с ней и последи за тем, чтобы она была на лугу.

Фея надула губки:

— Вы только посмотрите на нее — начальница! Всем работу нашла! А ты-то сама что будешь делать?

Малон подошла к кровати мальчика.

— А моя работа, Нави, — выхаживать Алина. Все вышли из комнаты.

Оставшись один, Алин с трудом сел в кровати и попытался встать. Ноги подкашивались, будто ватные. В окно били порывы ветра. Мальчик, держась за стену, медленно добрел до окна и открыл его.

В комнату влетел Ветер. Он потрепал пшеничную шевелюру мальчика и весело просвистел:

— Ну, ничего, ничего. Вижу, пошел на правку. Давай-давай, еще много дел, которые, кроме тебя, никто не сделает. Ты, кстати, вернул Малон ее желтый платок или все еще носишь

его в кармане? И сувенир из Горонии тоже не забудь. Малон — отличная девчонка. Уж я-то знаю. Поверь, много где был, много кого посмотрел. Отличный выбор, парень! Только не забудь о своей миссии. Желаю скорейшего выздоровления! — И с этими словами Ветер вылетел в окно.

Услышав торопливые шаги, Алин захлопнул окно, достал из своей одежды подарки для Малон и забрался в постель. В комнату вошла дочка фермера, в руках у нее был поднос с едой.

Алин молча протянул ей подарок, завернутый в любимый платок девочки. Малон поставила поднос на кровать, взяла подношение и развернула. Ее глаза восторженно засветились.

— Ах! О Алин! Какая прелесть! Это мне?!

Малон повязала платок на шею, а фигурку из Горонии спрятала в шкатулку, где хранила любимые вещицы. Она чмокнула Алина в щеку и покраснела от смущения.

После фермерская дочь принялась кормить мальчика, продолжая снова и снова благодарить его за свое спасение.

Поев, Алин поинтересовался, как быстро может поправиться и уйти.

Девочка побледнела и отвернулась.

— Ты так торопишься уйти?

Алин спохватился — его вопрос прозвучал совсем не так, как хотелось бы.

— Что ты, Малон! — пытаясь оправдаться, заговорил он. — Ты неправильно меня поняла. Моя бы воля, я бы тут, с тобой, остался навсегда. Но я должен идти к цорам — это водный народ. Мне нужно собрать священные камни до того, как сила зла станет больше и разрушит Аграмонт.

Дочка фермера не очень интересовалась проблемами всего мира, но слова Алина о желании остаться с ней ей понравились. Она подумала, что еще успеет отговорить его от опасного путешествия. Ведь ферма была просто райским уголком — здесь не было войн, вражды и плохой погоды. Они чудесно заживут с Алином, будут заботиться друг о друге и о ферме. Она отговорит его.

Малон пожелала Алину спокойной ночи, задула свечи и тихо вышла из комнаты.

* * *

Утром Алин проснулся довольно рано. Регулярный прием чудодейственного молока привнес свои плоды: юный кокир чувствовал себя абсолютно здоровым. Он оделся и отправился на кухню. Весь дом еще спал. Видимо, хозяева вчера засиделись допоздна — грязная посуда стояла на столе.

Впрочем, их можно было понять: вчера, после двух дней забытья, пришел в себя спаситель до-

чери фермера. Все очень волновались эти дни, сидели около больного, забывая порой поесть и поспать. И вот вчерашний ужин стал почти праздничным. Напряжение спало. Талон и Базил трапезничали, не в пример обычному, дружно и весело. Талон уже принес извинения своему работнику за недоверие, а тот, в свою очередь, великодушно простил хозяина. Малон, совсем не спавшая за это время, теперь хлопотала у плиты, готовя травяные настои и еду, и окончательно выбилась из сил. Она так устала, что вечером заснула прямо за столом под нескончаемую беседу мужчин. Отец уложил ее спать.

Алин чувствовал такой прилив сил, что быстро перемыл всю посуду, принес из чулана яйца, молоко и ветчину и принялся готовить завтрак. Пока скворчала в большой сковороде душистая яичница, он накрыл на стол, нарезал хлеб и разлил в кружки молоко.

Съев свою порцию, мальчик направился в конюшню. Он выпустил лошадей пастись, почистил Ини и подоил коров. По дороге в дом Алин полил цветы на грядке Малон.

Запахи горячего завтрака разбудили заспавшихся хозяев. Базил же проснулся от звуков, доносившихся снаружи. Ферма благодаря заботам Алина ожила. Работник сначала переполошился, обнаружив, что хлев опустел, но скоро заметил наведенный порядок и оценил помощь.

Пока Алин поливал грядки, Базил, Талон и Малон собирались на кухне, дивясь на все, что успел проделать мальчик, еще вчера лежавший без движения в постели. Малон, выросшая без матери на большой ферме, хорошо знала, что такое ежедневный тяжелый труд: Талон с каждым годом становился все старше и слабее, да и Базил не мог справиться со всей навалившейся работой. И оттого Алин, которого она и без того считала своим героем, теперь еще глубже запал ей в душу. Такой красивый и мужественный! Такой работящий и заботливый! Девочке так хотелось, чтобы Алин бросил все и остался с ней...

Малон быстро поднялась в свою комнату и переоделась в самое красивое платье с желтыми оборочками. Желтые оборки были из кружева, что когда-то сплела ее мать. А мать Малон была редкой искусницей. Малон с детства бережно хранила все, что с любовью и мастерством сделала ее мама. А теперь, когда девочка подросла, она и сама не менее красиво шила и вязала, используя сохраненное рукоделие.

Все семейство завтракало в приподнятом настроении. Алин уже поел, поэтому он поднялся в свою комнату разбудить Нави. Фея тоже очень обрадовалась выздоровлению мальчика. Она, как и велела вчера Малон, целый день носилась по пастбищу, играя с жеребенком Эпоной и не давая ей убежать с луга. Все дети не очень

послушны и о-очень энергичны, будь то дети людей или животных. А потому Нави не на шутку притомилась и спала до полудня глубоким сном.

Когда кокир и фея спустились на кухню, Малон уже прибрала стол и собиралась ехать на городской рынок Шелия.

Мальчик тут же вызвался ее сопровождать и убежал за Ини, чтобы запрячь ее в телегу. Нави начинала серьезно беспокоиться и сердиться на Алина. Что делает с мужчинами любовь, возмущалась про себя она, поправившийся герой будто забыл про свою миссию и приkleился к этой юбке в желтых оборках!

Ини тоже не пришла в восторг от предстоящей поездки. Она чувствовала себя героиней после произошедшего на Шелия-озере и считала вполне естественным, что ей дадут отдохнуть. Кобылка просто поперхнулась травой, когда Алин стал торопить ее ехать на рынок. Лошадь хотела поспорить, но увидела серьезный настрой мальчика, вздохнула и пошла за ним. Стоило ли портить отношения с этим кокиром? Глядишь, еще станет молодым хозяином...

Малон легко забралась в телегу, села рядом с Алином и чмокнула его в щеку. Ее расчесанными волосами играл ветер. И каждый раз, когда лучик солнца попадал на них, они переливались и сияли. Мальчик снова залюбовался своей возлюбленной.

Но красота девочки не всех привела в восторг. Нави, злившаяся с утра, теперь вышла из себя окончательно. Как вы помните, феи слишком малы, чтобы держать в себе большие чувства.

Фея подлетела к Малон и со всей силы дернула её за волосы. Девочка вскрикнула. Нави явно намеревалась повторить это, но ее поймал Алин.

— Не обращай внимания, Малон, — успокоил он девочку, — с ней такое бывает.

Алин слез с телеги и возмущенно зашептал Нави в лицо:

— Ты что творишь! Совсем с ума сошла? Что она тебе сделала плохого?!

Фея разозлилась:

— Что я делаю? Это *ты* что делаешь! То, что ты совсем забыл про меня, я уже пережила! Но то, что ты совсем забыл про спасение Агра-монта, это просто неслыханно! Неужели ты не понимаешь, что если погибнет Агра-монт, то не будет никого, и этой рыжей девчонки и ее отца в том числе?! А также не будет многих других, кто заслуживает жизни не меньше ее! Я слышала, что любовь делает всех глупыми. Хорошо еще, что феи не подвержены этой напасти. Нам говорили, это потому, что такие большие чувства в нас не помещаются, а если бы поместились, то мы сгорели бы от собственного света. Но теперь я думаю, что это наше спасение. Ког-

да весь мир сойдет от любви с ума, останемся только мы, феи, чтобы напомнить этому сумасшедшему миру о его обязанностях! Все! — Фея вырвалась из рук мальчика. — С меня хватит! Воркуйте, голубки! Когда ты, Алин, перестанешь вести себя как человек и вспомнишь, что ты кокир, я вернусь! Человеку фея не нужна!

Она взмыла в небо и, осыпая траву от возмущения мелкими искрами, улетела.

Горячая речь Нави задела Алина. Он понимал, что все сказанное — чистая правда. Мальчик уже совсем выздоровел и должен был идти к царам.

Он обернулся. На него смотрели удивительные, огромные, полные слез глаза Малон. Нави так кричала, что ее возмущение услышал не только кокир.

— Прости, Алин, — заговорила она, — это я во всем виновата. Мне так хотелось, чтобы ты остался со мной, что я отвлекала тебя от твоего долга. Я такая эгоистка! Я не понимала, как важно тебе уйти. Я не хотела, чтобы ты погиб. Но если только ты можешь остановить зло, пусть даже ценой своей жизни, я должна отпустить тебя! — И Малон залилась горькими слезами.

Алин, разрываемый на части противоречивыми чувствами, стал ее успокаивать:

— Не плачь, Малон. Я решил: сейчас мы едем на рынок, как и собирались. Принцесса Эльда велела мне несколько дней пробыть в Деревне

кокиров. Нет никакой разницы, там я буду прятаться или здесь. Гонандорфу не придет в голову искать меня под самым своим носом. Я помогу тебе и твоему отцу сделать по хозяйству все, что успею. А завтра отправлюсь к царам. Нави все говорила правильно, но я не уверен, что при этом она руководствовалась исключительно благородными порывами. Мне кажется, что она еще и ревнует. А раз так, пусть немножко полетает и остынет. Феи не только лишены возможности держать в себе большие чувства — они еще не могут испытывать какое-либо чувство долго. Вот увидишь, завтра она, скорее всего, забудет о сегодняшней ссоре.

Малон вытерла глаза. Алин дернул поводья, и тележка с легким скрипом тронулась по дороге к Шелия-замку.

* * *

На рынке Алин попрощался с Малон до обеда и поехал к постоялому двору. Там он оставил Ини под присмотром местного паренька. Заплатив ему рубин, Алин велел последить за телегой и отправился в город.

Он шел по узкой городской улочке мимо торговых и антикварных лавок, аптеки, сапожной мастерской и зоомагазина. Повинуясь внезапно возникшей мысли, Алин зашел в последний магазин. Там в больших ящиках и клетках шу-

мели самые разнообразные животные и птицы: кошки и собаки, попугай, морские свинки и хомяки. Даже мелкие красные чуры в круглом аквариуме предлагались для продажи.

Мальчик вспомнил, что сегодня утром видел в чулане нахальную мышь, поедавшую сыр. Кроме того, ему очень хотелось сделать Малон подарок. А что может быть лучшим подарком для девочки? Конечно, котенок или щенок. Но собаки не ловят мышей. А значит, выбор падает на котенка.

Алин вместе с продавцом принялись выбирать кошку. Черные, белые, полосатые и пятнистые котята жалобно мяукали и лезли на руки. Только один, огненно-рыжий, как волосы Малон, сидел в стороне с гордым видом. «Вот такой самостоятельный, с чувством собственного достоинства мне и нужен, — подумал Алин, — на него я могу оставить Малон».

Кокир поманил котенка.

— Это Кити, — представил кошечку продавец.

Кити не спеша подошла к мальчику, заглянула ему в лицо, как бы спрашивая: «Ты тот, кого я жду?»

— Мне нужен хороший охотник и верный друг одной очень красивой девочке, — сказал Кити Алин. — Если справишься — пойдем со мной.

Котенок, будто поняв обращенные к нему слова,мяукнул и забрался мальчику на руки.

— Беру эту красотку, — сообщил Алин продавцу и отдал двадцать восемь рубинов.

Кити запаковали в небольшую розовую коробку, предварительно проделав в ней дырочки для воздуха. На крышку Алин попросил повязать шелковый бант. В соседнем отделе он купил еще книгу о лошадях и справочник по всем животным Аграмонта.

Когда со всеми своими покупками мальчик вернулся к телеге, Малон уже его поджидала. В телеге квохтали несколько пеструшек, шипели два гуся и дремала овца. Заметив у Алина коробку, дочь фермера попыталась туда заглянуть. Но кокир строго запретил ей делать это до возвращения домой. Все запланированные дела в городе были сделаны, и ребята тронулись в обратный путь.

По приезде на ферму Алин помог Талону разместить новых животных и отдал наконец умирающей от любопытства Малон коробку с Кити и книгу о лошадях. Котенок и девочка, похоже, сразу друг другу понравились. Кити получила блюдце с теплым молоком и белый бантик на шею. Второе, с точки зрения котенка, было совершенно излишним. Но стоило ли расстраивать маленькую хозяйку пустяковыми разногласиями?

Кити наелась и устроилась спать на подушке. Скоро и все остальные обитатели фермы последовали ее примеру. Поужинавшие Талон и Базил разошлись по своим комнатам. Малон, с банкой светлячков в руках, устроилась читать в постели подаренную книгу. А Алин, поднявшись к себе, не мог заснуть от беспокойства о Нави.

Фея до сих пор не вернулась. Где она сидит и горюет так долго? И как ее теперь найти? И как убедить ее перестать ревновать к Малон? Ведь к Салии она не ревнует. Ах, как бы хотелось жениться на дочке фермера!.. Но до этого надо сделать очень многое. И никто за него это не сделает... Мучимый такими мыслями, мальчик погрузился в тяжелый тревожный сон.

ГЛАВА 10

Примирение

Это утро началось неожиданно и очень рано. Кити залезла к Алину на подушку и стала перебираться через его голову на грудь. Прикосновения кошачьих лапок к щекам и шее напрочь прогнали сон.

— Кити! — возмущенно завопил Алин, сбрасывая с себя разыгравшегося котенка. — Тебе больше негде играть?!

Котенок обиженно мяукнул и выбежал из комнаты. Алин умылся и переоделся. Когда он вошел на кухню, Малон уже собирала ему сумку с едой и водой.

— Малон, не надо было... — начал мальчик.

Но Малон перебила его:

— Так, Алин, здесь еды и питья на пять дней. Еще я положила целебное молоко, на случай, если поранишься или заболеешь. Я хочу, чтобы ты взял Ини — она привязалась к тебе. Да и на лошади ты быстрее доберешься до цоров. Надеюсь, твой поход будет удачным, а возвраще-

ние скорым. И вот еще, — девочка что-то протянула Алину. — Это тебе на память обо мне. Я сама вылепила ее из воска.

Это была фигурка лошадки, сделанная очень искусно. Мальчик еще раз убедился, что у Малон золотые руки. Что бы она ни делала, все выходило ладно и красиво. Забирая у девочки сумку, Алин заметил, что баловство Кити успело повредить не только ему — руки Малон были исцарапаны.

Перехватив взгляд Алина, девочка тут же поспешила защитить любимицу:

— Это... ты не подумай... я.. ну, ты понимаешь... м-м-м.. в общем, я лазила на дерево за яблоками... и поцарапалась...

«Малон лазила на дерево? А даже если и лазила, то что — ночью или на самом рассвете? И вообще я что-то за все это время не заметил на ферме ни одной яблони», — мальчик, конечно, не поверил сочиненному впопыхах рассказу, но не стал спорить. Он попрощался с Малон, мужественно сдерживавшей слезы, с Талоном и Базилом, деликатно дожидавшимися своей очереди во дворе, и оседлал Ини.

Алин выехал за пределы фермы и вдруг понял, что без феи не знает, в какую сторону ехать. Он так привык, что маленькая советчица указывает дорогу, что сейчас совершенно растерялся. Нави обиделась и улстела неизвестно куда. У кого же спросить?

Алин вспомнил о том, как в первый раз уходил из своей деревни, о том, как его провожала Салия и что она ему сказала. Он решительно вытащил флейту фей и сыграл на ней мелодию леса.

Где-то в его голове возник голос Салии (так было и раньше, когда они пытались общаться на расстоянии): «Привет, Алин! Ты, наверное, думал, когда я так далеко, то не услышу тебя? Тебе нужна помощь? Чувствую, ты не знаешь, где искать водный народ. Странно, что фея тоже не знает, должна бы. Со временем создания Аграмонта только феи точно представляют себе, где прячутся цоры. Но Деку-дерево рассказывал мне, что к цорам приводит река Мортон. Эта река берет свое начало у стен Шелия-замка. В том месте, где она впадает в Горную реку, ты найдешь ответ в стихах. Вот и все, что я знаю. Удачи!» Голос стих.

Как вы понимаете, Алин не решился рассказать подруге о серьезной ссоре с Нави. И тогда он направил Ини к стенам Шелия-замка.

У самых стен города били чистейшие ключи. Сливаясь, они скоро образовывали небольшую речушку, а та часа через два пути становилась неглубокой рекой. Дальше река исчезала в лесу.

Проехав некоторое время по лесу, Алин и Ини оказались перед ветхой деревянной избушкой. На вросшей в землю скамеечке рядом с ней

сидел древний старичик. Он что-то тихо бормотал себе под нос, ритмично покачивая головой. Заметив мальчика, он заговорил чуть громче:

— И Избранный пришел узнать, где тайный путь к воде искать. Обидев фею, он теперь сам не найдет в пещеру дверь. Но знают тайну старики: тот путь струится вдоль реки. Там, где потоки вод шумят, где серебрится водопад, найдет герой волшебный свет, а тот простит и даст ответ. — И бормотание старика снова сделалось неразборчивым.

Алин понял, что большего ему не услышать и остается только следовать вдоль реки до водопада, как сказал старик. А там он найдет следующую подсказку.

Подсказка сидела на камне недалеко от водопада и бледно светилась. Алин не мог припомнить, когда был так рад видеть свою фею. Дело было даже не в том, что без нее он плохо ориентировался на местности или не знал всех встречающихся животных. Мальчик искренне волновался за свою крохотную подружку. Он никогда не слышал, чтобы феи могли находиться без кокиротов так долго да еще и так долго обижаться.

Фея сидела на камне и болтала ногами в воде. Для фей не очень характерно длительно размышлять над какими-то вопросами, но, похоже, именно этим она и занималась.

Алин тихо слез с Ини и кашлянул. От неожиданности фея соскользнула с камня, и Алин ед-

ва успел подхватить ее, прежде чем она упала в воду. Теперь Нави сидела в ладони мальчика и молча моргала.

— Нави, — начал Алин, — Нави... Нави, я так волновался! Зачем ты так далеко улетела? Ты прости, если я тебя чем обидел, я не хотел. Пойми, мне действительно нравится Малон... — Алин осекся, но фея молчала, и он продолжил: Может быть, я даже влюблен в нее. Но я не забыл, что я кокир. Я помню, что я Избранный. А еще я помню... — он сделал паузу, — что если я все это забуду, мне напомнит моя замечательная фея. И что бы ни случилось, мы нужны друг другу и останемся вместе. Твой характер, мой характер... Разногласия бывают у всех. Но кокир и фея — единое целое. И я хочу, чтобы так было всегда.

Нави вдруг вскочила и обняла большой пальц Алина.

— Ты меня тоже прости, Алин, — затараторила она. — Мне так было плохо, как никогда! Мне было обидно и стыдно одновременно. От этих двух чувств сразу я чуть не лопнула. И совсем не могла понять, какое из них сильнее. Я улетела вчера сюда. Решила, что если ты вспомнишь о своей миссии, то рано или поздно сюда придешь и я буду тебе нужна. А если нет, буду здесь сидеть, пока мир не умрет, потому что я одна ничего исправить не могу. Алин! Я так мно-

го перечувствовала со вчера чувств, что теперь они все кончились. Теперь я не обижаюсь ни на тебя, ни на Малон. Давай мириться — и все!

Ини, тактично не вмешивавшаяся до сих пор в разговор, теперь заговорила:

— Это хорошо, ребята, что вы помирились, а то человек, у которого на сердце тяжело, весит в два раза больше обычного. Это я вам как лошадь говорю. Кстати, Нави, такой замечательной няньки, как ты, я еще не видела. Даже и не знаю, как Эпона переживет твое отсутствие. Тебе можно доверить любого ребенка, честное слово!

Нави зарделась от удовольствия. Она подлетела к Ини, обняла ее лоб и, забравшись на него, поинтересовалась:

— Ну что, Алин, теперь к царам? Ну-ка посмотри на камень, на котором я сидела. Только сотри с него мох, а то плохо видно.

Алин нагнулся, очистил мокрый камень от мха и склизких водорослей и увидел высеченную надпись: «Отразись в воде Хрустального водопада. И если ты Избранный, то воды расступятся перед тобой».

— Ну, я так понимаю, меня оставляют здесь, — высказалась Ини. — А вам счастливого пути.

Лошадь давно с аппетитом поглядывала на заливной луг чуть в стороне от воды. И теперь, получив разрешение, радостно направилась на него пастись.

А Алин, аккуратно ступая по камням, перешел речку и приблизился к водопаду так, чтобы увидеть свое отражение. Как только в зеркале текущих вод отразился кокир и огонек Нави, воды с шумом раздвинулись. Будто занавес огромного театра, они открыли Избранному вход в тоннель. Мальчик ступил под прохладный свод, а водопад за его спиной восстановил свое течение.

ГЛАВА 11

У цоров

Алин оказался в пещере, дно которой скрывали глубокие темные воды. Дорога, начавшаяся в тоннеле, переходила в каменный мост. Над водой красиво изгибались, соединяясь друг с другом, и другие узкие каменные мосты. С первого взгляда было сложно понять, чем является этот купол из каменных перемычек — украшением или средством переправы через скальные озера. Прохлада и шум текущей воды удивительно успокаивали. А серебристый свет, льющийся сверху, превращал пещеру в сказочно красивый дворец.

Нави залюбовалась своим отражением в воде и на сводах многочисленных мостов. Она стала вертеться, принимая разные позы, гримасничать, то приглушать свое свечение, то вновь вспыхивать — в общем, вела себя так, как и положено вести себя особе женского пола при виде множества своих очаровательных отражений.

— Нави, ты бы делом лучше занялась, а? — прервал занятие феи Алин. — Куда вот нам дальше идти? Посмотри, сколько здесь дорог в разные стороны. По какой из них можно попасть в королевские покои?

Нави, не прекращая строить глазки своему отражению, молча показала рукой в нужную сторону.

— Ну, когда наиграешься, догоняй, — сердито сказал Алин и, осторожно ступая по узкой полосе моста, двинулся в указанном направлении.

Миновав мост и еще один небольшой тоннель, мальчик оказался в королевских покоях. Они занимали огромную пещеру, тоже залитую водой, как и предыдущая, только здесь под потолком не было кружева каменных переходов. Каменных стен не было видно за сверкающими полотнищами водопадов. В центре возвышался трон из горного хрусталя. А к трону от входа вели редкие, обточенные в форме шестиугольных плит белые камни. Их поверхность лишь немногого выступала из воды, поэтому казалось, что каменные плиты плавают на водной глади, как листья кувшинки.

Алин прикинул расстояние, на котором находились друг от друга белые плиты. «Такое впечатление, что здесь никто не ходит по мостам, так узки и небезопасны эти сооружения. Но и

плитами явно никто не пользуется. Чтобы пройти по ним к королю, мне надо будет прыгать с одной на другую, — думал Алин, — и где мне приветствовать короля? Когда я допрыгаю до трона, король заметит меня, а я его еще не смогу поприветствовать, а отсюда он может меня не увидеть».

— Поздоровайся отсюда, — услышал мальчик шепот подоспевшей вовремя феи. — Цоры очень церемонные.

Кокир медленно сделал поклон в сторону возвышавшегося трона:

— Приветствую тебя, правитель скальных озер и прекрасных цоров. Я — Алин, Избранный. Пришел предложить тебе помочь в спасении твоей дочери, маленькой Руто.

Неожиданно для самого Алина его голос, отразившись множество раз от стен пещеры, звучал торжественно и мощно.

— Приветствую тебя, юный герой, — прозвучало в ответ, и Сетис, король водного народа, поднялся с трона.

Мальчик много слышал о цорах, об их неземной красоте и царственной стати. Но сейчас, увидев это своими глазами, Алин растерялся и замер.

— Ты можешь приблизиться, Избранный, — услышал Алин, — меж нами нет преград. Тот, кого пропускают воды Священного водопада, равен цорским королям.

Алин понял, что его нерешительность Сетис истолковал неверно. Мальчик большими прыжками быстро преодолел водное пространство, разделявшее его и правителя цоров.

Допрыгав по камням до трона, Алин вдруг заметил, что вокруг из воды поднялись десятки красивейших существ. Цоры пришли встретить чужестранца и принять его предложение помоши. Черные, как сливы, глаза цоров совсем не моргали, неотрывно глядя на кокира. Их белоснежные сильные тела, украшенные плавнико-выми выростами и россыпью бирюзовых пятен, чуть колыхались над поверхностью воды.

Король Сетис сделал в сторону Алина еще один неторопливый поклон. И все его подданные, как единый организм, повторили движение своего монарха.

— Алин, мы благодарны тебе за желание помочь нам, — начал Сетис. — Наша маленькая Руто так долго находится в подводном заточении, что мы потеряли всякую надежду увидеть ее живой. — Король отвел глаза в сторону, и его красивое лицо исказило неподдельное страдание. — Ее темница прикована к дну скального озера Тэнтэрос. И на цепь, удерживающую ее, наложено заклятие. Лишь музыка разрушит это страшное волшебство. Но какая музыка возможна в толще воды?

Кроме того, озеро Тэнтэрос населяют рыбы, чьим предводителем прежде был наш хранитель

Лорд Вабу-Вабу. Рыбы до сих пор не простили нам его ухода. А посему рассчитывать нам на их помошь не приходится.

Алин, мы сломлены произошедшим, мы отчаялись. Если ты сумеешь освободить Руто, ты станешь нам не просто другом. Ты станешь нашим братом. Ты и все поколения твоих детей будут самыми почетными гостями в нашем водном мире. Алин, спаси мою красавицу! — Голос короля задрожал, и было видно, каких усилий ему стоит не разрыдаться.

Для других народов нет ничего странного в том, чтобы проливать слезы, испытывать отчаяние и боль, попав в беду. Но цоры НИКОГДА не теряют душевной гармонии и равновесия. Они ко всему подходят неспешно и философски. Теперь же все они, похоже, находились на грани тяжелой депрессии. Не допускавшие прежде сильных переживаний цоры всегда оставались тверды и неуязвимы. Но рождение очаровательной Руто наполнило сердца водного народа неизведанными раньше чувствами — бесконечной любовью и беспредельной нежностью. И когда с маленькой принцессой случилась беда, боль страданий раздавила прекрасный народ.

— За моим троном начинается тоннель, ведущий к озеру Тэнтэрос, — вновь заговорил король. — Никто из нас не сможет последовать туда за тобой. Нам остается лишь ждать и надеяться, что рыбы поймут и простят нас, пропустят

тебя в свои воды и ты найдешь способ освободить мою дочь.

Алин попрощался, обошел хрустальный трон и двинулся по очередному тоннелю. Дорогу освещал лишь слабый свет феи. Но даже при этом освещении сразу стало заметно, что тоннелем пользовались гораздо реже, чем теми, что проходил Алин прежде.

Огромное озеро Тэнтэрос оказалось не совсем скальным. Фактически оно располагалось за пределами щорских скал. Тоннель вывел кокира на берег большого водоема, плотно окруженного со всех сторон горной грядой. Озеро переливалось в ярких лучах солнца. Ослепленный после полуночи пещер, мальчик чуть не наступил на маленькую рыбку. Нежно-розовое создание было на песке, пытаясь хоть кончиком хвоста дотянуться до воды. Алин поднял рыбку и аккуратно выпустил ее в воду. Не успела спасенная уйти в глубину, как озерная гладь вскипела и расступилась, выпуская что-то очень большое. Мальчик с удивлением и ужасом понял, что это была немыслимых размеров щука. Каждая чешуйка исполинской рыбины по размерам чуть-чуть уступала щиту Алина.

Щука открыла пасть и заговорила:

— Ты спас мою дочь. И за это я помогу тебе. По-видимому, ты пришел освободить принцессу Руто. Щоры считают, что нам непонятны

их родительские страдания, но это не так. Мы бы давно попытались помочь им, если бы они оставили свою гордыню и попросили нас о помощи.

Чары, наложенные на цепь, что держит темницу Руто, исчезнут от музыки. У тебя есть флейта фей. На ней необходимо сыграть мелодию воды. Много дней я размышляла, как донести звуки музыки до озерного дна. И сейчас я расскажу тебе, что пришло мне в голову. — Щука была явно очень довольна собой. — Ты должен нырнуть в воду. Все мои подданные выпустят в воде вокруг твоего тела по воздушному пузырьку. Слившись вместе, пузырьки превратятся в сферу, наполненную воздухом. В этой сфере ты под собственной тяжестью опустишься ко дну и сыграешь там мелодию воды. И когда цепь разрушится, Руто вместе с тобой всплынет на поверхность. Воздуха в образованном рыбами пузыре должно хватить... Наверное. Как тебе моя идея?

Идея щуки понравилась Алину, хотя ее неуверенность относительно количества воздуха для дыхания и вселяла беспокойство. Но других предложений для спасения Руто ни у кого не родилось, а значит, надо было рисковать.

Мальчик оставил на берегу свое оружие и разволновавшуюся Нави, набрал в легкие побольше воздуха и прыгнул в глубокие воды Тэнтэрос.

Как только Алин пошел ко дну, множество рыб со всех сторон окружили его. Сначала выпущенные ими воздушные пузырьки пробегали по телу мальчика, поднимаясь вверх, и он подумал, что все это похоже на попадание в чашку забродившего морса. Но уже через несколько секунд пузырьки слились, и Алин оказался внутри прозрачного шара. Очень хотелось выяснить, насколько надежны его стенки, но перед глазами возникла фея. Она качала головой, категорически возражая против таких экспериментов. И раз интуиция была против, мальчик подобрал под себя ноги, стараясь поменьше соприкасаться со стенками воздушной сферы.

Окружавший воздух вызывал легкое головокружение, но Алин старался дышать неглубоко. Шар медленно опускался вниз. Толща озерной воды становилась все темнее, а дна еще не было видно. Если бы, когда Алин собирался прыгать, Нави не так сильно разволновалась, она смогла бы рассказать, что озеро Тэнтэрэс -- самый глубокий водоем Аграмонта и о нем сложено множество страшных историй и легенд. Говорят, например, что его дно находится в центре земли. И что в этом озере водятся самые большие рыбы в мире. Или рассказывают, что в самой темной глубине озера живет доисторический змей Фрузан, способный проглотить корабль...

Сейчас фея сидела на рукоятке меча Алина и страшно переживала. Само по себе путешествие

кокира ко дну казалось ей преопаснейшим предприятием. Да и все слухи об ужасах озера Тэнтэрос разом вспомнились фее. И последнее, что мучило ее, это то, что она ни о чем не успела предупредить мальчика. Ведь опыт подсказывал, что слухи рождаются не на пустом месте и за ними может скрываться реальная угроза.

Алин наконец достиг цели своего путешествия. Пузырь проплыл мимо подводной темницы, где томилась крошка Руто, мимо цепи, приковывавшей ее ко дну, и опустился наконец на песок.

Мальчик уже немного задыхался. Он вытащил флейту фей, но тут куда более страшная опасность, чем нехватка воздуха, отвлекла его.

Пузырь качнулся. Взметнув песок, к прозрачной сфере приближалось что-то громадное. Сначала Алин увидел множество серебристых колец, перетекающих друг в друга. Их становилось все больше, и теперь они, без сомнений, напоминали тело змеи, подбирающейся к своей жертве. Страшно было и то, что головы это тело будто и не имело вовсе. Кольца двигались, меняли форму, складывались узорами. И наконец из тьмы появилась голова...

Это была даже не змеиная, а скорее драконья морда. Зеленую пасть, как борода, покрывала густая поросьль длинных выростов. Плоскую голову по бокам, как два щита, закрывали полу-прозрачные жаберные крышки. А из-под них кроваво-красной бахромой свисали и сами жаб-

ры. Светящиеся глаза с вертикальным зрачком смотрели на Алина холодно и зло. Они будто гипнотизировали, проникая своим светом в самую душу. Это был Фрузан. Змей раскрыл пасть, обнажив пять рядов острых, чуть загнутых внутрь зубов. Он явно хотел повнимательнее изучить то, что собирался съесть. И этим предметом изучения был Алин...

Окружавшая вода и нехватка воздуха заставляли все происходящее растягиваться как в замедленной съемке. Меч юного воина остался далеко на берегу. Да и сомнительно, что это чудовище возможно отогнать или победить...

Внезапно картина изменилась. Змей резко повернул голову в сторону и, развернув все петли тела, рывком поднялся над дном. Что же отвлекло древнего монстра? Алин заметил щуку. Она решительно плыла на змея, угрожающе разевая пасть. Размеры этих двух существ были вполне сравнимы. И змей явно понимал это.

Схватка между змеем и щукой продлилась недолго. Щука ударила Фрузана в бок, он нанес ответный удар. Щука быстро развернулась, и ее зубы сомкнулись на жаберной бахроме противника. Тот рванул в сторону, и вода потемнела от черной змеиной крови. Словно клубящийся дым, кровь заволакивала все вокруг, постепенно растворяясь.

Не дожидаясь, чем закончится битва гигантов, Алин поднес к губам флейту. Воды Тэнтэ-

рос наполнились нежными звуками мелодии воды. Сфера, защищавшая Алина, задрожала и... лопнула. Мальчика сжала толща вод. Перед глазами замелькали вспышки света, в ушах зазвенело. Последнее, что заметил Алин, — обломки огромной цепи, державшей темницу Руто. Гулко ударяясь друг о друга, они медленно опускались на дно. Цепь рассыпалась под звуками дудочки, отпуская на поверхность юную пленницу. Алин задыхался... Стало темно...

* * *

Алин открыл глаза. Над ним светило ласковое солнышко. Мокрая одежда прилипла к телу. Множество самых разнообразных голосов буквально оглушили мальчика. Голова еще гудела от пережитого удушья. Мальчик приподнялся на локте. Ему открылось чудесное зрелище: высунувшиеся из воды рыбы и стоящие на берегу цоры что-то с жаром обсуждали. Нави, заметившая, что Алин пришел в себя, подлетела к Сетису. Король радостно направился к Кокиру.

— Великий воин, добрый друг! Вы вернули мне дочь, вы вернули моему народу радость и покой, вы вернули двум соседям мир и единение! Вы достойнейший из Избранных, и мы хотим отдать вам нашу святыню, как завещали нам небесные феи. Ибо настали тяжелые времена, и пришел тот, кто принес в них свет и на-

дежду. И он соберет камни, вернет целостность разбитому и защитит Аграмонт! — Король цоров встал перед Алином на одно колено и протянул удивительно красивый синий камень в серебряной витой оправе.

Все цоры склонили перед Избранным головы, а рыбы, как цветной фейерверк, повыпрыгивали из воды. Только царствующая щука разумно воздержалась от такого проявления радости. Прыгни из воды она, и штормовая волна омыла бы вершины окружавших озеро скал.

Алин поднялся и с ответным поклоном принял Аквамарин цоров.

Нави, еле сдерживавшая свой восторг, чтобы не помешать церемонии дарения, наконец рванула вперед. В порыве радости она попыталась обнять Алина, но ее размеры не позволяли это сделать. И она буквально расплющилась на лице кокира, обняв его нос. От неожиданности мальчик скосил на фею глаза. Опомнившись, он аккуратно, взяв двумя пальцами Нави за крыльшки, оторвал ее от своего лица. Фея смущенно хихикнула. Все дружно рассмеялись.

Мальчика и фею пригласили на празднество, посвященное спасению маленькой Руто. И они согласились.

Пиршественный зал цоров располагался в самой большой скальной пещере. В отличие от остальных залов цорского царства здесь был пол, выложенный шестигранными белыми пли-

тами. Под высоким потолком висели разнообразные кристаллы горного хрусталя. И свет, попадавший в пещеру сквозь отверстия в скале, отражался от многочисленных хрустальных граней. Благодаря этому устройству пиршественный зал наполняли подвижные разноцветные блики. По всему периметру пещеры шел канал, заполненный водой так, что и многие рыбы смогли приплыть на праздничный прием.

В центре зала стоял длинный каменный стол. Все блюда для трапезы были приготовлены из даров моря. Глиняные миски с разнообразными водорослями, улитками, креветками, мидиями, кальмары и осьминоги, украшенные водными лилиями, практически скрывали поверхность стола. Рыбам тоже подали угощение: вдоль канала на равном расстоянии друг от друга были расставлены чаши с мелкими раками и водорослями, которыми питались гости с плавниками.

Поев, цоры стали танцевать вальс. Одни представители водного народа музиковали (инструментами для них служили различные раковины), другие пели, раскладывая мелодию на множество серебристых голосов, третьи танцевали, будто вырисовывая в воздухе затейливый орнамент. Сложные па дополняли звуки музыки. Цоры кланялись, поворачивались, менялись местами... Но особенно хороша была маленькая Руто. Наравне со взрослыми она танцевала в паре с отцом танец своего народа.

Цоры пели красивую песню о сотворении Аграмонта:

Упали с неба три звезды,
Чтоб воплотить свои мечты,
Чтоб подарить свои труды,
Чтобы создать свой мир.

Нитеро небо создала,
Земля Анидес ожила,
Сказав волшебные слова
Под звуки звездных лир.

А Даниада позвала
Своих фантазий существа,
И воссиял наш Аграмонт —
Согласья мир большой.

А в окончанье всех работ,
Собравшись в звездный хоровод,
Три силы вместе соберет
Трифорсе Золотой.

И страшный, темный час, когда
В наш Аграмонт придет беда,
Героя время изберет,
И он надежду даст.

И силой трех святых камней
Друзьям герой вернет друзей,
Изгонит боль прошедших дней
И вместе соберет.

И станет каждый с ним сильней,
Вода, и лес, и жар огней,
И зло прогонят в мир теней,
И воссияет Аграмонт!

Алин сидел на самом почетном месте. Изрядно объевшись пиршественными яствами, он с удовольствием наблюдал торжество и подпевал. Раньше мальчику не приходилось есть подобную пищу, и теперь, перепробовав все, он оценил местную кухню.

Нави, напротив, не смогла найти себе достойной замены цветочной пыльцы. Фея осмотрела осьминога, лежащего на блюде недалеко от нее. Ее вывод был однозначен — выглядит отвратительно и небезопасно, пахнет чем-то испорченным и похож на паука. Она доверительно сообщила мальчику, что пища цоров, конечно, съедобнее, чем у горонов, но есть ее можно только со страшной голодухи. Поэтому фея промостилась на краю тарелки Алина и тоскливо жевала длинный лист какой-то озерной водоросли. Единственное, что заинтересовало ее, — красивая раковина устрицы. Фея попросила Алина съесть ту гадость, что внутри, а красивую перламутровую раковину прихватить с собой. В ней по возращении Нави собиралась устроить свою постель.

Маленькая Руто весь вечер крутилась около своего спасителя. Она угождала его самыми вкусными блюдами, звала учиться танцевать цорский вальс и играла с ним в морское домино. В отличие от обычного на этом домино изображались только морские звезды, омары, рыбы, жемчу-

жины и ракушки. В конце праздника Руто подарила Алину шлем из морской раковины и нить речного жемчуга. Маленькая принцесса не забыла и про фею — ей презентовали крошечное зеркало из горного хрусталя.

Кокир очень устал, сильно объелся и слегка охрип, ведь цоры спели песню про Аграмонт аж четырнадцать раз. Фея по этому поводу сказала, что гороны и цоры прекрасно дополняли друг друга: одни бы бесконечно долго танцевали, пока другие столь же долго пели.

Когда праздник подошел к концу, Алин попросил цоров приглядеть за своей лошадью, Ини. Цоры заверили мальчика, что она не останется без компании и заботы. Но как же Алин доберется до Шелия-замка? Все понимали, что теперь, когда все священные камни Аграмонта находятся у Избранного, ему нельзя путешествовать одному. Не волновалась по этому поводу только фея. Уже некоторое время она сидела на краю тарелки Алина безучастная к всеобщему беспокойству и икала. Непривычная пища пошла ей не на пользу. Огонек Нави с каждым новым иком вспыхивал.

— Не вол-ик-нуйся, Алин, — попыталась высказаться она. — О том, что тебе... ик!.. нужно попасть к ик-Эльде незаметно, знаешь... ик!.. не только... ик!.. ты.

Не успела фея закончить эту фразу, как в пиршественном зале появилась Импа. Похоже, ее

здесь знали. Цоры уважительно поклонились хранительнице времени.

— Алин, я пришла за тобой, — сказала она. — Попрощайся со своими друзьями, и я отнесу тебя к Эльде. Гонандорф уже подозревает о твоих победах и постарается остановить тебя на подходах к замку.

Цоры, еще минуту назад шумные и веселые, резко замолчали. Все они как один во главе с королем Сетисом поклонились Алину. Они желали ему удачи и еще раз выразили ему свою благодарность. Нави, убедившись, что раковина устрицы не забыта, привычно скользнула Алину под шапку. Импа взяла кокира за руку. Поднялся ветер — и мальчик с хранительницей исчезли.

ГЛАВА 12

Любовь

Принцесса Эльда уже ожидала Алину в саду. Время от времени она с беспокойством оглядывалась — вдруг Гонандорф приставил своих стражников и к ее покоям. Увидев кокира и Импу, Эльда с облегчением вздохнула. Она кивнула няне, отпуская ее, и повела мальчика в тень деревьев. Отсюда просматривался весь сад, но самих Эльду и Алину надежно скрывали низкие густые ветви.

Отойдя в безопасное место, принцесса огляделась и прошептала:

— Ну вот и все. У нас есть флейта времени и три великих камня. Теперь нужно открыть вход в Священное царство, найти там Трифорсе и своими тремя желаниями спасти наш мир. Как ты помнишь, дворец хорошо охраняется. Поэтому выйти из него мы сможем только с помощью Импы. В шесть часов вечера, когда Ярмарочная площадь полна людьми, моя няня доставит нас в Цитадель Времени. Мы разложим камни

в углубления плиты, закрывающей вход. Я сыграю на своей флейте мелодию времени, и дверь откроется. Нам останется найти Трифорсе. Надеюсь, Гонандорф все еще разыскивает тебя у цорских скал. И мы все успеем, как ты считаешь?

Алин отломил веточку яблони и принялся чертить у себя под ногами план Шелия-замка. Две ромашки, олицетворявшие принцессу и кокира, легли в левый верхний угол. Мальчик сорвал колючий лист крапивы. А вот куда положить его? Смутное беспокойство не оставляло Алина. Он понимал, что Гонандорф не сидит на месте. Не будет же он терпеливо ждать, пока Избранный сам к нему придет! И раз принцесса ничего не знает о своем опекуне, это не повод сбрасывать его со счетов.

Эльда положила руку на плечо Алина:

— Мы можем только предполагать, откуда ударит зло. Но у нас мало времени. Или будем бояться и ждать, или действовать.

Знакомый порыв ветра взметнул пыль, и на месте нарисованной карты возникла Импа:

— Шесть часов, принцесса. Пора.

Через десять минут благодаря помои хранительницы ребята стояли на многолюдной площади. Смешавшись с народом, они незаметно прошли к саду, окружавшему Цитадель Времени. К счастью, ни на площади, ни в самом саду им не встретились охранники Гонандорфа.

Пройдя под сводом каменной постройки, Эльда, Алин и Нави оказались перед каменной плитой. Эта плита запечатывала врата в Священное царство. На серой поверхности искусный художник изобразил золотое солнце. В желтом круге были хорошо заметны три углубления разной формы.

Алин вытащил первый камень, Смарагд кокиров, и вставил его в соответствующее углубление. Раздался щелчок, над плитой появилось зеленоватое свечение, и она покрылась паутинкой мелких трещин. Вторым Алин вставил Опал горонов. Яркий огненный всполох на секунду вспыхнул над камнем, и появившиеся трещины стали значительно шире. Наконец кокир положил Аквамарин цоров в последнее углубление. Вокруг него выступила вода. Все три камня теперь покоились в золотом круге нарисованного солнца. Их трехцветье будто наполнило рисунок жизнью — солнце засветилось белым светом.

Эльда вытащила флейту времени.

— Теперь моя очередь, Алин, — тихо сказала она и приложила инструмент к губам.

Зал Цитадели Времени наполнили дивные звуки прекрасной музыки. Мелодия, передававшаяся в королевской семье из поколения в поколение, теперь звучала перед вратами в Священное царство. Тихий треск каменной плиты будто вторил музыке, его мощь нарастала с каж-

дой новой нотой. Плита начала мелко вибрировать, и...

Страшный грохот заглушил игру принцессы. Плита рассыпалась в пыль.

Взявшись за руки, дети вошли в открывшийся проход. Приветствуя гостей, на стенах вспыхнули факелы. Их веселый огонь быстро разогнал темноту и сырость коридора. Длинный ход заканчивался маленькой комнатой, похожей на привратницкую. Когда Эльда и Алин вошли в нее, то заметили древнего старца, сидящего в золотом кресле. Старец читал пожелтевшую книгу в кожаном переплете и будто кого-то ждал.

Странный привратник оторвал взгляд от книги и посмотрел на Эльду. В его взгляде были интерес и тепло, как при встрече доброго друга. Отложив книгу, старик встал и направился к девочке, чтобы обнять ее. Но принцесса испуганно отшатнулась от незнакомца. Кокир, заподозрив угрозу, вытащил из ножен меч и принял боевую стойку.

Старец поднял руку, останавливая мальчи-ка, и произнес мягким, немного дрожащим го-лосом:

— Остановись, Избранный, я не хочу вам зла. Я — советник короля. — Потом он вновь взглянулся на принцессу: — О моя Эльда! Ведь именно я дал тебе это имя, девочка. Именно я. Я — советник и летописец самого Конталиана Дено-ка. Он оставил меня здесь, чтобы каждый, кто

хочет войти сюда, сперва выдержал мой экзамен. А феи дали мне бессмертие, чтобы я был здесь всегда. Я знаю, милая девочка, что ты пройдешь мой экзамен. Но твой прадед требовал соблюдать этот ритуал. А посему слушай шесть моих вопросов. Первый — почему Трифорсе является королевским знаком?

Эльда знала историю своей семьи наизусть. С пяти лет няня Импа заставляла ее зубрить имена предков и подробности их жизни. Маленькая принцесса не понимала, зачем учить наизусть то, что можно всегда прочитать в летописях, но никогда не спорила. И вот теперь все эти знания пригодились.

— Золотая Трифорсе дает силу сохранять наше царство мира Аграмонт. Хранителями этой силы издревле является королевская семья. Мой прадед, король Конталиан Денок, построил Цитадель Времени для охраны Трифорсе. С тех времен Трифорсе хранит Аграмонт, а мы храним Трифорсе, являющуюся со временем моего прадеда королевским знаком, — без запинки отчеканила принцесса.

— Хорошо, — кивнул старец. — Второй вопрос: где находится королевское кладбище и в чем его страшная особенность?

Вопрос был неприятным и болезненным, но Эльда лишь сдвинула брови и быстро ответила:

— Кладбище находится в Кокарико. И последнее поколение умерших, мои родители, по-

гибло при невыясненных обстоятельствах. А потому за их смерть никто не наказан. И считается, что они... — принцесса запнулась, подбирая слова, — что их души... не ушли совсем из этой жизни и живут сейчас в королевской усыпальнице.

Привратник снова удовлетворенно кивнул.

— А вот мой третий вопрос, — сказал он. — Кто из твоей семьи не нашел своего покоя в Кокарико?

— Брат моего отца, Нураг, — был скорый ответ.

— Четвертый вопрос, — объявил старец. — Что гласит надпись на каменной плите в Цитадели Времени?

Принцесса улыбнулась, вспомнив, что теперь каменной плиты уже нет и, соответственно, она ничего гласить не может, но спорить не стала:

— На ней было написано на древнеаграмонтском следующее: «Тот, кто выбран судьбой, привнесший священные камни в обитель, верни основы в золотой круг света под мелодию времени, рожденную флейтой из королевской семьи».

Старец был явно доволен услышанными ответами.

— Продолжи предсказание, юная принцесса: «Когда с запада придет человек, смешавший в себе...»

— «...огненный зной цыганской души и великую кровь власти, Аграмонт накроют темные ту-

чи и судьба его будет в опасности», — закончила Эльда.

Старец встал, выпрямился, всем своим видом показывая приближение к финалу процедуры:

— Последний, шестой вопрос, девочка... Знаешь ли ты, что означает это предсказание?

На этот раз скорого ответа не последовало. Эльда могла бы высказать свое предположение, но точного объяснения она не знала. Кроме того, она очень мало знала о далеком колдовском народе цыган, живущих в страшной крепости на окраине Аграмонта. А именно их «огненный зной души» упоминался в этом предсказании.

Старец, как ни странно, совсем не удивился, снова кивнул, сел в кресло и начал рассказ:

— Когда-то давно, когда небо Аграмонта было светлым и ясным, пришло время выбирать на трон нового правителя. Умерший король оставил двух сыновей — Нурала и Мэrona Лиз. Нурад был старшим братом, и корона полагалась ему. Но он с детства был легкомысленным и веселым человеком, которого тяготили науки и душные царские одежды. Мальчик вечно сбегал с уроков и отправлялся путешествовать. То его вылавливали из реки, где он на самодельном плоту ловил рыбу, то из ближайшего леса, где он жег костер перед убогим шалашом. Нурад не умел и не желал жить по правилам. А уж кем-то управлять — это он мечтал переложить на кого угодно.

По счастью, второй сын, Мэрон Лиз, с юных лет стремился к наукам. Уравновешенный и умный мальчик, Мэрон рано выучил все известные в Аграмонте языки, историю и традиции всех населявших страну народов. Он интересовался вопросами торговли, фермерского хозяйства и охраны страны. Где можно было найти более мудрого и образованного правителя? Да и Нураг видел, что его брат прирожденный король, и потому с легким сердцем отказался от трона в пользу младшего королевича. Отказался, чтобы путешествовать и не нести ответственности ни за что и ни за кого.

Однажды, когда очередное странствие привело его к стенам крепости Герудо, он встретил удивительную красавицу. Черноглазая цыганка с огненно-рыжими волосами пленила сердце юного королевича. Молодых повенчали согласно цыганским обычаям.

Красавица Гандира, избранница Нурага, оказалась могущественной колдуньей. Быстро смутив, что сулит ей такой брак, она околдовала молодого человека. Волшебные зелья и заклинания привязали непоседливого Нурага к крепости Герудо и к жене. А Гандира шаг за шагом воплощала свой план. Она возжелала захватить престол Аграмонта, усадив на него своего сына.

В те времена у короля Мэрона уже была маленькая дочь. Значит, цыганке надо было не только поскорее родить мальчика, но и поме-

шать оставить наследника правящему королю Мэрону. Через девять месяцев у Нурала и Гандиры появился рыжеволосый младенец. Мать использовала всю свою волшебную силу для обучения сына. Ребенок рос злым и необщительным. Единственным человеком, которого он боялся, была мать.

Но Гандира тратила свои силы не только на воспитание мальчика. Сначала она послала письмо королю Мэрону, где написала, что его брат пленен и его готовы отдать за большой выкуп, если король без отряда охраны явится на место встречи. Правителю разрешилось взять с собой только троих-четверых сопровождающих. В случае, если содержание письма станет известно кому-то, кроме короля, его брата Нурала угрожали убить.

Разумеется, король, не раздумывая и не предупредив никого о происходящем, отправился на встречу. Но Гандира не собиралась вести с ним переговоры. Отравив стрелы страшным ядом, Гандира и ее братья убили Мэрона и немногочисленных верных воинов, которых он взял с собой. Никто из несчастных даже не успел понять, что происходит.

Чуть позже Гандира под видом бродячей торговки пробралась в Шелия-замок. Королева-вдова так плакала много дней подряд, что медики опасались за ее здоровье. И молодой огневолосой красавице не составило труда убедить одного

из них, что любую женщину выведут из уныния диковинные товары: ароматические масла, красивые украшения, ленты и тончайшие кружева. Гандиру допустили в покой королевы. И колдунья сделала все, чтобы успокоить несчастную женщину, добиться ее симпатии и доверия, а потом отравила ее заморскими сладостями, которые специально принесла с собой.

Итак, маленькая принцесса осталась сиротой. Убийц ее родителей не только не поймали, но даже не знали, где искать. Однако Гонандорф слишком юн, чтобы оспаривать трон. И тогда колдунья Гандира вновь берется за древнюю магию. Она варит зелье, которое за три дня отнимает у сына двадцать непрожитых лет. Страшная цена за жажду власти. Но Гандира убеждена, что власть дороже всех радостей жизни. Теперь ее мальчик — сильный, умный и злой мужчина, владеющий в совершенстве всей магической премудростью древнего народа. Теперь он — Гонандорф Аратеро, будущий правитель Аграмонта!

Однако сын Гандиры жаждал не только захватить власть. Он хотел прожить свою непрожитую юность, он хотел несметных богатств и вечной жизни. Что могло помочь ему исполнить эти желания? Конечно, сила трех небесных фей — Золотая Трифорсе. Но чтобы получить ее, Гонандорф должен был не уничтожить юную принцессу, заняв вместо нее трон, а стать ей самым

близким человеком, ее мужем. И тогда флейта времени, открывавшая проход к Трифорсе, попала бы в руки сына Гандиры.

То, что принцесса приходилась ему двоюродной сестрой, нимало не смущало Гонандорфа. Единственное, что заставило его поломать голову, — сбор священных камней у народов-хранителей. Как выманить камни у тех, кто никогда не поверит и не доверится злобному человеку? Да и об Избранных Гонандорф знал. Он знал, что любое зло в Аграмонте вызовет появление Избранного в народе кокиров. И, получив истинные знания от хранителя, кокир помешает злу одержать верх.

Хитроумный план Гонандорфа родился в бессонных ночных в башнях крепости Герудо. Кокиров необходимо лишить хранителя знаний, Деку-дерева, чтобы никто не подготовил Избранного к борьбе; горонов же и цоров нужно довести до столь плачевного состояния, что ради избавления от своих бед они будут готовы отдать самое ценное — камни. Кроме того, Гонандорф задумал стать опекуном и будущим мужем юной принцессы.

Гандира была против замыслов сына. Его потаенные желания ничуть ее не волновали. В конце концов, она родила его лишь для того, чтобы самой заполучить власть через его посредство. И теперь не желала ждать неизвестно сколько, пока ее отпрыск будет пытаться добраться до

Трифорсе. Жаркаяссора закончилась просто — Гонандорф убил Гандиру, как только понял, что она лишь использует его. Колдунья сама попала в яму, которую выкопала для других. Теперь ничто не мешало злобному властолюбцу править миром...

Рассказ привратника потряс Эльду. Все разрозненные факты, смутные подозрения и чувства теперь превратились в страшную правдивую историю, продолжение которой она прекрасно знала. В широко распахнутых глазах девушки застыл ужас. Рядом с ней все это время был человек, разрушивший ее счастье, отобравший ее близких, чтобы овладеть миром!

Алин тронул принцессу за руку, и Эльда будто очнулась от сна.

— Не волнуйся, Алин, я уже взяла себя в руки. Все в порядке. Я не дам этому чудовищу разрушить Аграмонт, как он разрушил мою жизнь. — Она обратилась к старцу: — Провидец! Веди нас в Хрустальный зал. Мы должны остановить зло!

В Священном подземелье

Летописец проводил Эльду и Алина до красивой хрустальной двери с золотой ручкой. Там он поцеловал принцессу в лоб, точно так, как делал это ее отец, и попрощался:

— Здесь я оставлю тебя, девочка. Все, что я должен был тебе рассказать, я рассказал. Теперь я останусь тут, чтобы выполнить свою последнюю миссию. Удачи вам!

Друзья открыли дверь и вошли в огромное подземелье. Едва они ступили на мраморный пол, как вдруг, будто повинуясь воле кого-то невидимого, на стенах вспыхнули факелы. Подземелье осветилось. Это был фантастически большой зал, напоминающий по форме колокол: от круга мраморного пола поднимались стены, плавно сходящиеся высоко вверху. Дальнюю сторону зала скрывала вода.

Вода напоминала чернильную кляксу. Какая глубина у этого водоема — предположить было

сложно. Он мог быть как лужей, так и пещерным озерцом. Но идти проверять эти версии желающих не нашлось.

Зал оказался пустым, если не считать стоящего у ближайшей стены старинного сундука. Красивая резьба и кованые детали украшали ларец. Эльда подбежала к сундуку и откинула его крышку — та подалась легко и беззвучно. Принцесса отшатнулась — в сундуке с тихим скрежетом и писком шевелились сотни пауков и крыс. Эта картина вызывала большие отвращение, чем страх. Зачем эта мерзость находилась здесь?

Эльда спешно захлопнула крышку. Тут она заметила надпись, вырезанную древним мастером поверх цветочного орнамента, украшавшего сундук: «Здесь пленено и заперто зло нашего времени. Конталиан Денок». Ах вот в чем дело! Значит, этот ларь держит в себе разнообразное зло, собранное и лишенное сил в самые первые дни Аграмонта!

Принцесса осмотрелась. С одной стороны зала в стене был небольшой проем. Алин ловко протиснулся в него и помог Эльде. Они оказались в небольшом хрустальном помещении. Стены его украшало бесчисленное множество рисунков, выполненных удивительно подробно и тщательно. Поверхность была настолько испещрена ими, что колеблющийся свет единствен-

ного факела, горевшего в этой комнате, делал картины подвижными.

Посередине помещения стояла каменная плита с Золотой Трифорс. Судьба Аграмонта переливалась, отражая огненные сплохи. Но внимание пришедших привлек другой предмет. Это была хрустальная пластина с золотыми буквами, стоявшая прямо за плитой с Трифорс. Надпись на ней частично истерлась и осыпалась, а то, что сохранилось, гласило: «Три стихии породят четвертую, как три камня станут одним. Три силы сольются, став непобедимы, и в то мгновение вновь роди...» Дальше ничего не читалось.

Алин трижды перечитывал надпись, предполагая варианты ее окончания. Трижды Эльда ощупывала плиту, стараясь по следам букв определить дальнейший смысл. А Нави вышагивала, заложив руки за спину, около Трифорс и вспоминала все известные притчи, истории и предания народов Аграмонта, которые могли пролить свет на окончание текста.

Друзья не сдавались и не отчаявались. Наконец фея озвучила свои размышления:

— Три стихии — это стихии священных камней, это очевидно, то есть огонь, вода и земля. Камней всего три, а стихий, как известно, четыре. Значит, сложив три имеющихся камня, мы должны получить ту стихию, которой пока нет, — воздух. Наверное, в результате соединения трех

камней родится четвертый камень — камень воздуха, обладающий какой-то сверхсилой. По крайней мере, я так считаю.

— Очень похоже на правду. Вполне может быть, что именно так надпись и заканчивается, — согласилась Эльда. — Выходит, мы должны вернуться в Цитадель Времени, подобрать камни и принести их сюда? Знать бы заранее, не пришлось бы возвращаться... Теперь будем предусмотрительнее. — С этими словами Эльда взяла Золотую Трифорс и спрятала ее в складках своей одежды.

Фея, довольная своими логическими изысканиями, вылетела в стенной проем. Оживленно болтая, друзья последовали за ней. И Эльда, и Алин, забыв свои недавние страхи, теперь шумно обсуждали предстоящие действия. Эльда воодушевленно размахивала руками, строя картины светлого будущего. Она так увлеклась этим, что случайно ступила в воду. То, что издалека казалось чернильной лужей, на самом деле было неглубоким холодным озерцом. В туфельку принцессы залилась вода. Вскрикнув от неожиданности, Эльда схватила Алина за плечо. Но испугали девушку не промокшие ноги. В озере плавали крошечные чуры с обоюдоострыми белоснежными зубами. Одна маленькая змейка впилась клыками в ногу принцессы, как пиявка. Несчастная Эльда, крича и подпрыгивая, мотала ногой и пыталась ухватить чуру за хвост,

но пальцы соскальзывали с гладкой, мокрой кожи змейки.

То ли устав от беспрестанной тряски, то ли напившись крови, чура оскалила зубы, отпустила хватку и нырнула в воду. Победа явно осталась за ней. И ее прощальный оскал неприятно напоминал усмешку.

Эльда от всего произошедшего начисто потеряла грацию королевской особы. Она отскочила подальше от озера, уселась прямо на пол подземелья, сняла туфельку и крепко обняла свою ногу. Со стороны могло показаться, что девушка обнимает любимого родственника, давно не приезжавшего в гости. Она гладила свою пострадавшую ногу и успокаивала ее, как малое дитя:

— Ну, ничего-ничего, моя хорошая. Все пройдет, все заживет. У нас снова все будет хорошо. И никто больше не посмеет нас обидеть!

Алин, ошарашенный поведением Эльды, стоял рядом. Он смотрел на происходящее, вытаскив глаза. Укус чуры был менее болезненным, чем укус пчелы. Но, глядя на Эльду, можно было подумать, что ей только что чуть не отгрызли ногу. Принцесса сейчас напоминала буйнопомешанного больного, никак не меньше. Когда первое потрясение прошло, мальчик еле сдерживал смех.

Причитающая девушка наконец заметила кокира. Поняв, как смешно ее поведение, она смутилась и отпустила ногу. Потом обиделась и де-

монстративно надула щеки. Это стало последней сценой спектакля. Алин не выдержал, и... пещеру наполнил безудержный хохот мальчика.

Смех чудовищным эхом отражался от стен. Ребята даже как-то съежились от этих звуков. Голос Алина — звонкий мальчишеский голос, отразившись от пещерного свода, гремел низко и недобро. В пещере, где еще минуту назад было уютно и радостно, сразу стало тревожно и небезопасно. Неизвестно откуда взялся ледяной ветер. Будто дыхание злого великаны, он задул сразу несколько факелов, гореть остались только три. Их пламя тревожно плясало, отражаясь на потемневших стенах.

Эльда вскочила на ноги и крепко схватила Алина за руку. Кокир напряженно всматривался в темноту, сжимая рукоять меча. Мальчик давно перестал смеяться, а ужасающее громкий хохот продолжал сотрясать зал. Фея скользнула кокиру под шапку...

Вдруг все стихло. И в этой тишине ощущение опасности стало гораздо острее. Внезапно принцесса побледнела. Ее губы беззвучно за двигались. Огромные синие глаза Эльды наполнились ужасом и уставились в одну точку за спиной Алина. Девушка стала медленно отступать назад.

— Эльда! — Алин обеспокоенно посмотрел на подругу. — Эльда! Ты слышишь меня?! Что с тобой?!

Он помахал перед лицом девушки рукой, потом попытался потрясти ее за плечи. Но принцесса лишь перевела взгляд на Алину и прошептала:

— Он нашел нас...

Алин резко обернулся.

Зловещая фигура появилась из темноты. Гонандорф Аратеро сделал шаг вперед, в освещенный круг на полу. Сложив руки на груди и ухмыляясь, он наблюдал испуг девушки. Черные как смоль доспехи чуть прикрывал кроваво-красный плащ, шитый по краю золотой нитью. На поясе поблескивал тяжелый меч из черной стали. Его эфес в виде нападающей кобры украшали два крупных сапфира.

Желтые глаза опекуна светились ехидным торжеством.

— Принцесса! — Он издевательски поклонился. — Я рад вас видеть! Какими судьбами здесь? Гуляете? Я почему-то не вижу пышной процессии, сопровождающей наследницу королевского престола. А где же многочисленная охрана, призванная защищать принцессу от негодяев? А-а! Глупая девчонка сбежала из дворца, никого не предупредив? И значит, никто не знает о твоем побеге? Ну конечно, кроме меня. — Он захохотал. — Фу, принцесса! Как вам не стыдно? В компании какого-то мальчишки, ай-ай-ай! Как недостойно! Этот маленький бандит может убить вас! Но я постараюсь спасти

нашу красавицу. Правда, чуть-чуть опоздаю. Зато успею убить это лесное ничтожество, укравшее у страны будущую правительницу! — Гонандорф опять разразился страшным смехом.

Эльда встала за спину Алина и пробормотала:

— Давай, Алин, вспомни, что ты Избранный! Покажи ему, где чуры зимуют!

Кокир расправил плечи и обнажил меч.

Опекун принцессы перестал смеяться. Он бросил презрительный взгляд на мальчика и скрипился:

— Не обманывают ли меня мои глаза? Не подводят ли меня мои уши? Мне, кажется, предлагается сражаться с этим жалким юнцом? Мне, Гонандорфу Аратеро, предлагается пачкать свой меч об этого зеленого лесного жука?! Это что, и есть великий защитник Аграмонта? Да с ним легко справятся мои подданные — Арамбредо-о!

Гонандорф развел руки в стороны, закрыл глаза и что-то тихо зашептал.

Старинный сундук, стоявший, как и прежде, у стены, затрясся. Сквозь его щели стал пробиваться красный свет. Опекун принцессы открыл глаза и еще раз повторил:

— Арамбредо!

Сундук затрясся сильнее и через секунду разлетелся на мелкие щепки. На том месте, где он стоял, шевелилась отвратительная масса черных пауков и серых крыс. Пол подземелья продолжал мелко дрожать, будто начиналось земле-

трясение. А тем временем мерзкие существа, освобожденные из заточения, стремительно увеличивались в размерах. Те ужасные монстры, в которых они превращались, могли сковать ужасом любое существо.

Колдовство Гонандорфа вызвало к жизни и других, не менее страшных созданий. Вскипевшая вода маленького подземного озерца выпускала на сушу гигантских алых змей. В слабом свете оставшихся факелов сверкали два ряда обоюдоострых зубов. Алин с трудом узнал в ползучих гадах мелких безобидных чур, утолявших свой голод жуками и мелкими рыбками.

Наступавшие крысы вырастали до размеров крупных собак. Пауки уступали им по величине совсем немного.

Многоликая, скрежещущая тьма надвигалась на Алина со всех сторон. Понимая свое бессилие перед этим страшным войском, кокир принял решение биться до конца — истреблять чудовищ до тех пор, пока сможет удерживать в руках меч. В этот момент его сердце наполнилось удивительным светом. В руках появилась неведомая прежде сила. Избранный выпрямился, готовый принять этот последний бой...

Неожиданно на плечо мальчика легла дружеская рука. Алин обернулся. Неизвестно откуда за его спиной появились прекрасные воины воды. А дружеская рука принадлежала королю Сетису.

— Алин, мы пришли, чтобы быть в этой битве с тобой! Ты заставил нас вспомнить, что наш мир — это не только пещерные озера. Наш мир — Аграмонт. И мы будем биться за него!

— Точно сказано! Мы тоже поняли это!

Алин повернул голову на этот голос и увидел, как от стены отделяются десятки воинов огня.

— Прости, что так долго медлили, — произнес Даруния.

Едва Алин пришел в себя от удивления, как с другой стороны зазвучал третий голос:

— Прости, что всегда недооценивал тебя. Наверное, я просто завидовал твоей избранности. Но то, что ты преодолел за это время, что сделал для других, — огромный труд и мужество. — Это был Мидо.

Позади него стояли кокиры. Вооруженные пращами и рогатками, они проходили в пещеру через хрустальную дверь. Среди зеленых одежд кокиров пестрели и лиственные наряды детей леса. Над головами входивших кружили мириады разноцветных фей. Из подземного озера внезапно взметнулся гейзер, постепенно приобретая форму коня. Белоснежный мустанг Маруэл, разбрзгивая с гривы воду, с громким ржанием выходил на поле боя.

Сердце Алина радостно забилось. Нет, это не оттого, что теперь он сможет выжить в битве. Сердце билось радостью, потому что разобщенные прежде народы соединились. Они при-

шли, готовые защищать свою страну, погибая рядом друг с другом. Эльда вытирала слезы. Вот он — великий час слияния всех сил и стихий!

Увидев множество воинов на стороне юного кокира, Гонандорф был потрясен не меньше Алина. Он понимал, что его план сорван, теперь ему не удастся тихо расправиться с мальчишкой и принцессой и биться за власть придется по-настоящему. Быстро овладев собой, Гонандорф поднял меч, призывая к вниманию свое войско.

Алин тоже вышел вперед своего войска и взглянул в глаза врагу. Тот злобно оскалобился, сверкнул глазами и проревел:

— В БОЙ!!!

Последняя битва

Тьма и Свет сошлись в подземном зале. Две силы столкнулись в противоборстве. Глубоко под землей, на которой обыденно сутились ничего не подозревавшие люди, решалась судьба Аграмонта.

Войско Алина разделилось на несколько отрядов. Цоры взяли на себя пауков. Сетис и его воины беспощадно рубили мечами многоногих чудовищ. Несколько самых сильных цоров окружили Эльду и защищали ее от нападений монстров.

Принцесса не была воином по рождению и воспитанию. Ее няня учила воспитанницу всему, кроме боевых искусств. Истинная наследница королевской крови должна быть женственна и беззащитна, считала Импа. Теперь такое воспитание сыграло с Эльдой злую шутку. Вздрагивая всем телом от лязга металла, криков, шипения и стонов, девушка мечтала любой ценой убраться подальше с поля боя. Ее характер и

смелость давали ей силы противостоять влиянию Гонандорфа, но настоящую битву, где правят бал кровь, боль и смерть, она едва могла вынести.

Эльда понимала, что опекун только и ждет возможности убить ее, став единственным наследником трона по крови. И окажись она вдалеке от защитников, его уже никто не остановит. Кроме того, вокруг нее бились сотни существ. В пылу борьбы она могла быть ранена или даже убита по случайности, если бы рискнула отправиться к выходу. Поэтому Эльда стояла, из последних сил перебарывая свой ужас. Она сжимала кулаки и старалась, чтобы никто не заметил ее растерянности и страха. Она не должна потерять лицо!

Даруния, подмигнув юному воину, повел свой народ к извивающимся змеям. Гороны складывались, превращаясь в огромные валуны, и давили чур. Равнодушные к укусам жители вулкана раскатывали змей по мраморному полу, как цветные ленты. Другие гороны, разбежавшись, сталкивались головами, и вспыхивавшее до потолка пламя сжигало испуганных змей прежде, чем те успевали уползти.

Кокиры и дети леса под предводительством Мидо и Нилока, а также феи, ведомые Нави, уничтожали крыс.

В какой-то момент огромный паук отделился от своих собратьев и двинулся к кокирам. Он,

вероятно, решил, что эти дети не такие сильные противники, как взрослые цоры. Но он жестоко ошибся...

Феи, заметив надвигавшегося врага, мгновенно слетелись, образовав огромный радужный шар. Шар стал медленно опускаться перед пауком. Кокиры и дети леса как по команде закрыли руками глаза. Радужный шар быстро становился белым... еще белее... еще ярче... и еще через полсекунды яркая вспышка света ослепила врага. Паук пошатнулся, потеряв ориентацию, и попятился.

Этого момента и ждали лесные стрелки. Феи разлетелись в разные стороны, напоминая маленький фейерверк, и вперед выступили воины леса. Мидо и Нилок переглянулись, подмигнули друг другу и скомандовали:

— Готовься! Заряжай! Пли!

Град крупных камней обрушился на паука. Разозленный, ослепленный монстр заметался из стороны в сторону, натыкаясь на стены, сбивая с ног крыс. Мечущийся паук внес замешательство не только в ряды своих многоногих собратьев, но и в ряды светлого воинства. В этот момент все прекратили сражение, стараясь вовремя отскочить от обезумевшего чудовища. Даруния был единственным, кто наблюдал происходящее с олимпийским спокойствием. Сложив руки на могучей груди, он невозмутимо ждал, когда ослепленный монстр приблизится к нему.

Лишенный зрения враг, перемяв своих собратьев, множество раз стукнувшись о стену, наконец вывалился к королю горонов. И тогда великий воин огня разомкнул руки и со всей силы ударил громадным кулачищем по паучьему брюху... Удар был смертелен. Паук как-то резко весь сдулся и рухнул к ногам победителя.

— Вот и славненько, — констатировал Даруния. — Отлично сработали! — подытожил король огня, обернувшись к феям и воинам леса.

Одна из змей, воспользовавшись моментом, молниеносно подползла к королю горонов, встала на хвост и, раскачиваясь, обнажила клыки со стекающим ядом. Глупая тварь, уже погубившая своими укусами нескольких цоров, не замечала разницы. Ведь прокусить тело горона было просто невозможно, все бы закончилось сломанными зубами. Но Даруния не дал нападавшей расширить свои познания. Не удостоив змею и взглядом, король резко протянул руку, и каменные пальцы сжали безногое тело. Змея дернулась и, удушенная, повисла веревкой.

После смерти паука бой продолжился снова, а потому не многие видели бесславную гибель змеи. Но те, кто все же стал свидетелем очередной красивой победы короля горонов, посмотрели с восхищением в сторону гиганта. Представители вражеского войска не стремились более тягаться с Дарунией и старались нападать на кого-нибудь другого.

Где же в это время находился наш Избранный? Алин старался успеть везде. Если он замечал, что полчища крыс теснят прекрасных воинов воды, он кидался им на помощь, чтобы плечом к плечу сражаться против серых хищников. И вскоре цоры начинали брать верх, но рядом воины леса едва сдерживали натиск пауков, и Алин вставал в ряды зеленых отрядов. Мальчик беспощадно рубил пауков, змей и крыс.

Но в этом яростном бою он искал главного своего врага — Гонандорфа Аратеро. Опекун Эльды ловко избегал прямого поединка с юным героем. Злодей явно надеялся, что Избранный растратит силы на других противников и вот тогда Гонандорф, взрослый мужчина, хорошо владеющий мечом и впитавший черные силы древней магии, легко расправится с жалким, вымотанным мальчишкой.

Однако Алин, как ни странно, с каждой минутой становился все сильнее. Его наполняли свет, вера друзей в его силу и энергия Священного подземелья. Об этой энергии не было написано ни в одной хронике Аграмонта, а потому Гонандорф не мог прочитать о ней. Эту силу подземелье накопило за долгие времена, пока скрывало в себе Трифорсе. Мощь Трифорсе, светлое волшебство звездных фей лучилось теперь из каждого камня стен и пола. И никто, даже такой сильный колдун, как опекун Эльды, не был в состоянии разрушить его.

В какой-то момент Гонандорф попытался воодушевить своих отступающих воинов и для этого наконец решился сразиться с Алином. Кокир, заметив приближавшегося врага, на минуту засомневался в своих силах. Что говорить, он был всего лишь подростком, принявшим первый серьезный бой. «Сколько у меня шансов справиться с Аратеро?» — думал он.

— Ты великий Избранный, — вдруг услышал Алин прямо над своим ухом голос Сетиса. — Своей силой духа ты пробудил во всех нас мужество, и мы пришли сюда, каждый — по зову сердца. А Гонандорф призвал своих монстров лишь силой колдовства. Он слаб и жалок, потому что его душа давно сгорела в зависти и алчности. Ты справишься с ним, Алин. Ведь ты — это сила Аграмонта!

Едва успев договорить, Сетис кинулся отбивать очередную атаку крыс.

Алин и Гонандорф встали друг против друга. Как-то сам собой вокруг них расчистился круг. Два соперника стояли молча, глаза в глаза. В одних, холодных и желтых, отражалась бездонная тьма. В других, пронзительно-голубых, лучился свет чистого ясного дня. Наконец злодей слегка поклонился сопернику, Алин ответил, и решающий поединок начался. Засверкали мечи, рассекая воздух. Выпады Аратеро были хитры и коварны, отражения Алина — точ-

ны и решительны. Мальчик уходил от атак и тут же нападал сам, тесня колдуна к стене.

Тем временем общее сражение подходило к концу. Монстры Гонандорфа один за другим падали на каменный пол, истекая черной кровью. Одолев змеиное воинство, Даруния и его народ грозно двинулись к месту главного поединка. Перешагивая через передавленных и обожженных змей, воины огня медленно приближались к Алину и Гонандорфу.

Переступая через ноги мертвых пауков, туда же подходили воины леса со своими феями. Сильно поредевшие ряды цоров (им досталось от крыс сильнее всего) также подтягивались к месту последнего сражения. Гонандорф краем глаза заметил, что его войска побеждены, за нервничал и допустил ошибку. Его черный меч с искрами воткнулся в узкую щель между каменными плитами стены. Алин немедленно воспользовался этим и, ранив врага, заставил его выпустить из рук застрявшее оружие.

Раненый Аратеро со стоном осел на пол, но вдруг неожиданно для всех вскочил на ноги. В последний раз злобно взглянув на Алина, он побежал к хрустальной двери. Гонандорф выбрал самый верный путь для отступления. Цоров после боя осталось значительно меньше, чем других воинов Аграмонта. Подданные Сетиса своими телами и оружием закрывали принцес-

су Эльду, а уничтожить ее жаждали практически все чудовища. Многие из цоров были теперь тяжело ранены и еле стояли на ногах. Кольцо, сжимавшееся вокруг опекуна принцессы, имело самое слабое место именно в рядах воинов воды.

Быстро вычислив это, Гонандорф устремился к двери, расталкивая немногочисленных цоров. Но сам король Сетис, несмотря на полученные раны, твердо стоял как раз на пути колдуна. Благородство великого цора не позволяло нападать с мечом на злодея, ведь тот был безоружен. И Сетис попытался остановить Аратеро в рукопашном бою.

Две фигуры сплелись, как две противоположности — серебристо-белая и угольно-черная. Гонандорф стал медленно опускаться на колени под силой мраморных рук короля воды. Но благородство Сетиса погубило его. Уже почти побежденный, Аратеро молниеносно вытащил из-за пояса кинжал и вонзил его в грудь противника. Удар был смертельным, и железная хватка Сетиса разжалась. Гонандорф не замедлил этим воспользоваться и выскоцилзнул на свободу.

Король медленно опустился на холодные плиты. Молочно-белая кровь прекрасного цора быстро окрашивала пол, будто наполняла его лунным свечением. Движение и все звуки, еще минуту назад сотрясавшие огромное подземелье, враз

исчезли. Онемевшие, потрясенные, застыли светлые воины, прощаясь с удивительным правительем удивительного народа. Казалось, все забыли о бое, о разбитых врагах, о победе и об убийце.

Голос Аратеро разрезал тишину пронзительным смехом:

— Ха-ха-ха! Так будет с каждым, кто встает на моем пути!

Ненавистный голос Гонандорфа заглушил звон хрустальных осколков — дверь, отделявшая священный зал от мира, рассыпалась под ударом черного меча. Опекун принцессы бежал.

Устремившиеся в погоню цоры очень скоро вернулись с плохой вестью — злодей исчез. В наступившей тишине боль от гибели Сетиса стала еще сильнее. Главный враг Аграмонта и убийца остался жив. На этот раз молчание прервала внезапно появившаяся Имна:

— Аграмонт и все существа, живущие в нем, должны состоять из добра и зла. Если уничтожить зло, то равновесие нарушится, и тогда добро перестанет существовать. Мы перестанем понимать, что есть белое, а что — черное. Мы перестанем отличать их друг от друга. Мы не сможем выбирать свой путь. Мы не сможем становиться лучше, потому что не будем знать, что есть «плохо». Истинный свет рождается лишь в трудах и битвах за него. Тьма появилась неслучайно.

Она нужна для того, чтобы мы знали, как выглядит зарождающийся и гаснущий день.

Имиа протянула Алину три священных камня:

Помни, Алин, ты боролся не с Гонандорфом, ты боролся со злом. Мать Гонандорфа вырастила зло в себе и своем сыне. Она точно знала, в чем оно состоит, — она расколола съетный мир на враждующие народы. Каждый из вас, — она обвела взглядом всех присутствующих, — еще вчера не пришел бы к другому на помощь. А сегодня вы бьетесь плечом к плечу за общий мир. Ты понимаешь, Алин, в чем состояла твоя миссия? Множество звезд, собранных вместе, возможно, затмили бы солнце. Но они никогда не станут единым, а потому их свет никогда не сравнится с дневным светилом.

И сейчас, юный воин, ты должен завершить то, что назначено судьбой. Камни собраны, но они не соединены в неразделимое целое. Эльда! Имиа обратилась к принцессе. — Дай Алину Трифорсе, время пришло!

Девушка вышла вперед из-за расступившихся воинов и протянула кокириу Золотую Судьбу. Алин, Имиа и Эльда прошли в маленький зал, где стояли загадочные плиты. Алин положил все три камня на серебряную плиту и отошел к остальным.

Как намагнитенные, камни заскользили друг к другу по гладкой поверхности и, соединив-

шись, ослепительно вспыхнули. Когда яркая вспышка погасла, все увидели, что вместо ярких цветных кристаллов на серебряной плите слабо мерцает прозрачный, как слеза, как капля утренней росы, алмаз. Золотая Трифорс, покоившаяся до этого мгновения в руках Алина, со звоном взмыла в воздух и медленно опустилась на родившийся камень.

— Это Небесный Алмаз Согласия. Он впитал в себя все добрые силы. И он властен вернуть утерянное, если это не нарушит общего равновесия, — сказала Импа. Она улыбнулась своей воспитаннице: — Мы сейчас должны посетить Кокарико, девочка. Зло нарушило планы, сделав тебя сиротой. Но сейчас пришло время исправить это.

Великолепный водный мустанг, чье прекрасное тело заметно пострадало от зубов крыс, опустился перед юной наследницей и героем:

— Я готов отнести на свет свою королеву и Избранного. Это будет для меня большой честью!

Процессия двинулась к выходу, унося раненых и убитых, но торжествуя победу.

* * *

Королевская гробница была темна и нема. Входившие невольно замолкали. И со стороны могло показаться, что кто-то выключил звук. Да-

же шум шагов, родившись, тут же исчезал, будто устилавшая пол пыль съедала его. Где-то в глубине усыпальницы капала вода, и этот звук гулко отдавался от стен, ничем не заглушаемый. Огромная гробница, богато украшенная коваными виноградными лозами, возвышалась над вошедшими.

Эльда, спустившись со спины Маруэла, тихо подошла к усыпальнице. Нежно проведя ладонью по ее поверхности, она стерла пыль. Пальцы почувствовали небольшое углубление, оплетенное металлическим растением. Форма выемки в точности повторяла форму Небесного Алмаза Согласия. Эльда вопросительно взглянула на Импу. Та улыбнулась и кивнула воспитаннице. Тогда принцесса вложила камень в углубление и отошла к остальным.

Где-то внутри саркофага появился звук и стал набирать силу с каждой секундой. Пол и стены усыпальницы мелко задрожали, будто предвещая землетрясение. Сияние алмаза нарастало вместе со звуком. На глазах у испуганных происходящим воинов светящийся камень погрузился в стенку саркофага и засиял уже изнутри его. Ярчайшее свечение и оглушающий гром заполнили усыпальницу, заставив пришедших пасть ниц...

И тут все стихло. Полутьму гробницы наполнил мягкий золотистый свет. И перед растерян-

ными воинами на месте исчезнувшего саркофага предстали удивительной красоты мужчина и женщина. Голову мужчины венчала золотая корона, усыпанная изумрудами и сапфирами. С его широких плеч тяжелыми складками ниспадала королевская мантия. Золотые одежды женщины были богато расшиты кружевами и жемчугом.

Но не это поражало в облике появившейся пары: глаза и голубые локоны женщины в точности напоминали глаза и волосы Эльды, сходство юной принцессы с мужчиной легко читалось в форме носа и губ.

Да, то, что так легко улавливал взгляд, объяснялось очень просто. Случилось невозможное — Алмаз Небесного Согласия вернул к жизни погибших родителей Эльды.

Не веря в происходящее, юная девушка схватила за руку свою верную няню. Смятение и радость искрились в ее беспомощном взгляде. Импа понимающе кивнула и подтолкнула Эльду вперед.

— Это не сон, девочка. Это заслуженный шанс начать все заново. Ты вернула миру свет, а мир возвращает свет в твою жизнь.

Эльда кинулась к родителям и обняла их. В эту минуту она вдруг стала похожа на маленького ребенка. Из ее глаз катились слезы. С ее лица исчезли и боль, и страх, и самоотвержен-

ное мужество. Там было только счастье. Счастье ребенка, которому вернули родителей...

Но принцесса уже давно стала взрослой. И научилась быть наследницей престола. Сделав над собой усилие, она выпрямилась и повернулась к своему народу. Держа за руки родных, она громко сообщила своим спутникам:

— Мои братья и сестры. Сегодня к нам в Аграмонт вернулись мир и единство. Сегодня мы заслужили второй шанс на жизнь. Алмаз Согласия вернул залог единения нашего мира Аграмонт. Это мой отец — король Мэрон Лиз и моя мать — королева Алида Рэн. С сегодняшнего дня мы все их подданные, как в прежние благополучные времена.

Все заплакали, приветствуя своих утерянных правителей, поскольку помнили, что их правление было всегда справедливым и мудрым.

Прекрасная королева Алида одарила всех луzechарной улыбкой и подошла к Алину:

— Вы, молодой человек, как я поняла, тот самый герой Аграмонта, что объединил наш мир? Разрешите считать вас своим сыном наравне с Эльдой. Большая честь познакомиться с вами!

Мэрон Лиз пожал руку кокири и вложил в нее свой именной кинжал.

Вечно темное, дождливое небо над Кокарико прояснилось — ведь потерянные души предательски убитой королевской семьи вернулись в мир.

Радостная весть неведомым путем уже достигла самых дальних уголков Аграмонта. Шелия-замок ждал светлое воинство, чтобы грандиозно отметить победу и возвращение королевской семьи. Аграмонт ликовал и праздновал.

ГЛАВА 15

Великий пир

Мэрон Лиз поднял свой золотой кубок. Огромный зал, полный гостей, затих.

— Друзья мои! — начал правитель. — Сердце мое ликует, ведь здесь сегодня все мы вместе. Здесь сегодня собрались те, кто готов был отдать за наш мир свою жизнь. Здесь сегодня все, кого создали в древние времена небесные феи. Все вместе! За Аграмонт, друзья! За победу!

Звон золотых кубков и шум радостных голосов наполнили праздничный зал. Щоры, гороны, лесной народ, люди — все вместе отмечали праздник Единения и победу над злом.

По едва заметному движению руки Импы золотые блюда на всех столах наполнились разнообразными яствами. Даже для крошечных фей нашлись кушанья — в хрустальных цветках были разложены дикий мед и розовая пыльца, лесная морошка и кристаллики застывшего

нектара. Для горонов специально привезли съедобные камни из пещеры Додонгос. Для цоров предлагалось великое множество самых разнообразных даров моря. Лесной народ с радостью обнаружил на столах пироги с малиной и лесным орехом, запеченные в сметане грибы, яблочное пюре с душистой корицей и цукатами. Словом, королевские повара постарались угодить всем гостям.

Еще совсем недавно уставшие и израненные, переживавшие потерю близких и друзей, теперь воины Аграмонта пировали и радовались жизни.

Даруния решительно поднялся с места. Король горонов молча стоял и смотрел в свой кубок с вином, пока вокруг не воцарилась тишина. Когда все замолчали, он заговорил:

— В страшном бою не погиб ни один горон. Но, к моему и общему сожалению, погибло больше половины цоров, множество кокиров и детей леса и столько же крошечных фей. Сейчас на этом пиру, за этим столом с нами нет удивительнейшего, благороднейшего из всех известных мне правителей — короля Сетиса. Плечом к плечу со мной он боролся со злом в рядах светлого воинства. Он встал на пути черного мага, когда все мы были в растерянности. Он пожертвовал своей жизнью ради мира в Аграмонте и воссоединения народов, ради уничтожения тьмы в нашем мире.

Я ошибочно считал народ цоров слабохарактерным и равнодушным. И теперь искренне раскаиваюсь в этом. Я слишком поздно понял, что истинное мужество и честь могут скрываться за внешней холодностью. И теперь я хочу попросить всех присутствующих отдать дань уважения и памяти всем тем, кого больше нет с нами.

Звук отодвигаемых стульев громовыми раскатами прогремел по залу. Все встали. Минутой молчания воины прощались с погибшими товарищами. На лицах появилась суровая печаль.

Когда все опустились на свои места, печальные раздумья разогнал Алин:

— Конечно, нас теперь меньше, но мы победили. И ушедшие всегда будут с нами в нашем теперь едином мире! И сейчас у нас праздник! И давайте об этом не забывать! Мой путь к сегодняшнему дню был самым длинным. Об этом знают не многие. Сначала я чуть не стал обедом отвратительной паучихи Гому, а моя фея рисковала быть съеденной на десерт. Потом я чуть не изжарился в вулкане Смерти, спеша к горонам. А когда мне удалось вернуть им пропитание, эти громилы едва не раздавили меня, высказывая благодарность. — (Гороны смущенно потупили глаза, а остальные засмеялись.) — У цоров я едва не утонул. Но это было после того, как я чуть не умер от ужаса при знакомстве с правительницей рыб. Она, конечно, весьма хороша

собой. Но о-о-очень уж большая! В общем, теперь есть что вспомнить!

Когда юный герой закончил свой монолог, все дружно хохотали. Каждый народ эмоционально рассказывал соседям по столу подробности упомянутых событий. Как и всегда в таких случаях, все страхи забылись, а в памяти остались жить лишь смешные и радостные моменты.

Из дальнего угла зала послышалось мелодичное ржание.

— Прошу прощения, но мне хотелось бы дополнить рассказ героя. — Это был озерный мустанг. — Ты, Алин, еще упустил сцену сражения — если можно это так назвать — с Исследователем Глубин. Тогда ты спасал одну премилую девушку и меня. Помнишь?

Маруэл явно чувствовал недостаток внимания к своей персоне. Все так заразительно делились воспоминаниями, а ведь и ему было что рассказать из пережитых вместе с Алином событий.

Кокир рассмеялся:

— Да-да, Маруэл. Это сложно забыть. Наша встреча с колдуном была такой недолгой и немногословной! А твой удар по его голове — таким точным! Не окажись тебя рядом, и мой путь стал бы значительно короче.

Маруэл засмущался.

— Что ты, Алин! Я всего лишь вернул тебе долг. Ведь непосредственно перед этим ты спас меня от неминуемой гибели.

— Ну, не один я, Маруэл! — запротестовал Алин. — Со мной была чудесная помощница с изящными копытцами. Припоминаешь?

Мустанг, вконец застеснявшись, принялся есть из ближайшего блюда — это оказались лесные грибы в остром чесночном соусе. Но смущенный Маруэл этого не замечал и продолжал интенсивно жевать. Его соседи по столу в изумлении замерли. Наконец мустанг проглотил немного нажеванных грибов. Дальше началось нечто совершенно невообразимое! Он вдруг резко откинулся назад, выпучил глаза, его щеки надулись. Сидящие с ним гости стали спешно вскакивать со стульев и отбегать в сторону. Между тем Маруэл весь как-то раздулся, продолжая еще больше пучить глаза. Он явно с трудом сдерживался, и оставалось только гадать, как скажется на озерном мустанге чесночный соус...

Суeta на дальнем конце стола постепенно привлекла внимание остальных гостей. Теперь уже и король Мэрон Лиз, и остальные гости оставили еду и уставились на Маруэла. Наконец в полной тишине, под взглядами всех присутствующих прекрасно воспитанный озерный мустанг не выдержал и... звучно рыгнул на весь пиршественный зал.

Измучившись минутным недомоганием и сголя от неловкости, он спрятал голову под стол. Гости рассмеялись.

Положение спасла принцесса Эльда. Она вскочила со своего стула и быстро подбежала к страдальцу.

— Ну перестаньте сейчас же, бессовестные! Посмотрите, до чего вы его довели! Маруэл! Симпатия к прекрасной dame — не повод стыдиться. Настоящий мужчина всегда найдет смелость открыть свое сердце. И такими чувствами надо гордиться, а не закусывать их не пойми чем! — Эльда обняла мустанга за шею и посмотрела в его темные глаза. — Тебе нравится та лошадка?

Жеребец смело взглянул в глаза девушки. Помолчав секунду, он вдруг вскинул голову, заражал и радостно объявил:

— Да, мне нравится Ини! Мне очень нравится Ини! Спасибо, Эльда, что помогла мне это понять.

Алин, как и другие наблюдавший за этой яркой переменой, вдруг посерезнел, перестал есть и о чем-то задумался. Нави, обевшаяся до такой степени, что сидела теперь в апельсиновой корке и икала, забеспокоилась.

— Алин! — позвала она. — Ты в порядке?

— Симпатия к прекрасной dame — не повод стыдиться, — повторил, как заклинание, Алин слова Эльды. — Настоящий мужчина всегда найдет смелость открыть свое сердце.

Нави кивнула:

— Хорошая мысль. Но сейчас я не могу думать. Места для мыслей не осталось. Все занято сладкой пыльцой и — ик! Морошкой!

Праздничный пир продолжался до утра. Все сели и пили, пели и танцевали, рассказывали истории и клялись друг другу в вечной дружбе. К утру уставшие и довольные гости стали собираться по домам. Прощаясь и обещая непременно посетить друг друга в ближайшее время, друзья расставались. Гороны, совсем озябшие в предрассветной прохладе, спешно двигались к горе Смерти. Цоры покинули Шелия-замок через озеро в Цитадели Времени. Лесной народ и феи отправились через Междумирье в свои леса. Люди остались приводить в порядок пиршественный зал и залы Цитадели Времени, ставшие полем боя.

Жизнь постепенно возвращалась к привычному ритму.

Истинная любовь

Отшумели празднества по всему Аграмонту. Светлое воинство разошлось по своим провинциям. Все постепенно возвращалось на круги своя. Только теперь всем жителям большой страны казалось, что солнце стало светить ярче, трава сделалась зеленее, птицы запели веселее и звонче.

Вы можете спросить: почему? Возможно, потому, что теперь повсюду, куда ни посмотри, жили близкие друзья, те, кто будет рядом и в час радости, и в час беды. Забыты были старые ссоры, обиды и упреки.

А возможно, еще и потому, что теперь зло раздавлено и отброшено в самый дальний угол. Но все ли сердца наполняла радость нового дня?

* * *

Салия сидела на пороге своего лесного дома, свесив ноги с верхней ступеньки. Ее ступни касались шершавой коры дерева. Вот уже несколь-

ко дней Салия сидела здесь, пытаясь вернуть утраченную гармонию в душе. Ее сердце, всегда полное тепла и любви, теперь сжимала боль. Боль, будто диковинное растение, росла внутри ее. Казалось, она пробралась в каждую клеточку тела. Салия убежала из Деревни, когда почувствовала, как хочет раздать свою боль другим, как хочет разбросать ее на эти смеющиеся лица вокруг. Девочка нашла в себе силы НИ В ЧЕМ НЕ ВИНИТЬ ДРУГИХ и ушла в лес.

«Почему мне так больно, так нерадостно? — спрашивала она себя. — Наш мир светел и свободен от злых чар. Все обрели утерянное. Все...» Две большие слезы скатились по щекам Салии. Да, она никогда не признавалась себе, что ее нежная забота об Алине — больше чем дружеское участие. Да, она никогда не признавалась себе, что верит в то, что они созданы друг для друга и непременно будут вместе. Она не признавалась себе, что ждет, когда ее светловолосый герой наконец поймет, как они нужны друг другу, и скажет ей об этом.

Ведь они поверили друг другу самые сокровенные секреты, искали друг у друга поддержки и вообще не могли прожить и дня без совместных игр и разговоров. Вся деревня подтрунивала над этим. Кокиры говорили, что Алину вообще не нужна фея, у него уже есть одна — Салия. Алин всегда защищал подругу и помогал

ей во всех делах. Что же произошло? Боль снова сжала сердце.

Перед глазами девочки вновь встала картина последнего разговора с Алином. В конце великого пира к ней подлетела Нави и, многозначительно подняв брови, сообщила, что Алин хочет поговорить со своей подругой о чем-то очень важном. И еще фея сказала, что прежде Алин не мог об этом говорить. Но теперь, когда их миру ничего уже не угрожает, самое время подумать о собственном будущем... Как затрепетало сердце Салии, как забилось! Вот и настал долгожданный миг! Он все понял! Он тоже любит ее!

Вспомнив теперь об этом, Салия закрыла лицо руками. Ей казалось, что ее горящие стыдом щеки видны и за пределами леса. Как же она глупа! Слова Алина в тот вечер вновь и вновь звучали в ушах. Наверное, она никогда теперь не забудет их. Салия мотнула головой, чтобы отогнать навязчивое видение. Волосы цвета молодой зелени упали на лицо. Да, теперь она точно вспомнила — именно в тот вечер в ней поселилась эта ужасная боль.

* * *

Алин уже ждал подругу на балконе королевского зала для приемов. Он нервно ходил из стороны в сторону по белоснежным мраморным

плитам. Салия невольно остановилась — вот он, миг воплощения ее мечтаний! Как же нервничает Алин... Он, должно быть, волнуется, переживает, что она ему ответит. Не надо его больше мучить.

— Алин! Ты звал меня? — Салия вышла из тени арки на залитую лунным светом террасу.

Алин стремительно шагнул к ней. Глаза его горели. «Как он повзрослел за это время, — подумала девочка, — пережитые тяготы и испытания будто помогли ему найти себя».

— Салия, — начал Алин, сжав ее руки, — Салия, я должен тебе сказать о самом главном решении в своей жизни. Я так давно не видел тебя. Я так давно не мог с тобой поговорить. А мне это было так необходимо!

Салия сделала шаг ему навстречу, подойдя почти совсем вплотную.

— Не волнуйся так, Алин, теперь мы вместе, и ничто не разлучит нас. Мы всегда будем друг другу поддержкой и опорой. Не переживай, я слушаю тебя. Что тебе не терпится сказать?

Алин с благодарностью кивнул, но чуть покосился.

— Салия, я должен тебе рассказать о том, что перевернуло мою жизнь. Я долго думал. Я понимал, какие трудности ждут меня, если я послушаюсь зова своего сердца. Но, в конце концов, если я нашел в себе мужество быть Избран-

ным, то я должен найти в себе мужество сделать выбор в пользу своего счастья. Я ведь прав? — Он испытующе заглянул в глаза подруги.

— Да, Алин, — поддержала Салия, — тем более что ты своей силой стольких сделал счастливыми, что и сам заслужил право на свое счастье.

Алин порывисто обнял девочку.

— Я знал, я знал, милая моя Салия, что ты, как и прежде, поддержишь меня. Ты — мой настоящий и верный друг! Да, я откажусь от бессмертия. Откажусь в пользу любви. Жизнь рядом с той, что мила сердцу, стоит этого!

— Откажешься от бессмертия, Алин? В пользу той, что мила сердцу? Значит, твоя избранница, Алин, не из кокиров?

Каждое слово Салии будто застrevало в горле. Внутри что-то съежилось, и холод стал распространяться по телу.

— Ну конечно! — воскликнул Алин, не замечая перемены. — Я говорю о Малон! О моей милой златовласой Малон! Я думал, что ты сразу все поняла. Ведь мы всегда понимали друг друга даже без слов! Салия, Салия, что с тобой?!

Салия окаменела. Голос Алина звучал далеко-далеко, будто их разделяла бездна. В ее осте-кленевших глазах отражались отчаяние и боль, страдание и отчуждение.

— Салия! — Алин слегка встряхнул подругу за плечи. — Ты же сама только что поддержа-

ла меня. Ну не надо так переживать из-за этого бессмертия. Я же не завтра умирать собрался!

Девочка, казалось, не слышала последних слов.

— А почему ты решил, что это истинная любовь, Алин? Ведь ты, возможно, просто влюблен. И это, как временное увлечение, скоро пройдет. А вернуть все уже будет нельзя, — проговорила Салия безжизненным голосом.

— Ах вот ты о чем... — Алин подошел к краю балкона и посмотрел на луну. — Знаешь, я тоже думал об этом. Но понял, что моя любовь — та самая, истинная, ведь ради нее и счастья любимого человека я готов отказаться от всего, что было ценно для меня до сих пор. Отказаться, ничего не требуя взамен, не ожидая благодарности за это. Я могу представить себя взрослым или старым, но это не расстраивает меня. Главное, что в глазах той, кого я люблю, я всегда увижу счастье. И счастье будет жить и во мне, пусть даже мое тело будет стареть. Я представляю себя где угодно, Салия, и каким угодно. Я только не представляю себя без Малон! Что ты скажешь мне на это? Ты всегда была мне почти сестрой, и твое мнение для меня важно.

Салия не долго молчала:

— Смогу ли я тебя остановить, если не поддержу?

Алин покачал головой.

— Тогда иди, мой герой, за своей истинной любовью. Деку-дерево говорил, что, только встретив истинную любовь, кокир получает право распоряжаться своей жизнью полностью. Ты прав, если ты готов отказаться ради счастья любимого человека от всего, что ценно для тебя, и не ждать благодарности... это истинно.

Договорив, Салия повернулась и вышла с балкона.

— Спасибо, сестренка, — тихо проговорил Алин. — Спасибо за то, что поддержала, хотя мой отказ от бессмертия так потряс тебя.

И он тоже вернулся в шумный пиршественный зал.

Несколько самых любопытных фей, разумно спрятавших свое свечение в серебристых от лунного света листьях, молча плакали. Никто из них, даже сама Нави, не имел права вмешиваться, когда кокиры находят истинную любовь. И Нави, как никто другой понимавшая чувства Салии, сама ждала совсем иного разговора. Как мог Алин не видеть, не чувствовать, что переживает его подруга?! Как слепа бывает любовь к чувствам других!

* * *

Салия вздохнула. Внутри стало очень спокойно и свободно. Девочка знала, что это значит. Она улыбнулась. «Ах, старый, мудрый Де-

ку-дерево, неужели ты предвидел будущее, неужели все знал наперед? Ты рассказывал мне об истории нашего народа, учили разным языкам, говорил о традициях и законах, учили врачеванию целебными травами. Благодаря тебе, мой ушедший учитель, я всегда знала много большее, чем все остальные кокиры. Порой мне казалось, что ты спешишь передать мне ВСЕ свои знания. Как спешит передать свои знания стареющий человек своему подрастающему отпрыску. А ведь так оно и было...» Салия снова улыбнулась.

Девочка встала и зашла в дом. С нежностью она окинула взглядом свою комнату. Глиняные горшочки полны меда и сушеных фруктов, сухие мятные букетики висят над столом, готовые стать ароматным чаем, все чисто и ждет новых жильцов. Салия последний раз разгладила несуществующие складки на постели. Надо спешить, скоро зайдет солнце.

Хозяйка тихо прикрыла за собой дверь и спустилась по лестнице на землю. Редкие лесные жители, встретив девочку, решили бы, что она торопится по очень важному делу. Салия старалась успеть до заката к Деку-дереву.

Солнце как раз путалось в высохших ветвях старого дуба, когда Салия достигла заветной поляны. Она подошла к безжизненному стволу и крепко обняла его.

— Ты так много рассказывал мне об истинной любви, наставник. Ты говорил, что это прекрасный дар, который может подарить счастье или страшную боль. Принять или отвергнуть эту любовь — право каждого живущего. Ты говорил, что если эта любовь взаимна, то принявший ее будет счастливцем. А если она безответна, принявший ее станет мудрецом. А если он кокир, то и наставником... после страданий, когда боль вдруг отпустит и вернется душевный покой... И новый мудрец займет твое место и станет хранителем своего народа. Зачем ты рассказывал мне все это, Деку-дерево? Я встретила истинную любовь и отпустила любимого, чтобы он был счастлив. Я боролась с болью несколько дней, а теперь она ушла, будто по волшебству. Что же дальше, учитель? Я буду наставником?

В ответ лишь порыв ветра заскрипел в ветвях сухого дерева.

Салии так хорошо было стоять, обняв ушедшего хранителя. Так спокойно билось сердце. И воспоминания об Алине и Малон не пробуждали боли. В душе жила любовь ко всем и всему, что она знала и видела. Мир прекрасен во всех своих проявлениях. И потеря — это лишь начало нового пути... Салия задремала.

— Ну, здравствуй, наставник!

Салия открыла глаза. Перед ней стояли кокиры и дети леса. Их зеленые и пестрые одеж-

ды чудесно перемешались. Теперь они стали единственным народом. Единственное, чего не понимала Салия, это почему все они были значительно ниже ее. Она легко видела всех стоявших, будто сидела на высоком дереве.

— Доброе утро, Мидо! Доброе утро, Нилок! Почему вы все здесь?

Салия попыталась потянуться. Странное ощущение появилось в теле. И совсем рядом с лицом зашелестели зеленые лапчатые листья. Попытка повернуться закончилась тем же шелестом. Что происходит?!

— Доброе утро, Саку-дерево! Как велел Деку-дерево перед смертью, мы всем народом явились сюда в седьмой день после победы, чтобы поприветствовать своего нового хранителя. Ты очень красивый каштан. Да еще и цветущий. Деку-дерево велел почему-то сообщить тебе, кто ты. Он сказал, что тебе понадобится время, чтобы принять свою миссию. Но мы все очень рады тебе! — Мидо поклонился.

Его примеру последовали остальные.

Салия некоторое время молчала. Разрозненные мысли, чувства, события постепенно складывались в единую картину произошедшего. И теперь становилось понятно, почему ее учитель говорил о непрерывности жизни и о том, что у каждого есть своя судьба и свой выбор. Интересно, а если бы Салия отказалась от своей ис-

тинной любви или рассказала Алину о своих чувствах или не пришла вчера вечером на это место? Что бы было тогда? Впрочем, для того чтобы об этом подумать, у Салии теперь было очень много времени.

— Цветущий каштан, говоришь? — Салия вновь тряхнула ветками. — Ну что ж, я всегда любила каштаны. Я тоже рада вам, мой прекрасный народ!

ЭПИЛОГ

Итак, страшные времена для Аграмонта минули. Что же стало с нашими друзьями?

Шелия-замок вновь наполнился жизнью. Принцесса Эльда, оставив свое заточение и государственные дела, теперь играет и смеется, совсем как ребенок. Дворцовые слуги и стража, набранные Гонандорфом, бежали, а потому их всех заменили людьми из города. Многие из них прежде служили у королевской семьи и теперь вернулись на службу. Король занялся приведением в порядок управления страной и казнью.

Алин после разговора с Салией прямо из Шелия-замка направился на ферму Талона и Малон. Там его по-семейному встретили все обитатели. Надо сказать, что о решении героя поселиться на ферме уже нашептал услужливый Ветер, поэтому восторженная Малон и ее расстроганный отец накрыли праздничный стол к приходу гостя.

Кстати, Алин явился не один. Красавец Маруэл, получивший порядочное количество ра-

нений, тоже навязался в попутчики. Он очень туманно и многословно объяснял, что только целебное молоко коров Талона может поправить его здоровье. Причем несколько бидонов молока, которые специально для восстановления сил воинов уже направил фермер, его не устраивали. Ему, видите ли, нужно было наисвежайшее, «прямо из-под коров», так сказать.

В шуме и суеток всеобщих прощаний, братаний и приглашений в гости никто, кроме Нави, не обратил внимания на поведение озерного мустанга. Она же только хихикнула в кулак и деловито сообщила, что на ферме Талона вообще атмосфера для восстановления очень многообещающая. Да и сама Нави, подумав немножко, также решила присоединиться к Алину. Теперь, когда он отказался от бессмертия и перестал быть кокиром, она вольна лететь куда хочет. Вот она и захотела лететь на ферму. Там ждала беззаботная Эпона, игры с которой, конечно, утомительны, но интересны. И если «лечение» Маруэла затягивается, то ее мамаша, Ини, занятая своим благородным гостем, точно будет нуждаться в няньке для своей дочери.

Цоры отнесли всех своих погибших в воды пещерных озер, и те растворились в них, чтобы вновь возродиться в следующих воплощениях. Принцесса Руто стала королевой. А править ей помогал Лорд Вабу-Вабу — хранитель водного народа. Рыбы простили его. И теперь все во-

просы водного мира решались сообща цорами и рыбами.

Даруния, душевный и общительный, неозвращался бы в свой вулкан еще долго. Все хотели видеть его у себя в гостях. Но он, как и весь его народ, порядком замерз и проголодался. И если специально для великого пира из пещеры Додонгос привезли лучшие камни, то повысить окружавшую температуру до необходимой не представлялось возможным. И теперь Огненный Генерал страшно переживал, что долго не увидит друзей. Правда, король Мэрон Лиз пообещал дать поручение своим мастерам, чтобы те создали термостойкие костюмы для посетителей огненной страны, и тогда любой желающий сможет приходить в раскаленные покои Дарунии когда угодно.

Мидо и Нилок, оба раненые и перевязанные, весь пир обсуждали дальнейшую жизнь своих народов. В конечном итоге они пришли к выводу, что объединение пойдет всем на пользу, тем более что отличия их так несущественны. Лесные феи уже давно дружественно относились к этим народам.

Саку-дерево вполне приняло свою миссию и теперь мудростью и любовью помогает строить жизнь объединенного лесного народа. Лесной народ очень гордится своим хранителем. Кроме прочего, их чудесный каштан всегда цветет, испуская волшебный сладкий аромат.

А что же стало со злобным черным магом Аграмонта? Куда же бежал Гонандорф? Он поспешил в Герудо-крепость, где его без особого восторга встретили соплеменники. Ведь еще мальчиком он надменно общался с ними, говорил о своем великом будущем и их бесславном настоящем. Теперь, израненный и побежденный, он постучался в отчий дом и попросил защиты. Его впустили. Под насмешки детей и гробовое молчание взрослых он прошел по крепости до комнаты своей матери. Когда тяжелая дверь закрылась, все забыли о новом жильце. Забудем о нем и мы.

И пусть наш мир Аграмонт будет всегда миром Согласия. Ведь в нем, как и в любом другом мире, есть для этого все необходимое.

Содержание

Пролог	7
Глава 1. ВЕЩИЙ СОН	28
Глава 2. ПОД ДЕКУ-ДЕРЕВОМ	43
Глава 3. КОРОЛЕВА ГОМУ	55
Глава 4. МЕЖДУМИРЬЕ	66
Глава 5. ПРИНЦЕССА ЭЛЬДА	85
Глава 6. ГОЛОД	105
Глава 7. В ДЕРЕВНЕ	119
Глава 8. СПАСЕНИЕ	132
Глава 9. НА ФЕРМЕ	141
Глава 10. ПРИМИРЕНИЕ	154
Глава 11. У ЦОРОВ	161
Глава 12. ПОБЕГ	178
Глава 13. В СВЯЩЕННОМ ПОДЗЕМЕЛЬЕ . .	190
Глава 14. ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА	201
Глава 15. ВЕЛИКИЙ ПИР	216
Глава 16. ИСТИННАЯ ЛЮБОВЬ	223
Эпилог	234

Литературно-художественное издание

Валерия Спиранде

АГРАМОНТ

Ответственный редактор *Н. Аллунан*

Технический редактор *О. Шубик*

Корректоры *Л. Ершова, М. Ахметова*

Компьютерная верстка *А. Шубик*

Художественный редактор *А. Матвеев*

Оригинал-макет подготовлен ООО «Издательский дом «Домино».

191028, Санкт-Петербург, Моховая ул., д. 32.

Тел./факс (812) 329-55-33.

E-mail: dominospb@hotbox.ru

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksмо.ru E-mail: info@eksмо.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksмо-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями** обращаться в отдел зарубежных продаж ООО «ТД «Эксмо»
E-mail: foreignseller@eksмо-sale.ru

International Sales:

For Foreign wholesale orders, please contact International Sales Department at
foreignseller@eksмо-sale.ru

По вопросам заказа книг «Эксмо» в специальном оформлении
обращаться в отдел корпоративных продаж ООО «ТД «Эксмо»
E-mail: project@eksмо-sale.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksмо-sale.ru, сайт: www.kanc-eksмо.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Ставки, 24ЗА.
Тел. (863) 268-83-59/60.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-45-92.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

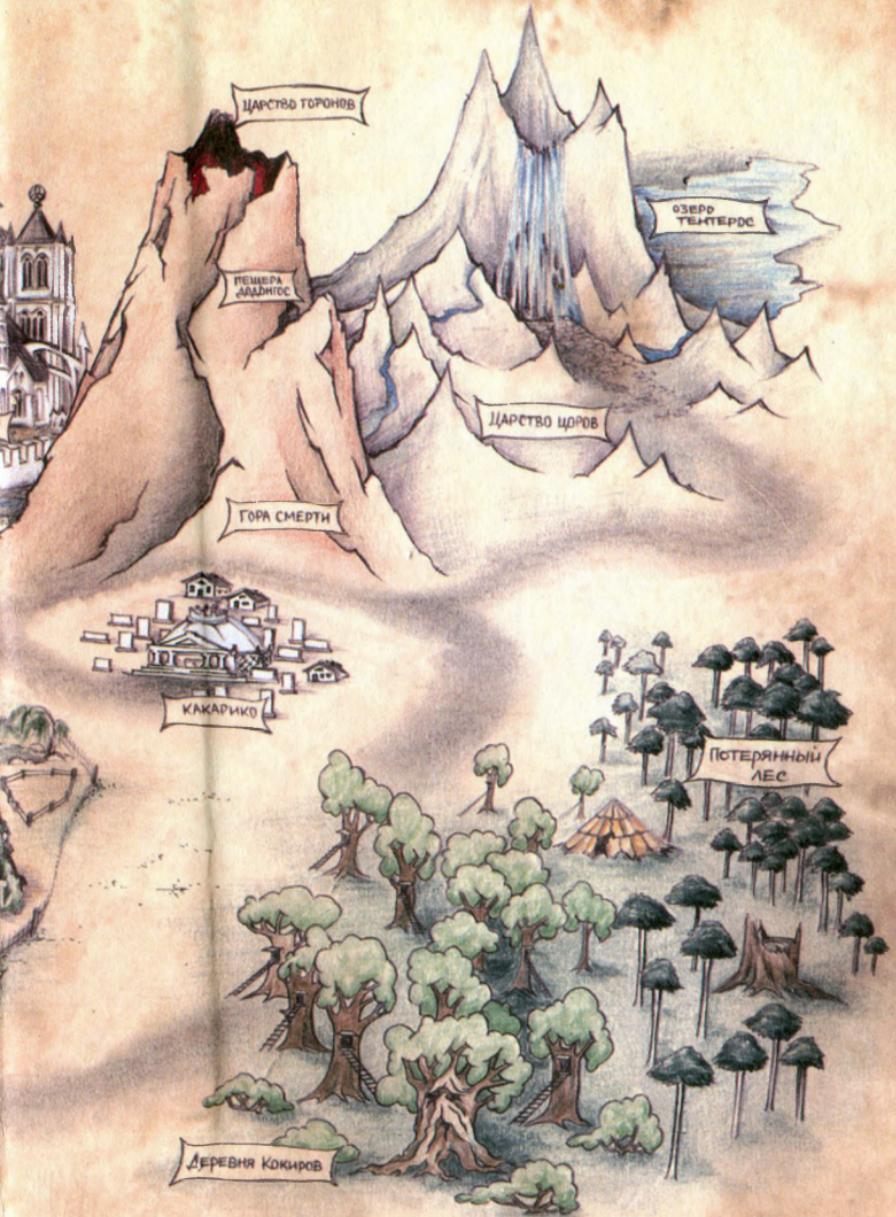
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

МЕНДУМЫРЬ

Эта книга — настоящее чудо, ничего подобного еще никогда не выходило в свет ни у нас в стране, ни за рубежом! Ведь Валерия Спиранде написала эту волшебную повесть, когда ей было всего десять лет, однако ее писательскому мастерству могут позавидовать и многие взрослые авторы. Прочтите — и убедитесь сами: чарующий мир, появившийся из-под пера юной писательницы, завораживает как детей, так и взрослых.

ISBN 978-5-699-18913-7

9 785699 189137 >